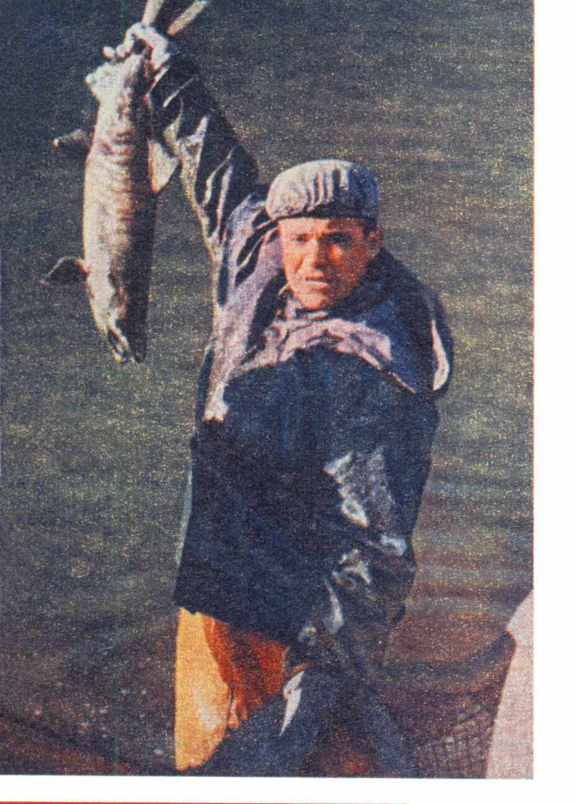
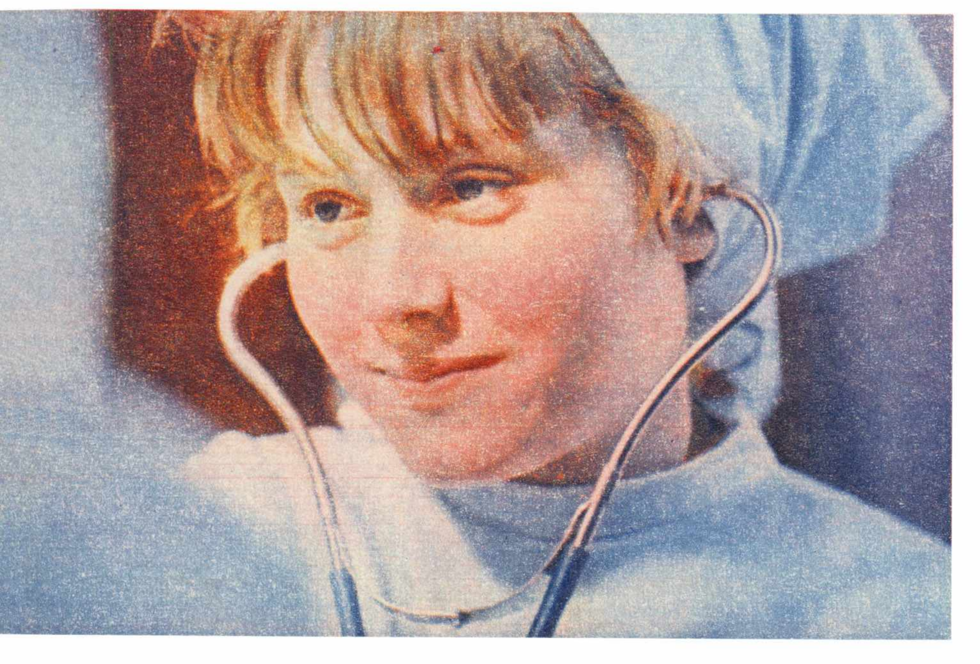

ОГОНЁК

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

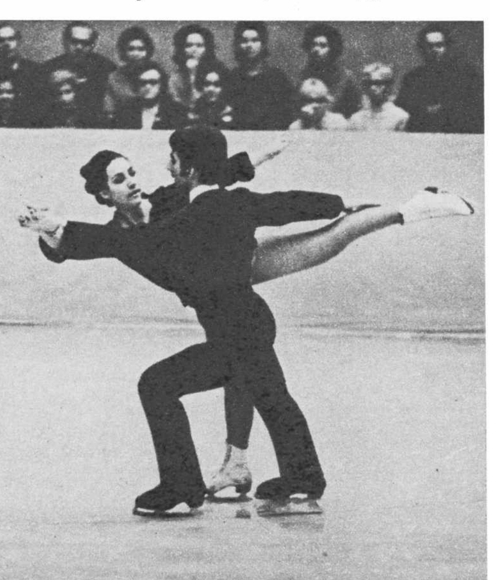
Наша золотая пара И. Роднина и А. Уланов.

Лучший танцевальный дуэт чемпионата — Л. Пахомова — А. Горшков.

ФИГУРИСТЫ

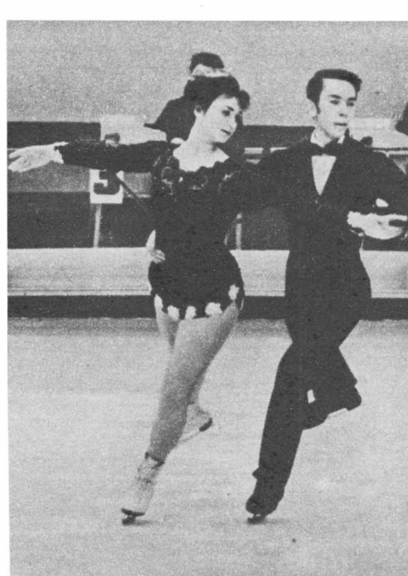
Серебряные призеры в парном катании Л. Смирнова и А. Сурайкин.

Спортсмены из ФРГ А. и Э. Бук были вторыми в танцах на льду.

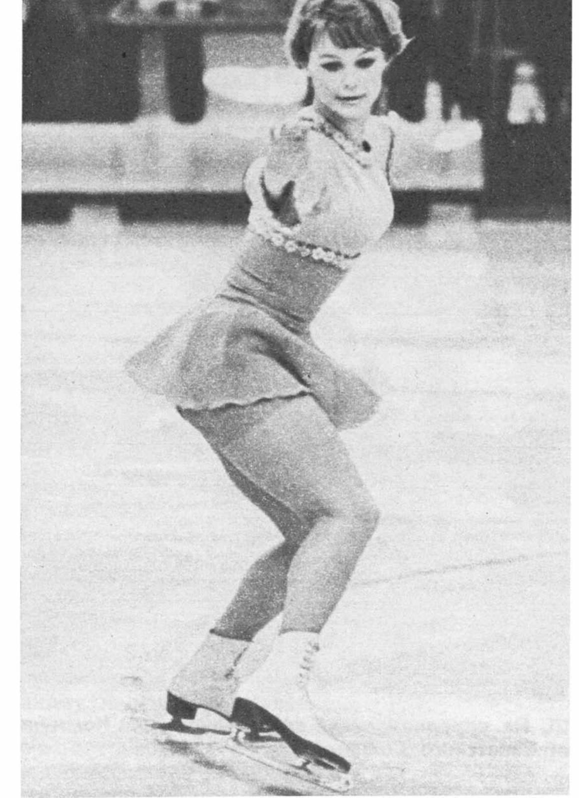

Б. Шуба (Австрия)—серебряные коньки Европы.

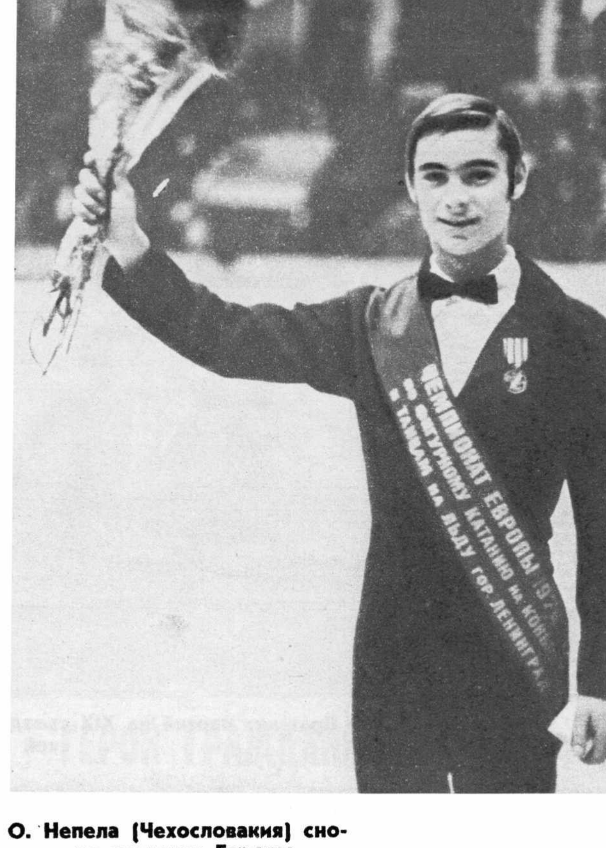

Т. Войтюк и В. Жигалин — бронзовые призеры в танцах на льду.

Габи Зейферт (ГДР) — первая.

О. Непела (Чехословакия) снова чемпион Европы.

У каждого чемпионата Европы — свое обаяние, свои герои, свои открытия. И чемпионат, который проходил в ленинградском дворце спорта «Юбилейный», не исключение. У него свое лицо. И прежде всего потому, что нынешний чемпионат расположился как бы на границе двух поколений: из фигурного катания ушло много первоклассных мастеров, теперь их места занимают фигуристы совсем молодые. К их фамилиям, к их манере еще надо привыкать.

В течение многих лет героями чемпионатов были Людмила Белоусова и Олег Протопопов. В прошлом году их сменили на первой ступеньке пьедестала почета Ирина Роднина и Алексей Уланов. На льду «Юбилейного» они защитили свое чемпионское звание. Их уже проверенная двухлетним опытом произвольная программа выглядела неуязвимой. И соперники отлично понимали это. И судьи понимали тоже. И все же не они одни стали героями чемпионата. Наша вторая пара — Людмила Смирнова — Андрей Сурайкин вовсе не чувствовали себя дебютантами европейского первенства и завоевали сразу серебряную медаль. В течение нескольких лет этой паре помогали Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Вот почему в сегодняшней произвольной программе серебряных призеров мы видим знакомые штрихи, знакомые нам творческие приемы.

Отлично выступила и наша танцевальная пара — Людмила Пахомова и Александр Горшков. Творческий облик этих спортсменов, впервые завоевавших золотую медаль чемпионов Европы, складывался в течение четырех лет. И с самого первого сезона их тренер Елена Чайковская решила, что Пахомова и Горшков никогда не повторят движений, исполняемых другими танцорами. Только свое! И каждый новый сезон они изобретали новые повороты, новые шаги, новые поддержки, характерные прежде всего для русского танца. Сегодняшний их произвольный танец открыл нам особенно много творческих находок.

После окончания соревнований я беседовала с господином Деми — руководителем технического комитета ИСУ по танцам. Его оценка наших танцоров была краткой и выразительной. «Я надеюсь,— сказал он,— что с помощью Пахомовой и Горшкова спортивные танцы наконец войдут в программу Олимпиад. И в первую очередь потому, что Людмила и Александр несут с собой новое направление, чрезвычайно выразительное и спортивное».

Велика роль тренера в фигурном катании, недаром в ленинградском Дворце спорта мы так часто видели взволнованные лица воспитателей замечательных спортсменов. И особенно часто перед нами возникала фигура немолодой, скромной женщины, стоявшей у кромки льда. Это была Ютта Мюллер, тренер немецких фигуристов из Карл-Маркс-Штадта. Мама Ютта, как называют ее все. Это она вырастила Габриэль Зейферт, неподражаемую Габи, которая снова на ленинградском льду доказала свое полнейшее превосходство в европейском одиночном катании. Это она привезла на чемпионат новых, подающих большие надежды фигуристов — Соню Моргенштерн, Ральфа Рихтера, замечательную пару Гросс — Кагельман.

Большое впечатление оставило крепнущее мастерство чехословацкого фигуриста Ондрея Непела, оставившего снова на втором месте французского фигуриста Патрика Пера. Ну, а нам в одиночном мужском катании надо утешать себя тем, что Сергей Четверухин, занявший на чемпионате четвертое место, получил отличное подкрепление в лице Юрия Овчинникова. Девятнадцатилетний ленинградский фигурист показал истинно чемпионское произвольное катание...

Опустел лед дворца спорта «Юбилейный». Разъехались по домам спортсмены и журналисты. Но ненадолго. В начале марта они снова соберутся вместе, на сей раз в югославском городе Любляне, где будет разыграно первенство мира.

Л. ДОБРОВА

РАДУЮТ

П. Пера (Франция), как и в прошлом году, второй.

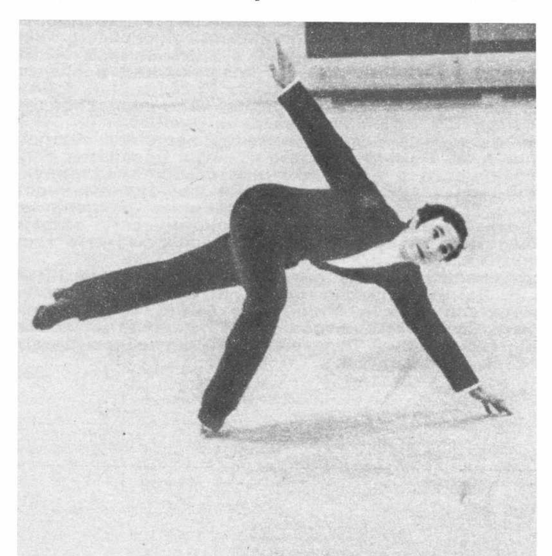

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 7 (2224)

Основан 1 апреля 1923 года

14 ФЕВРАЛЯ 1970

Посланцы братских партий на XIX съезде ФКП. На переднем плане слева—делегация Коммунистической партии Советского Союза.

Фото агентства Кейстон — ТАСС.

ФОРУМ ФРАНЦУЗСКИХ КОММУНИСТОВ

Величественными звуками «Интернационала», прозвучавшими 8 февраля во Дворце спорта имени Мориса Тореза в парижском пригороде Нантере, закончился XIX съезд Французской коммунистической партии.

В день открытия съезда делегатов и гостей приветствовал мэр Нантера коммунист Раймон Барбе. Вступительную речь произнес ветеран партии член Политбюро ФКП товарищ Жак Дюкло.

С докладом Центрального Комитета ФКП «Борьба против власти монополий и совместные выступления рабочих и демократических сил за передовую демократию и социализм» выступил член Политбюро и секретарь ЦК ФКП товарищ Жорж Марше.

Итогам обсуждения тезисов партии к съезду посвятил свой доклад член Политбюро ФКП директор «Юманите» Этьен Фажон.

Выступившие делегаты говорили о самых острых вопросах, волнующих коммунистов, трудящихся страны.

На съезде присутствовало более шестидесяти делегаций братских партий.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся делегацию Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС товарищем А. П. Кириленко. Выступление главы делегации КПСС было выслушано с огромным вниманием.

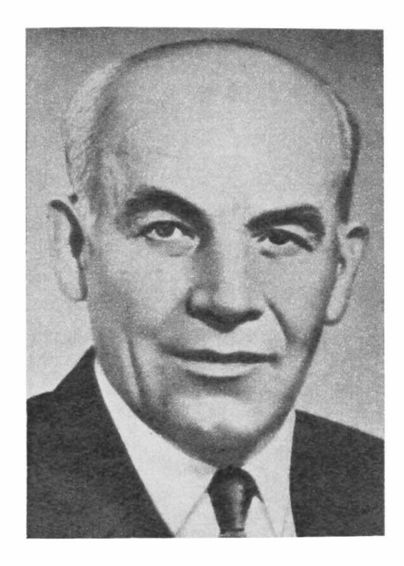
А. П. Кириленко передал съезду французских коммунистов приветствие ЦК КПСС, в котором отмечается, что ФКП последовательно и твердо борется за единство международного коммунистического движения на основе марксизма-ленинизма. Делегация КПСС передала президиуму съезда памятный дар — скульптурный портрет В. И. Ленина.

Съезд единодушно принял специальный документ, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В нем содержится призыв ко всем коммунистам и трудящимся Франции широко отметить ленинский юбилей.

На заключительном заседании съезда член Политбюро, секретарь ЦК ФКП Г. Плиссонье доложил о результатах выборов в руководящие органы партии.

Состоявшийся пленум ЦК ФКП избрал Генеральным секретарем партии Вальдека Роше и учредил новый пост — заместителя Генерального секретаря, на который был избран Жорж Марше.

XIX съезд ФКП показал, что 450-тысячный отряд коммунистов является лучшим защитником интересов трудящихся, партией, борющейся за социальный прогресс, передовую демократию, мир, национальную независимость и социализм.

ОРДЕН ЛЕНИНА — ВЛАДИСЛАВУ ГОМУЛКЕ

Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с 65-летием со дня рождения награжден орденом Ленина Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Владислав Гомулка. Этой наградой Президиум Верховного Совета СССР отметил его выдающиеся заслуги в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Польской Народной Республики, в укреплении мира и социализма, его многолетнее активное участие в мировом коммунистическом движении.

Товарищ Владислав Гомулка — большой друг Советского Союза, последовательный интернационалист-ленинец и соратник советских коммунистов по борьбе за общие цели и идеалы, за сплоченность рядов коммунистов, за торжество коммунистических идей,— так говорится в поздравлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР. Вклад тов. В. Гомулки в «укрепление братства и всестороннего сотрудничества между ПОРП и КПСС, между нашими странами высоко оценивается всеми коммунистами и трудящимися Советского Союза».

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР в день 65-летия пожелали выдающемуся сыну польского народа, стойкому борцу за дело рабочего класса, за победу социализма в Польше крепкого здоровья и новых успехов в работе.

НАУКА И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Общее собрание Академии наук СССР. Выступает президент АН СССР М. В. Келдыш.

Фото Ю. Устинова.

Этому вопросу было посвящено общее собрание Академии наук СССР. В нем приняли участие крупнейшие ученые страны и представители промышленности, руководители отраслевых институтов.

«К столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина — основателя первого в мире социалистического государства,— сказал в своем докладе президент АН СССР академик М. В. Келдыш,— наша страна приходит с огромными достижениями в экономической, социальной и культурной областях».

Рассказывая об успехах математики, физики, биологии, химии, исследовании космического пространства, геологии, академик М. В. Келдыш остановился на конкретных примерах, показывающих, как научные идеи приводили к подлинной революции в технике, к появлению новых источников энергии, высокопроизводительных машин, точнейших приборов. Так, например, внедрение электронно-вычислительных машин в самые различные отрасли науки и техники открыло поистине необъятные перспективы, не меньшие, чем появление станков в эпоху промышленной революции.

«Физика и технический прогресс» — название доклада академика Н. Г. Басова, в котором лауреат Ленинской и Нобелевской премий рассказал об открытиях советских ученых в области строения материи, физики плазмы, астрофизики, лазерной техники, электроники, новых методах исследований, вторгающихся как в лабораторию ученых, так и в промышленность.

Темой выступления директора Института кибернетики Украинской Академии наук академика В. М. Глушкова была вычислительная техника и проблемы автоматизации и управления. «Технический прогресс в энергетике» — так назывался доклад, подготовленный академиками В. А. Кириллиным и М. А. Стыриковичем; о последних достижениях в области химии, геологии, микробиологии рассказали лауреат Нобелевской премии академик Н. Н. Семенов, академик А. П. Виноградов, член-корреспондент АН СССР Г. К. Скрябин и другие крупные советские ученые.

В своем выступлении о социально-экономических вопросах технического прогресса академик А. М. Румянцев особо отметил проблемы непосредственной заинтересованности в новой технике самих предприятий, а также ответственность создателей этой техники за экономичность предлагаемых ими машин. Советская наука и техника располагают огромными ресурсами, позволяющими увеличить экономический эффект, реально получаемый обществом от средств, вложенных в научное творчество, подчеркнул докладчик.

На собрании присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС М. С. Соломенцев, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике академик В. А. Кириллин, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС академик С. П. Трапезников.

ВСЕ ТА ЖЕ ЭСКАЛАЦИЯ...

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Иван ЩЕДРОВ

В ночь с 5 на 6 февраля во Вьетнаме, по лунному календарю, произошла смена года, и — как это уже происходит девять лет подряд — на многострадальной земле воцарилась на короткие новогодние часы мирная тревожная передышка. А потом снова из Вьетнама — тревожные вести, а из Парижа — лаконичные телеграммы о том, что в ходе переговоров «не достигнуто никакого прогресса».

Кто, чья преступная рука сдерживает поворот к соглашению о мирном урегулировании этого неугасающего военного смерча, вселяющего в сердца людей тревогу за будущее мира? Девять лет разбойничьей авантюры империалистической Америки уже принесли зловещие «плоды» — более миллиона мирных вьетнамцев убиты, миллионы изувечены на всю жизнь, у миллионов украдено детство, юность...

Канувший в Лету год, вступая в свои права, нес надежду миру: Вашингтон вынужден был расписаться в бессилии, заявив о прекращении с 1 ноября 1968 года пиратской воздушной войны против ДРВ. 25 января 1969 года в Париже начались переговоры, сама повестка дня которых окрыляла — достижение соглашения о мирном урегулировании вьетнамской проблемы.

Надежда на близкий мир казалась реальной. Но ее вновь пытаются похоронить, утопить в словесном потоке лживого миролюбия те, кто начинал и вдохновлял преступную авантюру. Вывеску американской «эскалации» подменили новыми — «деэскалацией» и «вьетнамизацией конфликта». Агрессор выставляет себя спасителем, а поднявшийся на борьбу против иностранной интервенции народ изображается агрессором. А вот суть этого дипломатического и пропагандистского спектакля. Если за 1965—1968 годы американская авиация обрушила на вьетнамские города 2 800 тысяч тонн смертоносного бомбового груза, то за один только прошлый год — почти половину его. Если к этому добавить, что число карательных операций американо-сайгонских войск возросло в прошлом году до 16—17 тысяч ежемесячно, то есть удвоилось по сравнению с предыдущими годами, то станет ясно, что стоит за так называемым курсом на «деэскалацию».

И еще одно популярное словечко появилось в Белом доме — «вьетнамизация конфликта». Речь идет о продолжении войны с более активным использованием сайгонского «пушечного мяса». Так, с начала прошлого года до середины апреля этого года в Белом доме планируют сократить Экспедиционный корпус США на 110 тысяч солдат и офицеров, после чего останется 500 тысяч американских и прочих интервентов, не считая 900-тысячной наемной армии сайгонских марионеток. При таких темпах сокращения американских военных сил «вьетнамизация» войны потребует по крайней мере еще шесть лет. Впрочем, это, как утверждает журнал «Тайм», уже учтено в секретном плане Пентагона.

Вашингтонские «ястребы» изо всех сил стараются поддержать пылающий очаг войны. 1 200 сайгонским военным летчикам предстоит пройти курс обучения в Америке, а для остальных в Южном Вьетнаме создается еще один центр подготовки, рассчитанный на 8 тысяч курсантов. Зловещие шаги...

Я пишу эти строки, вспоминая свою поездку по знакомым фронтовым дорогам северовьетнамской земли уже после объявления Вашингтоном о прекращении войны против ДРВ. Меня не покидало тревожное чувство: разве можно это назвать миром? Ведь каждодневно, днем и ночью, над головой слышался зловещий шум реактивных двигателей американских самолетов.

В прошлом году американская авиация совершила 11 тысяч 810 разведывательных полетов над ДРВ, более 600 раз бомбила и обстреливала населенные пункты между 17-й и 19-й параллелями. Около 300 раз северовьетнамские города и села подвергались артиллерийскому обстрелу. А сегодня? В январе и феврале этого года — снова провокационные налеты на территорию республики. И если полгода назад число ежемесячных шпионских налетов не превышало пятисот, то за последние месяцы стремительно приближается к тысяче.

И под эту канонаду «ястребы» разных калибров все громче и громче говорят о возможном возвращении к эскалации, но, разумеется, в новой обертке. Министр обороны США Лэйрд на закрытом заседании подкомиссии палаты представителей США без обиняков объявил, что новый курс «вьетнамизации» либо «приведет к победе» (а не к мирному урегулированию!), либо «в противном случае не исключается возможность новой эскалации Соединенными Штатами этой войны на грани применения ядерного оружия». А вице-президент сайгонского режима Нгуен Као Ки угрожает в открытую: если на это не пойдут американцы, «мы своими силами возобновим налеты на ДРВ».

И все-таки, к счастью, далеко не все сегодня зависит от «ястребов», будь они вашингтонского или сайгонского оперения. Стратегия агрессии и интервенции не принесла лавров победителей их вдохновителям. На стороне сражающегося народа Вьетнама все честные люди мира, помощь и поддержка социалистического содружества, всех сил мира и прогресса. Эта сила доказала свое могущество, уже достигнуты на этом пути успехи. Они вселяют в сердца людей уверенность в конечной победе правого дела, зовут к еще большему сплочению, чтобы открыть зеленый свет миру, прочному, справедливому миру на земле героического Вьетнама.

ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

С того времени, как Семен Константинович Тимошенко стал наркомом обороны, служба в армии стала трудней. Резко повысились требования к бойцам и командирам. Учения стали проводиться в условиях максимального приближения к боевой обстановке. Более жесткой стала дисциплина.

Кое-кому, особенно молодым, пришлись не по вкусу нововведения. Но нарком знал: иначе нельзя. За спиной Семена Константиновича уже в то время был огромный боевой опыт — первая мировая война, которую он прошел пулеметчиком, гражданская, которую закончил командиром кавалерийской дивизии легендарной Первой Конной армии.

Боевой опыт наркома обороны подсказывал без железной дисциплины, без трудной, требующей отдачи всех сил учебы, без большого пота нельзя воспитать настоящего солдата. И он настойчиво добивался этого.

Зато как благодарили солдаты наркома за науку, когда пришла лихая година, началась Великая Отечественная война! Как облегчилась их военная судьба оттого, что они вступили в бой натренированными, подготовленными, приученными действовать в любых условиях воинами!

Вот что говорит о бывшем народном комиссаре обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»:

«Надо сказать, что смотровые учения в присутствии высших военных руководителей были весьма поучительными и мобилизующими. С. К. Тимошенко боевую подготовку бойца, частей и подразделений знал хорошо и любил это дело. С назначением его наркомом обороны в боевой подготовке войск был взят, как того требовала партия, правильный курс — учить тому, что потребуется на войне».

В годы Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко был назначен заместителем наркома обороны, командовал фронтами, координировал действия фронтов, а также сухопутных войск и морских сил. Он явился организатором многих сражений, в которых Советская Армия одержала победу над сильными, вооруженными до зубов группировками противника.

Недаром на груди Семена Константиновича сияют знаки самых высоких наград — две Звезды Героя Советского Союза, орден Победы, четыре ордена Ленина и много других боевых орденов. Эти награды — вехи славного пути одного из старейших советских полководцев. Но и сейчас, несмотря на свои семьдесят пять лет, значительная часть которых прошла в тяжелейших боевых походах, Семен Константинович Тимошенко полон сил и энергии и продолжает вести большую работу на высоком посту Председателя Советского комитета ветеранов войны.

На международных совещаниях и встречах ветеранов войны Советского Союза и зарубежных стран Семен Константинович с большим достоинством, знанием дела, мудростью и проницательностью представляет советских фронтовиков и партизан, которые в годы войны отстояли мир от фашизма и принесли свободу многим странам.

Глядя на высокую, всегда подтянутую фигуру с великолепной выправкой, трудно поверить, что Семен Константинович уже немолод.

Кажется, что он почти не изменился с тех пор, как водил полки на полях сражений Великой Отечественной. И нам, ветеранам этой войны, хочется от всей души пожелать одному из старейших маршалов Советского Союза С. К. Тимошенко доброго здоровья и долгих-долгих лет жизни.

В. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

В БОЯХ ЗА ВЕНГРИЮ

Маршал авиации В. СУДЕЦ

Освобождение Венгрии началось осенью 1944 года после разгрома группы немецких армий «Южная Украина» в Ясско-Кишиневской операции. Войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского к 28 октября освободили восточные районы Венгрии, в ноябре вышли с юго-востока и востока на подступы к Будапешту. В г. Дебрецене 22 декабря было образовано Временное национальное правительство Венгрии.

Войска 3-го Украинского фронта под командованием маршала Ф. И. Толбухина после освобождения Болгарии и после освобождения во взаимодействии с героическими войсками Народно-освободительной армии Югославии и болгарской армией Центральной Сербии и Белграда форсировали Дунай и во второй половине ноября захватили на его правом берегу крупный плацдарм на территории Венгрии.

Ставка Верховного Главнокомандования решила наступлением войск обоих фронтов в направлении Эстергома окружить и уничтожить будапештскую группировку, а затем освободить Будапешт. Действия войск фронтов координировал представитель Ставки Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и военно-воздушных сил — маршал авиации Г. А. Ворожейкин.

Гитлер требовал от военного руководства любой ценой удержать Венгрию, которая давала в то время Германии 80 процентов всей нефти. Потеря Венгрии угрожала вступлением советских войск в Австрию, где действовало около шестисот военных предприятий, поставлявших гитлеровскому вермахту до 9 тысяч самолетов в год, по 850 танков и по тысяче орудий в месяц.

Битва за сохранение Венгрии и Австрии являлась для гитлеровского верховного руководства вопросом жизни или смерти...

Выполняя замысел Ставки, 26 декабря советские войска окружили в Будапеште 188-тысячную группировку фашистских войск в составе 7 пехотных, 3 танковых и моторизованных, 2 кавалерийских дивизий и более 30 отдельных полков и батальонов. В 30—50 километрах западней столицы войсками 3-го Украинского фронта был создан и внешний фронт окружения.

В левобережной части города — Пеште действовала группа войск 2-го Украинского фронта в составе 30-го и 18-го гвардейского стрелковых корпусов и 7-го армейского корпуса Румынской армии под общим командованием генерала И. М. Афонина (а после его ранения — генерала И. М. Манагарова).

В древней Буде до 20 января вели бои войска 3-го Украинского фронта — 46-я армия генерала И. Т. Шлемина и 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К. В. Свиридова.

Большую помощь войскам фронтов оказали летчики 5-й и 17-й воздушных армий, насчитывавших до двух тысяч боевых самолетов. Обстановка для боевых действий нашей авиации, которая располагала в основном грунтовыми аэродромами, была весьма сложной. На всей территории Венгрии стояла плохая погода: дожди, мокрые снегопады, туманы. Местность, особенно Венгерская низменность, где действовали войска 3-го Украинского фронта, превратилась в непролазное болото. Противник же располагал аэродромами с твердым покрытием. Только героизм наших летчиков и инженерно-технического состава давал возможность вылетать на поддержку боевых действий войск и прикрывать их с воздуха от авиации противника.

В боях по окружению и уничтожению будапештской группировки и освобождению Будапешта отличились многие экипажи штурмовых, истребительных и бомбардировочных дивизий, 5-й и 17-й воздушных армий генералов С. К. Горюнова и автора этих строк.

В январе лишь летчики 17-й воздушной армии совершили более 16 тысяч боевых вылетов и 7 тысяч вылетов на доставку войскам боеприпасов, уничтожили более 300 самолетов и огромное количество боевой техники и живой силы врага.

Противник на самолетах и планерах пытался ночью снабжать окруженные в городе войска боеприпасами. Но гитлеровцы несли столь большие потери от зенитной артиллерии и авиации, что были вынуждены прекратить полеты.

29 декабря командующие фронтами предъявили командованию окруженной в Будапеште группировки ультиматум о капитуляции, предлагая избежать ненужного кровопролития и уберечь жителей города. Но гуманные предложения советского командования были отвергнуты, а советские парламентеры — сын венгерского революционера-эмигранта капитан Миклош Штейнмец и капитан И. А. Остапенко — подло убиты.

Враг, не желая складывать оружия, надеялся деблокировать окруженных...

Сразу после того, как советские войска окружили Будапешт, Гитлер приказал начать подготовку новой операции с целью разгромить войска 3-го Украинского фронта на правобережье Дуная.

Противник сосредоточил против двух наших фронтов крупные силы. Половина отборных бронетанковых сил Германии, сражавшихся на Восточном фронте, несмотря на начатое в январе крупное наступление советских войск на варшавско-берлинском направлении, находилась в Венгрии, действуя в основном против 3-го Украинского фронта. После Курской операции это был первый случай сосредоточения такой крупной танковой группировки против одного фронта. Она была поддержана 4-м воздушным флотом Германии и венгерским авиационным корпусом (в общей сложности до 900 боевых самолетов).

1 января 1945 года противник перешел в наступление из района Комарно вдоль Дуная на Эстергом и главными силами на юго-восток через Бичке к Будапешту.

За пять суток боев, имея на участке прорыва трехкратное превосходство в артиллерии и пехоте и пятнадцатикратное — в танках, противник вклинился в оборону наших войск на 25—37 километров, но, понеся огромные потери, был остановлен 4-й гвардейской армией, войсками резерва фронта и массированными ударами нашей авиации.

Большую помощь в отражении удара противника оказало наступление 7-й и 6-й танковых гвардейских армий 2-го Украинского фронта, начатое 6 января на правобережье Дуная в направлении Комарно; это наступление заставило гитлеровцев оттянуть сюда свои резервы.

Однако враг тут же нанес еще один мощный удар — 7 января силами трех танковых дивизий и кавалерийской бригады из района северо-западнее города Секешфехервара навстречу своей ударной группировке, только что остановленной нашими войсками.

На этом участке враг имел шестикратное превосходство в танках, четырехкратное — в артиллерии и трехкратное — в пехоте. Только за первые трое суток наши войска отразили более тридцати танковых атак.

До 13 января продолжалось ожесточенное сражение. Наконец противник, понеся огромные потери в танках и живой силе, вынужден был прекратить наступление на обоих направлениях. Не имела успеха и попытка окруженной вражеской группировки вырваться из Буды.

Наши истребители и штурмовики в эти дни буквально висели над полем боя, причиняя тяжелые потери танкам и пехоте противника.

Особо мощные удары с воздуха были нанесены нашей авиацией 9 и 13 января. Военный совет 4-й гвардейской армии доносил командующему фронтом: «...11 января 1945 года в тяжелых боях в районе Замой с сильной танковой группировкой противника исключительную доблесть проявили летчики генерал-майора Белицкого, генерал-лейтенанта Толстикова и Героя Советского Союза полковника Смирнова, обрушив на мотомеханизированные части врага смертоносный огонь своих самолетов, оказали крупнейшее влияние на весь ход боя, вместе со славными артиллеристами и пехотой, сорвав замысел врага молниеносным ударом прорваться на восток...»

Итак, ни первый, ни второй удары не позволили гитлеровцам прорваться к Будапешту.

Но это было не все. Еще более тяжелые испытания пришлось выдержать нашим войскам через несколько суток.

Скрытно сосредоточив у северной части озера Балатон 4-й танковый корпус СС с шестьюстами танков и штурмовых орудий и более чем тысячью двумястами орудий и минометов, противник утром 18 января нанес еще один удар. Почти одновременно севернее начал наступление гитлеровский 3-й танковый корпус. Враг рвался к Дунаю, чтобы соединиться с окруженной группировкой в Будапеште, а затем разгромить 57-ю армию генерала М. Н. Шарохина, очистить правобережье Дуная и овладеть плацдармом на его левом берегу. Имея огромное превосходство в танках и пехоте, враг прорвал нашу оборону.

В эти трудные дни в условиях предельного напряжения моральных и физических сил героизм наших людей был решающей силой, обеспечившей победу над врагом, обладавшим подавляющим превосходством в силах.

Большую, мобилизующую людей на подвиги работу вели в ходе боев политорганы, партийные и комсомольские организации войск.

К исходу 19 января гитлеровские танки вышли к Дунаю и, разрезав, таким образом, наш фронт на две части, устремились с юга и запада к Будапешту.

Принимая во внимание сложившуюся обстановку, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин предложил отвести войска 3-го Украинского фронта на левый берег Дуная. Однако командующий фронтом Маршал Советского Союза Толбухин доложил, что отводить войска на левобережье невозможно: внезапный паводок снес все переправы. Надо было принять срочные меры, чтобы восстановить положение. И они были приняты.

К юго-западу от Буды в короткое время были сосредоточены войска 5-го кавалерийского, 1-го механизированного гвардейских корпусов и 113-й стрелковой дивизии.

На это же направление были выдвинуты 23-й танковый и 104-й стрелковый корпуса, переданные из 2-го Украинского фронта. Южнее столицы на левобережье Дуная была развернута 27-я армия генерала С. Г. Трофименко.

К 26 января противник захватил город Секешфехервар, продвинулся с юго-запада к Буде и вклинился в оборону кавалерийского корпуса двумя танковыми дивизиями СС. До Буды врагу оставалось каких-нибудь 20 километров...

Но 27 января наши войска одновременно с двух направлений нанесли мощный контрудар по прорвавшимся войскам противника. А к 7 февраля противник с большими потерями был отброшен от Будапешта на юго-запад, к озеру Балатон. Безуспешно окончилось и наступление 2-й гитлеровской танковой армии в районе Надьканижа. Войскам фронтов большую поддержку оказали и моряки Дунайской военной флотилии, которой в боях за Будапешт командовал адмирал Г. Н. Холостяков.

Отражение ударов противника на внешнем фронте окружения не помешало войскам 2-го Украинского фронта продолжать успешное уничтожение окруженной группировки в венгерской столице. Ожесточенные бои велись за каждый дом и квартал. 18 января была освобождена левобережная часть столицы — Пешт.

Вместе с нашими войсками сражалось до 2,5 тысячи перешедших на нашу сторону венгерских солдат и офицеров, объединенных в Будайский добровольческий полк. Помощь войскам оказывали и многие патриоты города, особенно трудящиеся заводов и коммунисты-подпольщики, среди которых были и участники боев за Советскую власть в России в 1917—1920 годах.

Жителям, терпевшим тяжкие лишения и голод, и особенно детям, наши войска по мере освобождения города оказывали медицинскую помощь и снабжали продовольствием.

В ночь на 12 февраля враг, зажатый в Буде, предпринял еще одну попытку спастись от уничтожения: на запад прорвалось до 16 тысяч гитлеровцев. Но их перехватили наши войска и к 14 февраля уничтожили и частично пленили. Командующий фашистскими войсками в Будапеште генерал-полковник СС Пфеффер-Бильденбрух 12 февраля попал в плен к зенитчикам 17-й воздушной армии и был передан командованию 2-го Украинского фронта. 13 февраля столица Венгрии была очищена от фашистов.

В ходе боев только в Будапеште было уничтожено более 50 тысяч и пленено 138 тысяч солдат и офицеров врага.

Советские воины, выполняя свой интернациональный долг, принесли освобождение от гитлеровских оккупантов жителям столицы и большей части страны.

4 апреля 1945 года после исторической Балатонской битвы была освобождена и вся остальная территория Венгрии.

Разгром гитлеровских войск у Будапешта создал угрозу всей балканской группировке врага, вынудил гитлеровское командование перебросить в Венгрию крупные силы с берлинского направления, Балкан и из Арденн, форсировать отвод своих войск из Югославии и усилил агонию фашистского рейха...

Отмечая двадцатипятилетие разгрома фашистских войск под Будапештом и освобождение столицы Венгрии, советские люди желают братскому венгерскому народу, уверенно идущему вперед, новых успехов в строительстве социализма под руководством Венгерской социалистической рабочей партии.

САМОЙ ВОСТОЧНОЙ ОБЛАСТИ РОДИНЫ, НАШЕМУ САХАЛИНУ, НАШИМ КУРИЛЬСКИМ ОСТРОВАМ, ПОСВЯЩЕНЫ МНОГИЕ СТРАНИЦЫ СЕГОДНЯШНЕГО НОМЕРА «ОГОНЬКА».

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ КРАЙ

П. А. ЛЕОНОВ, первый секретарь Сахалинского обкома КПСС

Современную Сахалинскую область, единственную островную область в нашей стране, невозможно ныне представить без благоустроенных приморских городов и рыбацких поселков, гигантских портальных кранов и океанских судов, без шагающих через тайгу и мари высоковольтных опор линий электропередачи, без уходящих вдаль стальных магистралей, без воздушных лайнеров, заводских труб, терриконов и нефтевышек — без всего, что создано руками советского человека.

История Сахалина и Курильских островов неразрывно связана с героическим прошлым и настоящим многих поколений нашего народа. Как известно, Сахалин и Курильские острова принадлежат нашей Родине по праву первооткрытия, первоприсоединения, первозаселения и первоисследования. Сотни русских отважных землепроходцев и мореходов, кругосветных мореплавателей и замечательных исследователей посвятили свои жизни открытию, освоению Сахалина и Курильских островов. Ценою невероятных испытаний, тяжелых утрат платили они за каждый свой шаг, за каждую вновь обозначенную точку на карте Российского государства. Русские землепроходцы сыграли огромную роль в жизни коренных народностей Севера, они оградили их от посягательств, порабощения и угнетения со стороны иноземных захватчиков, помогли малым народностям воспринять более высокую культуру, способствовали ускорению процесса их общественного развития. Но у этой изобилующей дарами природы земли, исследованию которой отдали немало сил многие русские ученые, раньше не было настоящего хозяина. Природные богатства дальневосточных островов лежали втуне или же варварски расхищались капиталистическими хищниками.

Пожалуй, нет такого края на нашей земле, на долю которого выпало бы столько страданий, горя и слез человеческих, сколько их пришлось на долю Сахалина. Окраинная русская земля, таящая в себе несметные сокровища, богатая рыбой и зверем, в середине XIX столетия была превращена царским правительством в землю проклятий, в застенок, где на протяжении долгого времени попирались элементарные человеческие права. Остров сокровищ был превращен в остров ужасов. Немногим меньше восьмидесяти лет назад Антон Павлович Чехов, посетив Сахалин, писал, что этот остров — место невыносимых страданий, на какие способен человек, вольный и подневольный... «Рождение каждого нового человека в семье встречается неприветливо; над колыбелью ребенка не поют песен, и слышатся одни только зловещие причитывания».

Тяжелейшее дореволюционное положение Сахалина было усугублено японской оккупацией. И без того слабая экономика Северного Сахалина в годы интервенции и японского порабощения окончательно пришла в упадок. Наиболее ценное оборудование шахт и нефтепромыслов в 1920—1925 годах было вывезено оккупантами, рыболовный флот угнан за границу или частично уничтожен. В первые годы после освобождения Северного Сахалина здесь действовало всего девять кустарных предприятий, на которых работало 604 человека. Не было транспорта и средств связи. Сильно подорванным оказалось сельское хозяйство. Крайне не-

удовлетворительными были жилищно-бытовые условия. Почти совершенно отсутствовали медицинские, школьные и культурно-просветительные учреждения.

Таким образом, свое экономическое и культурное строительство наша самая молодая в то время область начинала в невероятно трудных условиях. Работа по восстановлению и развитию народного хозяйства и культуры острова осложнялась из-за территориальной его отдаленности, недостатка материальных средств и особенно кадров. В то время здесь почти не было квалифицированных рабочих, не было ни одного специалиста с высшим образованием.

Годы первых пятилеток на Северном Сахалине, как и во всей нашей стране, были годами бурного социалистического строительства. Вступали в строй новые шахты, нефтепромыслы, леспромхозы, рыбоконсервные заводы. На месте, где еще недавно тянулась сплошная тайга, возникли города и рабочие поселки. Создавались колхозы и совхозы, машинно-тракторные станции. Много было сделано для культурного строительства. Уже к концу второй пятилетки более 90 процентов жителей области стали грамотными. К 1940 году на Северном Сахалине имелось 109 школ, в том числе 20 средних. Появились и средние специальные учебные заведения — горный и нефтяной техникумы, педагогическое училище. Возникла широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Для малых народностей Севера открылись школы-интернаты, красные юрты, культбазы, которые сыграли большую роль в просвещении нивхов, эвенков, ороков, якутов.

Таковы они, вехи культурного строительства на Сахалине, так на нашем острове воплощался в жизнь ленинский план построения социализма.

Победоносное окончание Великой Отечественной войны внесло огромные изменения в жизнь края. Освобождение Южного Сахалина и Курильских островов, воссоединение их с северной частью Сахалина в единую область восстановило историческую справедливость и открыло новые безграничные возможности для развития производительных сил, повышения материального благосостояния и культурного уровня здешнего населения. Наша область, включающая в себя Сахалин, самый крупный советский остров, и многочисленные Курильские острова, занимает площадь в 87,1 тысячи квадратных километров. Это почти в три раза больше Бельгии и более чем в два раза больше Швейцарии.

Сахалин образно называют жемчужиной Советского Дальнего Востока. Здесь нет гиперболы: земля наша таит в своих кладовых несметные богатства, дальнейшее освоение которых явится значительным вкладом в создание материально-технической базы коммунизма. В недрах островов Сахалинской области, в непосредственной близости друг от друга,— богатые месторождения нефти, природного газа, каменного угля, торфа, известняков, золотоносных и титано-магнетитовых песков, железных, хромистых, марганцевых и медных руд, серебра, киновари, графита, вулканической серы, пемзы, мрамора, редких металлов и многих других полезных ископаемых. Догадки о том, что на островах области встречаются почти все элементы таблицы Менделеева, подтверждаются практикой. Большая часть территории области покрыта ценными хвойными лесами. Воды, омывающие наши острова, богаты рыбой, морским зверем, ценными морскими продуктами. У нас много минеральных источников и целебных грязей, которые используются сейчас в лечебных целях.

Благоприятны условия для развития земледелия. И хотя сельское хозяйство Сахалина сравнительно молодо, оно играет большую роль в снабжении населения продуктами питания. Сахалинские земли позволяют получать хорошие урожаи картофеля, овощей, успешно развивать животноводство. Еще до недавнего времени картофель, овощи и другие сельскохозяйственные продукты завозились к нам главным образом в сушеном и консервированном виде из других областей страны. А сегодня сахалинцы сами производят эти продукты. С 1962 года потребности жителей области в свежем картофеле, капусте и некоторых других овощах удовлетворяются полностью за счет производства их на месте.

Под руководством Коммунистической партии трудящиеся области, по-хозяйски используя финансовые средства, материальные ресурсы, огромные сокровища недр, за годы Советской власти, по существу, заново создали все отрасли народного хозяйства. С 1925 по 1969 год добыча нефти здесь возросла более чем в 90 раз, угля — в 360, рыбы — в 157, заготовка и вывозка леса — в 119 раз. Значительно повысился технический уровень производства. Изменилась отраслевая структура промышленности. Важное место стала занимать перерабатывающая промышленность. За двадцать послевоенных лет в развитие экономики области вложено 3,5 миллиарда рублей — в два раза больше, чем было израсходовано за первые десять лет Советской власти на развитие народного хозяйства всей нашей страны.

Происшедшие изменения настолько разительны, что порою трудно, а иногда и просто невозможно сравнивать настоящее с прошлым. Сейчас за неделю в области добывается нефти столько же, сколько ее было добыто за весь 1926 год, а годовой объем добычи угля тех лет наши горняки выполняют всего за два дня. Современный крупный траулер добывает рыбы за год в 1,5 раза больше, чем все государственные рыбопромысловые предприятия острова в 1928 году. Сахалин производит бумаги и картона не меньше, а газа добывает в 20 раз больше, чем вся царская Россия в 1913 году.

Какая же поистине колоссальная сила должна была пробудиться в народе, чтобы дикую, необжитую землю превратить в цветущий край! Революционный гений В. И. Ленина, Великий Октябрь, партия коммунистов пробудили такую силу.

Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии, Советского правительства Сахалинская область за короткий срок превращена в один из развитых районов Дальнего Востока. Сахалин и Курилы — своеобразная природная лаборатория для исследования очень важных вопросов. Разнообразные природные богатства, почвенно-климатические условия, позволяющие производить уникальные исследования, постоянно привлекали и привлекают к ним внимание крупнейших научных центров страны.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «В наше время невозможно обеспечить высокие темпы роста производительных сил, технического прогресса без широко поставленных научных исследований и быстрого освоения их результатов в производстве... В условиях социализма наука меняет не только характер труда человека, но и весь материальный и духовный уклад его жизни». Мы с удовлетворением отмечаем, что в последние годы развитие производительных сил нашего края определялось наукой, базировалось на глубоких научных исследованиях.

В начале шестидесятых годов был предпринят ряд важных мер по изучению и разработке перспектив развития народного хозяйства Сахалина и Курильских островов. Весной 1962 года в Южно-Сахалинске состоялось региональное научное совещание, посвященное проблемам развития производительных сил Сахалинской области в генеральной перспективе на 1961 — 1980 годы. К решению этих проблем был привлечен широкий круг ученых Академии наук СССР, ряда научных отраслевых, плановых, проектно-изыскательских институтов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Иркутска, Хабаровска, Владивостока, Петропавловска-на-Камчатке. В этом памятном для нас совещании приняли участие ученые, специалисты, партийные, советские и хозяйственные работники, передовики промышленности, транспорта, связи, строительства, сельского хозяйства. На заседаниях девяти секций были обсуждены десятки научных докладов, касающихся состояния и перспектив развития народного хозяйства области, и даны важные научные рекомендации. Это помогло местным партийным, советским и хозяйственным органам наметить и осуществить четкую, научно обоснованную программу роста всех отраслей народного хозяйства области.

Борьба за дальнейшее ускоренное развитие производительных сил, за техническое перевооружение — все это стало главным направлением в деятельности областной партийной организации, всех трудящихся края.

Значительное развитие получила рыбная промышленность. Ее удельный вес в общем объеме промышленной продукции составляет ныне около 35 процентов. Улов рыбы, добыча морского зверя и морских продуктов за последние десять лет увеличились в 2,4, а выпуск рыбных консервов — в 4,3 раза. И здесь следует отметить ту большую помощь, которую оказывают рыбакам ученые Сахалинского отделения Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии.

За эти же годы добыча нефти в области возросла в 2,2, а газа — в 3,4 раза. Роль сахалинской нефти в экономическом развитии Дальнего Востока всегда была исключительно велика. Еще больше возросло ее значение в наше время: это мощный катализатор роста многих других отраслей дальневосточной экономики. И возможности тут большие. Сотрудники Сахалинского отделения Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского института пришли к выводу о необходимости наряду с поисками нефти и газа на суше активизировать исследования морского дна акваторий, прилегающих к Сахалину, и в первую очередь в Татарском проливе.

Сахалинская область стала важным экспортным цехом Советского Союза. Отсюда продукция вывозится в десятки стран мира. Основной импортер — Япония, которая покупает у нас нефть, уголь, лес, целлюлозу. Повышенным спросом на международном рынке пользуются агар-агар, пушнина, рыбная продукция. Сахалин имеет широкие экономические связи со многими районами СССР. Продукцию целлюлозно-бумажных комбинатов, например, получают свыше трех тысяч предприятий 12 союзных республик. Интенсивные экономические связи с зарубежными странами и многими областями Советского Союза, высокая товарность основных отраслей нашего хозяйства определили бурное развитие всех видов современного транспорта.

Тесное содружество людей науки и производства! Пожалуй, это самая характерная примета народного хозяйства нашего края, идет ли речь о лесных богатствах или месторождениях газа, о мореплавании или получении высоких урожаев овощей. Вот один пример: разработанные и внедренные в практику охотничьего промысла рекомендации зоологов позволили нам увеличить заготовку пушнины в 2 раза, поголовье калана — в 10, а численность морских котиков — в сотни раз. У нас девять научно-исследовательских учреждений, где работает свыше тысячи научных сотрудников, в том числе около ста докторов и кандидатов наук. В их распоряжении — по-современному оснащенные лаборатории, новейшая техника, самолеты, морские суда, средства радио и телевидения.

Заметным событием в жизни ученых явился первый съезд работников науки Сахалинской области, проведенный в канун пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Ученые, партийные и советские работники горячо обсуждали свои задачи в связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области».

СТИХИ САХАЛИНСКИХ ПОЭТОВ

Игорь АРБУЗОВ

* * *

К тебе
Ни мрак, ни ветра карусель
Не донесут дыхание циклона.
Но 56-я параллель
Меж нами словно провод
телефонный.
Когда борта в объятьях волн
гудят,
Я вызываю к проводу тебя.
И прохрипит над безднами,
горами,
Над равнодушьем спящих
городов,
Как крик впередсмотрящего
в тумане,
Глухое и тревожное:
— Алло!..
Прости.
Пришли мне ветку
(Помнишь нашу ель?)
Из твоего грибного Подмосковья...
Но 56-я параллель
Натянется, как штормовой
швартовый.
И в логово циклонного пожара,
Не признавая пропусков и виз,
Ко мне, ко мне поверх земного
шара
Летит твое спокойное:
— Держись!..

Александр МАНДРИК

РАССВЕТ НАД САХАЛИНОМ

Прибрежный город прятался
во мгле
И тишиной обманывал до срока.
Мы подошли на минном корабле
Почти вплотную к спящему
Маока. [1]

[1] Маока — старое название города Холмска.

Тесный контакт с наукой вызвал глубокие качественные перемены в народном хозяйстве края, сказался на повышении его экономической эффективности. Если в 1958 году все отрасли народного хозяйства Сахалинской области дали 44,5 миллиона рублей убытка, то в 1968 году они получили 175,4 миллиона рублей прибыли. Этому во многом способствовало осуществление экономической реформы.

Новый подъем трудовой и политической активности вызвала подготовка к ленинскому юбилею. Тезисы ЦК КПСС к столетию со дня рождения В. И. Ленина сейчас служат основой пропаганды и изучения марксизма-ленинизма, идейного вооружения, мобилизации трудящихся на борьбу за дальнейшее претворение в жизнь ленинских заветов. На предприятиях широко развернулось соревнование за достойную встречу знаменательной даты. Характерные черты этого соревнования — многообразие его форм, деловитость, конкретность, творческий поиск новых резервов повышения экономической эффективности производства. Обком, горкомы и райкомы партии изучили и поддержали начинания свыше 120 коллективов предприятий, строек, совхозов, цехов, бригад, звеньев и отдельных передовых рабочих.

Сахалинцы и курильчане вносят свой вклад в досрочное выполнение заданий пятилетки. Работники промышленности и транспорта досрочно завершили выполнение планов и социалистических обязательств, принятых на четыре года пятилетки. Объем промышленного производства за это время увеличился на 28,6 процента, грузооборот возрос в 1,7 раза. Сверх плана реализовано промышленной продукции на 97,3 миллиона рублей вместо 65 миллионов рублей по обязательствам на пятилетку. За четыре года в развитие народного хозяйства области вложено 1 212 миллионов рублей, или на 161 миллион рублей больше, чем за всю предыдущую пятилетку. В 1969 году свыше трех четвертей всей промышленной продукции произвели предприятия, работающие по новой системе планирования и экономического стимулирования.

Заметные изменения произошли в сельском хозяйстве Сахалинской области. В 1965—1968 годах общий объем капитальных вложений в это хозяйство составил 76,4 миллиона рублей — почти в два раза больше, чем за предыдущее четырехлетие. Среднегодовой объем продукции в совхозах увеличился на 35 процентов. Возросли государственные закупки всех продуктов растениеводства и животноводства. Улучшились экономические показатели работы совхозов. Намечая новые рубежи, труженики сельского хозяйства Сахалинской области конкретизируют применительно к условиям нашего края задачи, поставленные в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Третьем Всесоюзном съезде колхозников. Главное внимание уделяется улучшению использования земли, повышению культуры земледелия и животноводства, снижению себестоимости производимой продукции.

Из года в год растут темпы капитального строительства. Возросли мощности наших строительных организаций. Обязательства, принятые ими в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, перевыполняются.

За последние годы сделано немало для более быстрого роста производительных сил Сахалина и Курильских островов. Но трудящиеся островного края не останавливаются на достигнутом. Есть еще много нерешенных проблем, трудностей. Основные наши задачи определены решениями XXIII съезда КПСС, постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению развития производительных сил Сахалинской области» и «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области». Партийная организация провела большую работу по реализации этих постановлений. Однако ряд важных дел, предусмотренных ими, выполняется еще медленно.

Состоявшийся в январе 1970 года пленум обкома партии, обсудив итоги декабрьского (1969 г.) Пленума ЦК КПСС, наметил целый комплекс организационных и политических мер, направленных на успешное выполнение планов хозяйственного и культурного строительства, ускорение технического прогресса, повышение экономической эффективности и совершенствование управления производством. Коммунисты, все трудящиеся Сахалина и Курильских островов единодушно одобрили решения декабрьского Пленума ЦК КПСС, седьмой сессии Верховного Совета СССР, выводы и задачи, изложенные на Пленуме в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, и приняли их к неуклонному руководству и исполнению. В перспективных планах, разработанных советскими и хозяйственными органами совместно с научно-исследовательскими учреждениями, предусматривается дальнейший рост промышленного производства, вовлечение в хозяйственный оборот новых материально-сырьевых ресурсов области.

Под стать экономическим преобразованиям — перемены в культурной жизни этого района Дальнего Востока. Если в 1925 году на острове работало всего 49 учителей, среди которых не было ни одного с высшим образованием, то сейчас здесь трудится восьмитысячный отряд педагогов. В области создан огромный «культурный цех» — 336 клубов, домов и дворцов культуры, областной драматический театр имени А. П. Чехова, филармония, 19 музыкальных школ, 13 народных драматических и музыкальных коллективов, 32 кинотеатра, 315 массовых библиотек с книжным фондом около 4 миллионов экземпляров...

Можно было бы и дальше приводить цифры, которые ярко характеризуют духовный рост наших людей. Хочется отметить один весьма примечательный факт. Сахалин и Курильские острова долго были местом, если можно так выразиться, «временной прописки». Постоянных, коренных жителей, тех, которые считали бы Сахалин своей родиной, было мало. А сейчас выросло целое поколение, и не одно, коренных сахалинцев, истинных патриотов своего края. Сегодня можно говорить и о сахалинском характере, характере целеустремленном, крепком, которому по плечу трудности в общем-то не совсем обычной, «островной» жизни. Сахалинский характер — это характер трудолюбивых, волевых и сильных духом, щедрых сердечным теплом людей. Кстати, об одной из наших радостей. На «краю земли» создан Сахалинский русский народный хор. Казалось бы, что тут особенного — хор как хор. Но представьте, как по завьюженным, заваленным снегами улицам спешат на репетицию, на свои спевки рыбаки, шахтеры, лесорубы, нефтяники, учителя и врачи. Представьте это да еще и штормовой ветер, сбивающий с ног, и вам станет ясна та громаднейшая тяга к большому искусству, которая характерна для всех сахалинцев.

Одно из важнейших достижений нашей партии, социалистического строя — подготовка кадров специалистов для народного хозяйства и культурного строительства. За двадцать послевоенных лет в Сахалинской области число работников с высшим образованием возросло в 19, а имеющих среднее и неполное среднее — в 28 раз. У нас каждый одиннадцатый работающий в народном хозяйстве — это специалист со средним специальным и каждый двадцать второй — с высшим образованием. Каждый четвертый житель островного края учится.

Высокообразованные, культурные, мужественные и самоотверженные люди — огромное богатство островного края. Растет армия передовиков и новаторов производства, людей, отдающих все свои силы и знания созданию материально-технической базы коммунизма. Среди них Герои Социалистического Труда горняки А. Я. Шалдыбин, В. Ф. Соловьев и И. Г. Шкор, рыбаки Н. В. Редкокаша и А. И. Косоногов, строитель М. А. Титяков и слесарь Н. Т. Минута, варщик целлюлозы Е. А. Русанов и нефтяник Ж. Л. Муратов, доярка А. А. Машковцева, картофелевод И. Ф. Тимофеев и многие, многие другие. Это наш, если так можно выразиться, золотой фонд.

На земле сахалинской воплощены в жизнь ленинские заветы, связанные с решением национального вопроса. От труда и быта, основанных на принципах родового строя, малые народности при Советской власти сразу же шагнули к социалистическим формам труда. Далеко за пределами области известны имена знатных рыбаков Героя Социалистического Труда нивха П. Г. Чайки, кореянки А. С. Хан. На Сахалине успешно работают писатели нивх Владимир Санги, нанаец Андрей Пассар, художник кореец Анатолий Ни и многие другие.

Сегодня Сахалин и Курилы — это преображенный край, край бурно растущей экономики, год от года расцветающей культуры. Сахалинцы и курильчане хорошо живут, вдохновенно трудятся. Обозревая пройденный вместе со всей страной героический путь революционной борьбы, военных невзгод и мирного созидательного труда, они испытывают законное чувство гордости, величайшей благодарности и глубокой признательности родной Коммунистической партии, ведущей нашу страну по пути, указанному Владимиром Ильичем Лениным, к светлому и прекрасному будущему человечества — коммунизму.

И в этот час, казалось, нас зовет
Земля, тревожно ждущая
рассвета.
И ей в ответ —
«Десантники,
вперед!» —
Зеленой люстрой вспыхнула
ракета.
Когда в огне стремительных атак
Мы поднялись на гребень
перевала,
Для нас заря торжественно,
как флаг,
Над Сахалином развернулась ало.

Андрей ПАССАР

МАМА И САМОЛЕТ

Девяносто лет моей старой маме.
Седенькая.
Кости болят к погоде...
Из стойбища
В город с большими домами
Она приехала на пароходе.

Десять дней гостила.
И все ей не так.
Только курит и курит крепкий
табак.

Я понял:
Грустит по лесному дому.
Я понял: другого лекарства нет,
Вызвал такси до аэродрома,
Чемодан устроил,
Купил билет.
— Скоро, мама, ты будешь дома.

Я привык, а она испугалась
до слез,
Ведь она в самолете
Никогда не летала.
— Только б к «верхним людям»
Он меня не увез,—
По-нанайски мне мама моя
прошептала.
На прощание
Я к сердцу ее привлек,
И она сквозь слезы мне
улыбнулась:
— Дома, знаешь, я буду
шаманить, сынок,
От радости, что снова
На землю вернулась.

Не впервые крыльям меня
поднимать.
Я знал, что надежен пилот
искусный.
А душа моя все-таки
Волновалась за мать,
И было мне как-то смешно
и грустно.

Перевел с нанайского
Ст. Смоляков.

Валентин БОГДАНОВ

ПАРАМУШИР

Пустыня снежная, немая.
Нет ни движения, ни звука,
Как будто вся земля живая
Оцепенела в тайных муках.

Но знаю, там, за кедрачами,
Земля покоя не приемлет.
И разрождается ручьями.
И я люблю за это землю.

И я иду, в снегах плутаю,
В седых ущельях оступаюсь,
К ручьям губами припадаю,
Их чистым звоном обжигаюсь.

И все-то здесь совсем земное.
И сам я тоже без обмана,
Как расцелованные мною
Ручьи, что скачут к океану.

ОДИН ДЕНЬ

Горы, горы, горы... Над ними — тихое, светлое небо. А под этим небом в долине даже зимой цветут цветы, зреют лимоны, стоят вечнозеленые сады. Это Грузия. Такая же, как и эти сады, светлая и открытая. Все свои дары посвящает она в эти дни приближающемуся празднику, юбилею великого вождя трудового человечества — Ленина.

Приближение праздника чувствуется везде и во всем. Для примера опишу лишь один день из жизни редакции нашего маленького журнала. Как говорится, он только капля в море.

...Утро. Журналист Георгий Гочиташвили вернулся из командировки. Целую неделю был в горах. Ведь еще не так давно с гор приходили неважные вести. Местные жители покидали очаги своих дедов и отцов и спускались жить в долины. Что скажешь? Не осудишь их за это. Видно, трудно было жить там. Но у всех болела душа, потому что рвались тысячелетние традиции, ломался привычный уклад жизни. Вместе с людьми уходила из горных ущелий жизнь. А что есть Грузия без обитаемых гор?

Именно зимой мы послали своего товарища в высокогорный район узнать, что же там происходит сегодня. И вот он забрался в самые труднодоступные места, поговорил с горцами, увидел хорошо организованное животноводство, новые дома и в домах — лампочки Ильича.

— Нет, теперь наши люди не стремятся уйти отсюда,— сказал Георгию председатель колхоза Адам Апциаури.— Они теперь нисколько не проигрывают по сравнению с людьми долины.

Дело в том, что душетский районный партийный актив, готовясь к ленинскому юбилею, принял решение провести электричество во все 210 горных сел. Лампочка Ильича сделала свое дело. Она остановила миграцию населения в долины. И свой очерк Георгий решил назвать так: «Я твой, с тобою остаюсь».

В этот же день у нас в редакции появился молодой человек в форме офицера Советской Армии. Представился по-военному. Майор Георгий Авалиани. Фамилия говорила о его горском происхождении. Немного стесняясь, положил на стол рассказ «Широкие окна». Оказывается, это первая проба пера. Тут же прочли. Понравился рассказ. Не стану излагать всего содержания. Он тоже о горах. О Сванетии. Автор описывает 20-е годы, когда в одном из сел Сванетии установили памятник Ленину. Сваны собрались у своих вековых башен. Из города приехал оратор и объяснил собравшимся, что такое ленинизм.

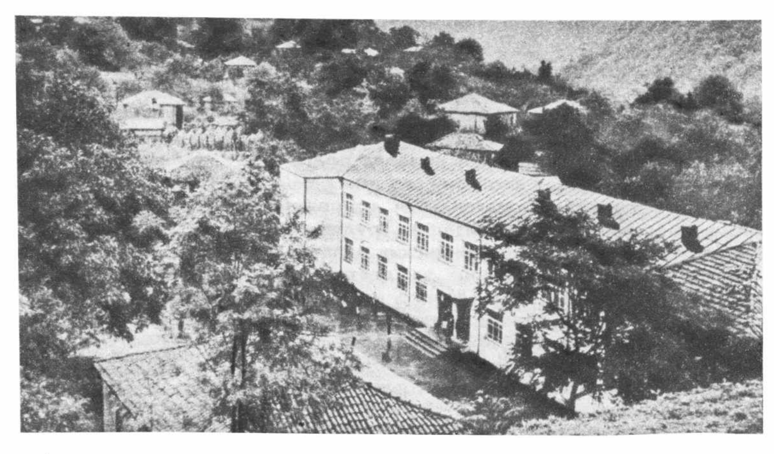
— Ленинизм,— сказал он,— это автомобильные дороги в тех местах, где раньше ступала лишь нога охотника. Ленинизм — это самолеты, которые соединят вас с городом. Это школы, магазины, врачи, электричество. Ленинизм, наконец, - широкие окна в ваших домах, через которые войдет к вам яркий свет жизни.

Прекрасное объяснение!

Офицер ушел. А мы занялись поступившей в редакцию объемистой рукописью — продолжением воспоминаний профессора Русуданы Николаевны Николадзе о встрече с Владимиром Ильичем Лениным в Женеве в 1905 году и в Петрограде в 1917 году. Автор этих воспоминаний — дочь известного грузинского публициста Нико Николадзе, активного сотрудника герценовского «Колокола».

Так прошел один из дней нашей редакционной жизни. День, наполненный заботами о подготовке к юбилею Ильича.

Георгий НАТРОШВИЛИ,
главный редактор журнала «Дроша»

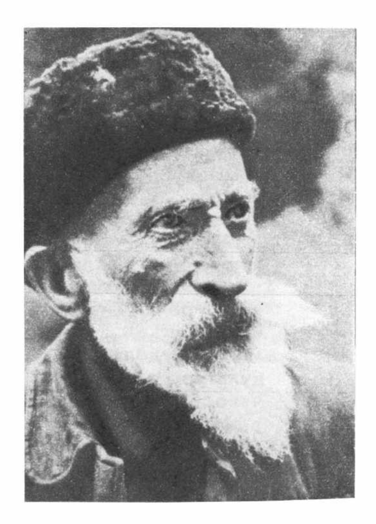

Село Сакраула. На переднем плане — здание сельской школы.

Фото Б. Кекелидзе

СУДЬБА САКРАУЛЫ

Карпезу Кикнавелидзе 106 лет.

Почтенному седобородому человеку по имени Карпез было уже почти полсотни лет, когда в петербургской газете «Невская звезда» № 11 появилась статья «Переселенческий вопрос». Под статьей подпись — В. И. Шел 1912 год. В Думе спорили по поводу переселенческого фонда, и Владимир Ильич Ленин, используя эти материалы, выступил в печати, чтобы острым пером публициста разоблачить великодержавную политику российского империализма и стать на защиту национальных меньшинств. В статье приводились названия сел, жители которых ни с того ни с сего сгонялись с насиженных мест. В статье называлось и село Кикнавелети.

«Переселенческий фонд,— писал Ленин,— образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу всё того же националистического принципа «русификации окраин».

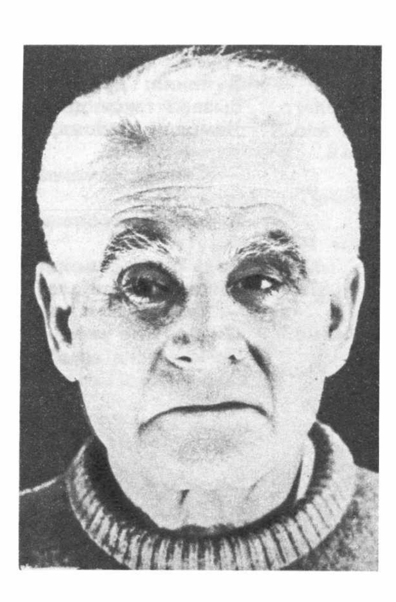
В то время Карпез Кикнавелидзе (в Кикнавелети жили в основном Кикнавелидзе!), разумеется, не читал «Невской звезды». Но жителей этого села не постигла участь изгнанников. Они остались в своих горах. И Карпез тоже. С тем, о чем писал В. И. Ленин, он познакомился много позже, когда в село, теперь уже переименованное в село Сакраула, приехали из Тбилиси земляки — ученые, художники, инженеры,— все они Кикнавелидзе, однофамильцы Карпеза, приехали на вечер, посвященный подготовке к столетию В. И. Ленина. Вот тогда и вспомнили о статье, и 106-летний Карпез узнал, что его маленькое, бедное село в горах взял под защиту Владимир Ильич. Да, в то время село было маленьким и бедным. А сейчас не назовешь его таким, потому что в Сакрауле — электричество, телевизоры, две библиотеки, больница и школа; шесть колхозников — Герои Социалистического Труда, более шестидесяти жителей села получили высшее образование.

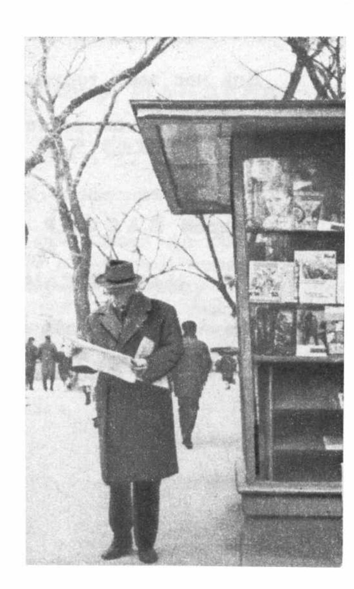
С. ПОРТНОЙ,
заведующий отделом пропаганды газеты «Вечерний Тбилиси»

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

ЗНАКОМЬТЕСЬ — ЛЮДИ ГРУЗИИ!

Народный художник Грузии Ладо Гудиашвили.

Фото А. Саакова.

Академик Г. Церетели, директор Института востоковедения АН ГССР. Он почетный член Королевского Азиатского общества Великобритании, почетный член Польского общества ориенталистов.

Фото Г. Киквадзе и Т. Шенгелия.

Руставский химкомбинат. Скоро здесь вступит в строй новое аммиачное производство. На снимке: монтажник Р. Леквеишвили.

Фото С. Киладзе.

Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в ГДР П. А. Абрасимов, заместитель министра культуры ГДР Курт Борк, народный артист СССР С. А. Закариадзе, министр культуры Грузинской ССР О. В. Тактакишвили, министр культуры ГДР Клаус Гизи.

Фото Г. Киквадзе. ГрузТАГ

ТОСТ ЗА ОТЦА

Говорят, что в арсенале грузинских тамада множество тостов, и все они идут от самого сердца народа и к сердцу народа. Но в данном случае тост произнес от имени немецкого народа министр культуры ГДР Клаус Гизи.

— Пусть больше никогда,— сказал он,— не понадобится вашему «Отцу солдата» искать на немецкой земле своего сына. Пусть вечной будет наша дружба.

Этот тост был произнесен в честь исполнителя заглавной роли в кинофильме «Отец солдата» народного артиста СССР Серго Закариадзе, побывавшего в ГДР в составе делегации республики на декаде грузинской культуры.

Десять тех дней стали наглядной демонстрацией торжества ленинской национальной политики. Задушевные мелодии Грузии, зажигательные танцы, сочные полотна, книги и фильмы — все это, нам кажется, полюбилось жителям Германской Демократической Республики, стало им доступным, понятным. А язык искусства сближает народы.

Ламара ГАГУА, заведующая отделом культуры ГрузТАГ

ИНГУРЦЫ НАСТУПАЮТ

Ингурская ГЭС, строительство которой ведется в предгорьях Сванетии, «разворачивается в марше». Нынешние пусковые объекты — это сложные гидротехнические сооружения перепадных станций. Сейчас они уже одеваются в бетон.

На высоком хребте строится отводящий туннель — центральная артерия, по которой воды Ингури должны устремиться к своим рабочим местам. Дело подходит к финишу. Последние десятки метров тяжело даются строителям: очень твердые породы.

Но самое главное — строительство гигантской каменнонабросной плотины. В нее засыпают ежемесячно около 50 тысяч кубометров грунта. В каменных карьерах днем и ночью работают механизмы, в три смены колесят к плотине большегрузные самосвалы.

Тенгиз ДЖИБУТИ, собкор «Зари Востока»

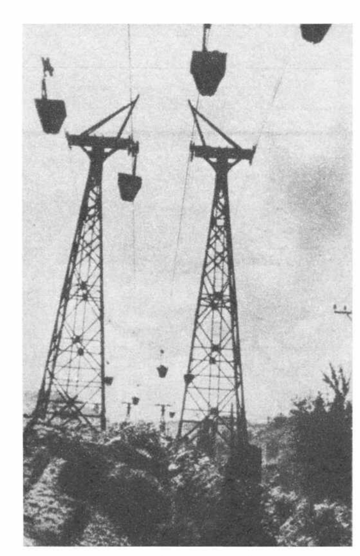
В подземном царстве Ингури ГЭС.
Фото С. Киладзе.

ГОРОД ВОЗДУШНЫХ ДОРОГ

У каждого города своя биография, своя история. Чиатура не может претендовать на древность — возраст города не так уж велик. Основа промышленности здесь — марганец. Новые рудники и обогатительные фабрики широко оснащены автоматикой, оборудованы телевизионными установками управления.

Сегодняшняя Чиатура — один из красивейших городов республики. Горы, среди которых он расположен, наложили на него своеобразный отпечаток: главный транспорт тут — воздушно-канатные дороги. Их свыше пятидесяти, и перевозят они ежедневно сотни пассажиров и десятки тонн груза.

Темур ШЕКИЛАДЗЕ, инженер-строитель

Воздушно-канатная дорога чиатурского марганца.
Фото автора.

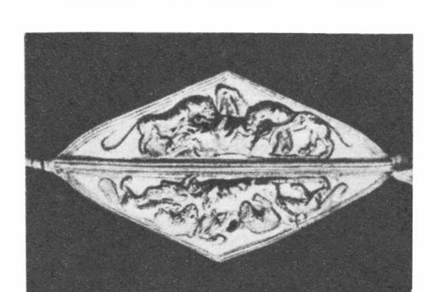
СОКРОВИЩА КОЛХИДЫ

Полумрак... Вдоль стен — освещенные витрины. Люди осматривают бесценные образцы древнего златокузнечества, сокровища Колхиды. Они пролежали в земле 2 500 лет.

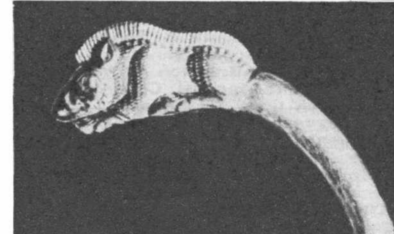
Их нашла экспедиция, возглавлявшаяся доктором исторических наук О. Д. Лордкипанидзе. Нашла в районе Ванского городища. Когда-то, в VI—IV веках до нашей эры, в Вани находился культовый центр, сооруженный в честь высшего древнегрузинского божества. Ученые раскопали целый архитектурный комплекс, богатые погребения с колхидской керамикой и золотыми и серебряными украшениями.

— Около ста лет,— рассказывает Отар Давидович,— Вани привлекало к себе внимание историков и археологов, но только после Великой Отечественной войны началось систематическое изучение городища. Раскопки же последних четырех лет ознаменовались результатами, имеющими исключительно важное значение не только для истории древней Грузии, но и культуры древней Греции, поскольку наряду с колхидскими находками здесь обнаружены и изделия эллинских златокузнецов. Вещественные свидетели подтверждают также высказанное грузинской историографией положение о том, что в Колхиде в середине I тысячелетия до нашей эры существовало высокоразвитое государство.

Важа ЧАНИШВИЛИ, заведующий отделом информации газеты «Коммунисти»

Фрагменты золотой диадемы колхидянки, чеканного золотого браслета, золотой серьги.

Фото С. Киладзе.

НЕМНОГО О НАНЕ

Вот уже шестой год, как в спортивной прессе страны мелькает имя Наны Александрия. И все это время рядом с ним пишется слово «впервые». Впервые 15-летняя школьница приняла участие в финале чемпионата страны по шахматам... Впервые 17-летняя стала обладательницей золотой медали... Впервые девушка в 20 лет завоевала третью золотую медаль... Впервые, впервые...

Успехам смешливой девчушки с косичками сперва удивлялись: «Везет же!..» Потом все как-то разом заговорили о необыкновенном таланте, шахматной эрудиции девочки.

После окончания 29-го шахматного чемпионата страны, проходившего недавно в городе Гори, когда Нана Александрия добилась права участвовать в межзональном турнире первенства мира, мы поздравили чемпионку и спросили о ее дальнейших планах.

— Сразиться с Ноной мне было бы очень полезно...

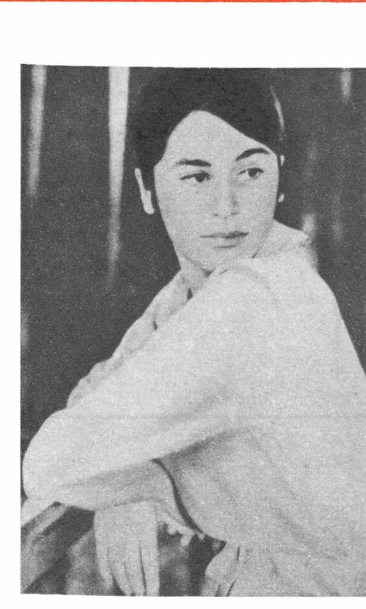
— А можешь ли ты выиграть матч у чемпионки мира?

— Что?! — почти вскричала она.

Уважение к Ноне, старшей по званию, настолько велико, что даже помышлять о выигрыше она не смеет... А недавно, участвуя в международном турнире в Голландии, Нана уверенно заняла первое место.

Сейчас Нана старательно посещает лекции и семинары на четвертом курсе факультета западноевропейских языков и литературы Тбилисского университета.

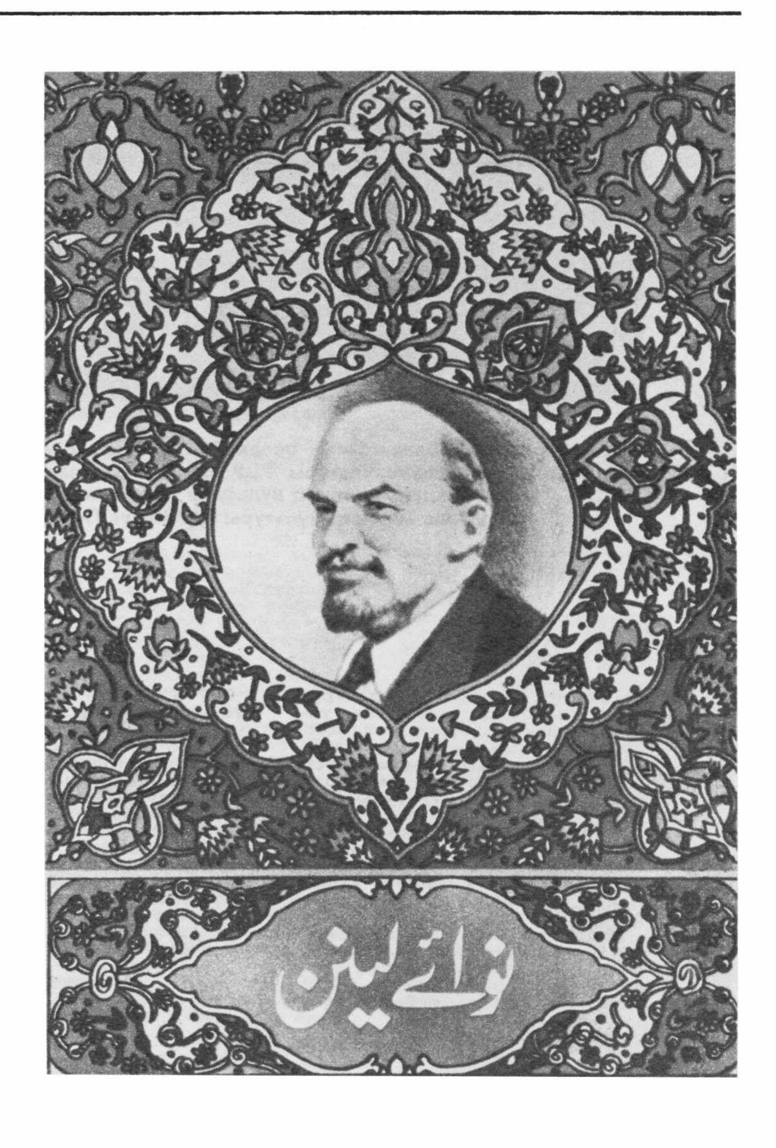
Агули ДАДИАНИ, Гурам ЧАНИШВИЛИ, корреспонденты ГрузТАГ

Нана Александрия.

Фото Б. Каменского.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ИЛЬИЧУ

В ярком обрамлении традиционного восточного орнамента знакомое миллионам лицо Ильича. Так выглядит обложка сборника «Голос Ленина», изданного в Пакистане на языке урду. Составитель Анвар Эхсан Сиддики включил в книгу 53 стихотворения 39 авторов и биографию Ленина. Почти все произведения написаны за последние два десятилетия. В каждой их строке чувствуется влияние Октябрьской революции.

«ЛЕНИН И АКАДЕМИЯ НАУК»

Так называется сборник, подготовленный к изданию Архивом Академии наук СССР. Книга представляет собой собрание редких документов, воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине, многие из которых публикуются впервые.

Вскоре после Великой Октябрьской революции по указанию Владимира Ильича органы Советской власти установили тесную связь с Академией наук. 27 января 1921 года произошла встреча В. И. Ленина с руководителями академии — вице-президентом В. А. Стекловым и непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом. На встрече присутствовали начальник Военно-медицинской академии В. Н. Тонков и А. М. Горький.

В. И. Ленин сердечно принял ученых. С. Ф. Ольденбург писал: «Владимир Ильич подробно расспрашивал нас о разных очередных работах, и видно было, как этот человек, на плечах которого лежала забота о таком гигантском строительстве, находил время думать и помнить о работе отдельных ученых, которой придавал особенное значение для нашего строительства».

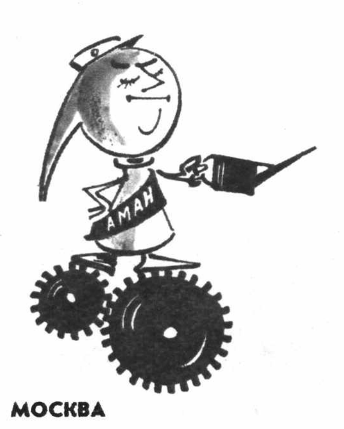
Во время приема у председателя СНК обсуждались крупнейшие задачи государственного масштаба, определявшие будущее науки в нашей стране. В центре внимания стоял широкий круг проблем по организации международных научных связей, материальному обеспечению научных учреждений, лабораторий, музеев, библиотек, снабжению ученых приборами, электроэнергией, подготовке кадров. Заканчивая беседу, В. И. Ленин сказал: «Я лично глубоко интересуюсь наукой и придаю ей громадное значение. Когда вам что нужно будет, обращайтесь прямо ко мне».

Сразу же после встречи с В. И. Лениным академик В. А. Стеклов в своем дневнике записал: «Ленин уполномочил нас в случае какихлибо замедлений в исполнении различных требований, справедливость коих подтверждена правительственными учреждениями, посылать ему прямо короткие телеграммы (по истечении приблизительно двухнедельного срока) с просьбой немедленно «толкнуть дело».

Публикуемые в сборнике ленинские записки секретарю СНК Н. П. Горбунову показывают, что В. И. Ленин, не откладывая, в этот же день принимал меры для удовлетворения нужд ученых.

Сборник документов выйдет к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Б. ЛЕВШИН,
директор Архива АН СССР, кандидат исторических наук

МОСКВА

СЕКРЕТ АМАНА

АМАН. Это таинственное слово часто употребляется теперь в разговорах машиностроителей. Что же такое АМАН? Твердая смазка, полимерный смазочный материал, разработанный на основе специальных смол. Он с честью выдержал испытания в самых тяжелых условиях, при высоких и низких температурах.

АМАН родился в творческом содружестве исследователей Института элементоорганических соединений АН СССР, Института машиноведения Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности, Всесоюзного научно-исследовательского конструкторско-технологического института подшипниковой промышленности и Московского механического завода.

ФРУНЗЕ

СКОЛЬКО СТОИТ ЖАЖДА?

Можно ли навсегда избавить землю от жажды? Да, в этом воочию убеждаешься, побывав на восьмом распределителе Ат-Башинской оросительной системы в Киргизии: земля получает здесь воды именно столько, сколько ей в данный момент хочется.

На оросительной системе установлены пневмогидравлические регуляторы, сконструированные Институтом автоматики Академии наук Киргизской ССР. Роль командиров поручена телеустановкам, которые могут выслушивать донесения и давать приказы на расстоянии до 150 километров.

Сколько же стоит это удовольствие?

Директор Института автоматики академик республиканской академии наук Ю. Неболюбов объясняет:

— Для осуществления комплексной автоматизации и телемеханизации оросительных систем республики требуются дополнительные затраты, не превышающие пятнадцати — двадцати процентов капитальных вложений в строительство ирригационных каналов. Но зато это дает значительный материальный эффект, прежде всего за счет экономии оросительной воды, плюс гарантия от засоления и заболачивания. Улучшение мелиоративного состояния почв дает ощутимую прибавку в урожайности. Все это означает, что за два-три года расходы на автоматизацию и телемеханизацию полностью окупятся.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Мы публикуем два стихотворения из этого сборника, а также высказывания о нем поэтов и пакистанских газет.

«Эти стихи отображают политическое и общественное сознание наших поэтов...»
Председатель пакистанской организации прогрессивных писателей на языке урду Ахтар Хусейн.

«В этом сборнике представлены не только творения известных поэтов нашей страны. Книга выражает чувства и настроения всей нации. Эти поэты — наша совесть, а их стихи — голос нашей совести».
Поэт Сибтэ Хасан.

«Внимательно прочитав сборник «Голос Ленина», можно судить о том, как наши поэты восприняли революцию в России, идеи и личность вождя этой революции и мыслителя Ленина. Все стихотворения, включенные в сборник,— на тему о революции в России, об исторической личности Ленина. Без сомнения, лучшего подарка к 100-летнему юбилею Владимира Ильича Ленина пакистанский народ сделать не мог».
Поэт Райс Амрохви.

«Это стихи о Ленине, о революции в России, о революционных идеях. Глядя на этот сборник, сделанный с большой любовью и старанием, с удовлетворением можно отметить, что наши поэты почувствовали огромную важность величайшего исторического события нашего времени — революции в России — и воздали должное личности В. Ленина — вождя этой революции».
Газета «Хурийет».

В заключение хочется еще раз процитировать поэта Сибтэ Хасана: «Мы уверены, что традиционное сотрудничество и доброжелательность, которые начались по инициативе Ленина 50 лет тому назад, еще больше расцветут, а дружеские отношения между Пакистаном и СССР станут еще крепче».

Фаиз Ахмад ФАИЗ

ОКТЯБРЬ

Ночь трепетала, как черные крылья
Раненой хищной птицы,—
Казалось, озлобленная орлица
Зарю задушить стремится.
Но брызнуло утро, раскинулось пламя
Багряными парусами,
И в клочья порвалась гнилая завеса,
Черневшая перед глазами.
В этот миг на ногах рабов изможденных
Так кандалы загремели,
Словно могучий призыв повторяли —
Двинуться к дальней цели,
И на руках у борцов заточенных
Так засверкали оковы,
Словно в разящий клинок превратиться
Были вот-вот готовы...
Недаром надеждой сердца полыхали,
Отважные гибли недаром:
Громада насилья и зла зашаталась,
Охваченная пожаром.
Как будто ворота небес распахнулись,
И вот после тьмы гнетущей
Виднее, чем в зеркале чистом, стали
Век прошлый и век грядущий.
Открылось позорище всех преступлений,
Содеянных злом и наживой,
Распались твердыни надменной власти —
Дряхлой, бесстыдной, лживой.
Вздохнула земля — пробужденная сила
Была в этом грозном вздохе,
И свежая кровь забурлила в жилах
Новорожденной эпохи!..
А тьма трепетала, как черные крылья
Смертельно раненой птицы...
Земля содрогнулась, вспыхнуло небо —
Рушиться стали темницы!

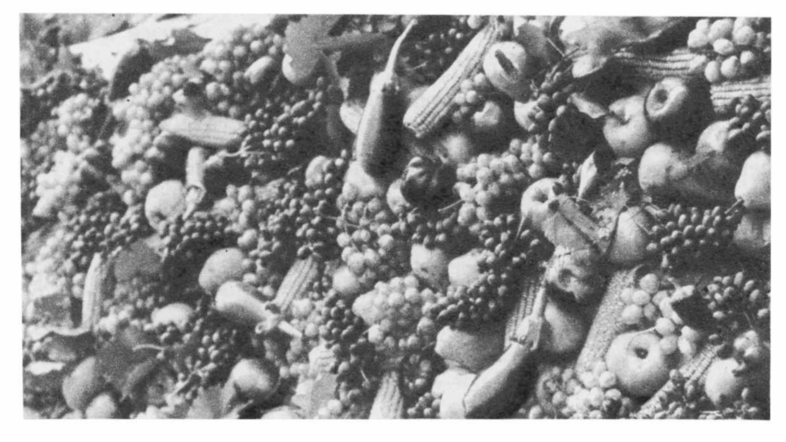
Хабиб ДЖАЛИБ

ЛЕНИН

Под водительством Ленина — гения всех поколений —
Пробудились надежды, в поток превратились весенний.
Солнце счастья чело изнуренных рабов озарило,
И проснулась в сердцах небывалая гордость и сила.
Этот новый рассвет был так ярок и победоносен,
Что, клубясь, отступила, исчезла угрюмая осень.
По цветущим садам разнеслись соловьиные трели,
Засияли долины и красные песни запели.
Рухнул трон, опустели владык золотые чертоги,
С верой в новую жизнь мы шагаем по новой дороге.
Властью правды сменяется лжи вековое господство,
И на каждом лице — отблеск радости и благородства.
Тот, кто сбросил оковы, уже не захочет смириться,
Тот, кто выпрямил спину, уже не захочет склониться.
Побеждает везде справедливости дело святое,
За которую кровь проливали в сраженьях герои.

Перевел с урду Сергей Северцев.

Публикацию подготовили В. Жуков, В. Мереш.

ТАМБОВ

ХРАНЯЩИЕ СВЕЖЕСТЬ

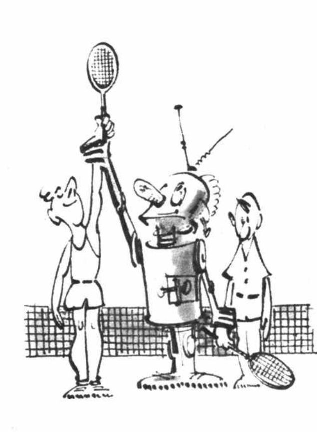
Проблема консервации стара и вечна. Квашеное, маринованное, сваренное с сахаром не портится. Правда, теряется вкус, и снижается биологическая ценность продуктов.

Но есть, оказывается, способ сохранить продукты в первозданном виде — применять вещества, именуемые химическими консервантами.

Ближе всего к универсальному консерванту стоит сорбиновая кислота, которая сохраняет многие продукты, не влияя на их вкус, не разрушая витаминов. До недавнего времени она была слишком дорога. Чтобы получить килограмм сорбиновой кислоты, нужно было переработать полтонны ягод рябины!

Так было до тех пор, пока ученые не наладили производство полезного реактива из дешевых и доступных синтетических продуктов. Это сделали в Тамбовском научно-исследовательском институте химикатов для полимерных материалов.

Сорбиновая кислота хороша своей полной безвредностью. В то же время она чрезвычайно активный консервант. Пятьшесть сотых процента сорбиновой кислоты или ее солей полностью останавливают развитие плесени и грибков. Пирожные, например,—продукт скоропортящийся. Но если добавить в крем и тесто всего лишь три тысячных процента (по их весу) сорбиновой кислоты, жизнь пирожных увеличивается как минимум в четыре раза.

РИГА

АВТОМАТ НАХОДИТ ПОБЕДИТЕЛЯ

Рижские изобретатели В. Прохоров и А. Буевич разработали электронное устройство, позволяющее безошибочно вести судейство в соревнованиях по настольному теннису. Автомат следит за игрой, подсчитывает очки и сообщает результаты на световом табло. Одновременно судья получает сигналы о смене подач, а при окончании матча включается сирена. Можно надеяться, что с таким надежным помощником судья не ошибется, вынося свое решение. Оригинальная конструкция автомата признана изобретением и зарегистрирована в Государственном комитете по делам изобретений и открытий.

ПЧЕЛЫ И ЗУБЫ

ОДЕССА

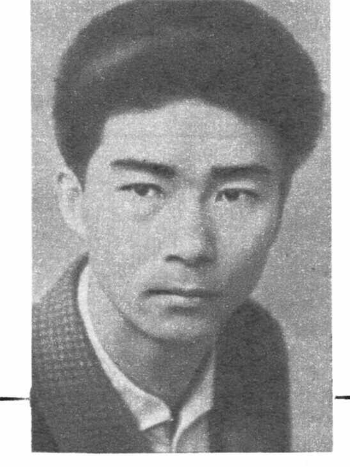
Зубы — это залог здоровья. Не случайно фармацевтическая промышленность всех стран мира предлагает много средств ухода за зубами. Однако не всегда они достаточно эффективны.

Изобретатели Одесского научно-исследовательского института стоматологии и Краснодарской парфюмерной фабрики А. Марченко, Ю. Федоров и другие разработали новую зубную пасту. Она отлично дезинфицирует полость рта, предупреждает заболевания зубов, оказывает самое разнообразное лечебно-профилактическое действие. Виновник этих полезных свойств — пчелиный клей прополис, который добавляется в пасту.

Владимир САНГИ

Рисунок И. УШАКОВА.

Пила-тайхур — большая яма на дне нерестовой реки. Летом и осенью в ней скапливаются стаи горбуши и кеты. Прежде чем устремиться из океана в заветные нерестилища в верховья реки, рыба отдыхает, набирается сил в Пила-тайхуре. И так из года в год — веками.

Издавна, с незапамятных времен поселился у Пила-тайхура нивхский род Ке-вонгун. Судьбе нивхского рода Владимир Санги посвятил новый роман «Пила-тайхур».

В предлагаемом отрывке рассказывается о событиях начала двадцатого века.

ЛЮДИ КЕ-ВОНГУН ЕДУТ ЗА НЕВЕСТОЙ

С рассветом вороны стаями вылетели из голубого ельника, где, укрывшись в гуще разлапистых ветвей, зябко коротали длинную ночь.

Ельник взбирается по заснеженным кручам. Выше переходит в непролазную тайгу.

У подножия кручи в роще черноствольной каменной березы притулилось маленькое подслеповатое стойбище. Обильный снегопад засыпал его, и только прозрачный сизый дым от сухих лиственничных дров подскажет проезжему человеку, что здесь его ждет тепло и пища.

Вороны расселись на вершине узловатой ели, которая, как бы осердясь на своих сородичей, ушла из ельника и поселилась в рощице каменной березы. Целая сотня ворон может спрятаться в ветвях этой ели — настолько она велика. Утром перед вылетом на кормежку или вечером перед сном вороны слетаются к ели, теснятся на ее вершине, дремотно, вполголоса каркают. Потом, будто договорившись о чем-то, разом снимаются, кружатся черным вихрем, закрывая полнеба. И так изо дня в день.

Родовое предание гласит: вороны облюбовали это дерево в тот день, когда в верховьях Тыми у подножия крутобокой сопки появилось стойбище Ке-во — Верхнее селение. Может быть, в далеком прошлом люди, поселившиеся в верховьях нерестовой реки, назывались не так, как сейчас. Но прошло много времени, они позабыли свое прежнее имя и стали называться Ке-вонгун — жители Верхнего селения.

Сегодня вороны медлили с отлетом на кормежку. Они облепили оголенную вершину, с которой сбили хвою еще в незапамятные, давние годы. Вороны громко каркали. Они будто спорили, гадая, что предпримут жители стойбища: или незаметно для ворон добыли крупного зверя и сейчас собираются за мясом, или хотят поехать в другое стойбище.

В эту ночь Ыкилак не спал. Он никому не признавался, что его волновала завтрашняя поездка. Конечно, он с нетерпением ждал этой поездки. Осень ждал, зиму. Ждал еще лето и осень. Теперь он мужчина! Он кормилец: на его счету несколько оленей и один медведь. И он должен уметь держать себя. Этому учил отец, этому учила тайга. Учили все шестнадцать буранистых зим и шестнадцать разных лет: дождливых, сухих, обильных ягодой и рыбой.

Он не спал. Может быть, не потому, что взволнован. А если это милки[1] всю ночь строят козни, они не дают спать? Милки всегда что-нибудь да придумают. Им бы только пакостить человеку. То неожиданно заорут в лесу, и тогда на человека находит такой страх, что он не знает, куда себя девать, то захохочут над ним, одиноким, скованным страхом. Или в осенний ледостав направят туда, где лед тонок, и человек обязательно искупается в ледяной воде. А то и утонет.

И в эту ночь проклятые милки отняли у Ыкилака сон. В то-рафе[2] на противоположной лежанке спал аки — старший брат. Тот всю ночь посвистывал носом. Никак это он своим свистом привлек милков? А все потому, что Наукуч сердит. Он сердится на отца. Ланьгук должна была стать женой Наукуча. Но волей отца она станет женой Ыкилака, младшего брата.

Зимняя ночь длинна. А эта особенно. Ыкилак ворочался с боку на бок.

Он взглянул в т'омс-к'уты — дымовое отверстие в потолке. Перед сном, когда очаг дал много тепла, Ыкилак сам закрыл снаружи т'омс-к'уты деревянной плашкой. Наверно, неплотно прикрыл: видна щель между краем отверстия и плашкой. И в эту щель Ыкилак увидел: небо заметно посерело. «Еще полежу и потом встану»,— сказал себе Ыкилак и подтянул к подбородку старую собачью доху.

До полуночи в то-рафе обычно жарко. Можно лежать и без одеяла. К утру то-раф остывает. Но если надеть х'ухт[3] из рыбьей кожи, накрыться дохой и лежать скорчившись, чтобы ноги не выглядывали из-под дохи,— так можно пролежать до утра и не замерзнуть. Только устанешь так лежать. Тем более что постель — оленья шкура, наброшенная прямо на деревянные плахи лежанки, давно вылиняла, и ощущаешь на ней неровности дерева. За много лет Ыкилак приноровился к своей постели: передвинется чуть-чуть в сторону — и бокам не очень больно.

Ыкилак посмотрел на небо. Мелкие звезды погасли, только крупные видны. «Еще немножко полежу», — сказал себе Ыкилак.

Тут он подумал о юскинде — выкупе. Долго, две зимы, собирали юскинд. Отец охотился. Ыкилак охотился. Охотился и Наукуч. Но он завидовал Ыкилаку, потому и припрятывал часть соболей. Ыкилак знал об этом, но не говорил отцу: чего доброго Наукуч еще скажет, что младший брат не мужчина и ждет, чтобы за него другие ловили соболя. Хотя обычай велит: всему роду, всем добытчикам нужно участвовать в сборе юскинда. А в роду Ке-вонгун всего трое мужчин, надо всем одинаково стараться. Ыкилак пропадал в тайге всю зиму, замерзал в бураны и мороз. Но никак не проявлял недовольства. И все-таки юскинд собрали богатый: соболей целая связка — сорок шкурок, двенадцать лис, семь шкур выдры. Ыкилак сам носил одежду из рыбьей кожи, но всю добычу отдал в юскинд.

Ыкилак вспомнил, что вчера вечером отец снес увесистый узел в нё — амбар. Нё срублен из лиственничного долготья и стоит на сваях — в него бродячие собаки не заберутся. Но он покрыт корьем. Как бы какой-нибудь лесной зверь не проник в него. Ведь для росомахи корьевая крыша не препятствие. Если не лесной зверь, то проклятые крысы могут испортить драгоценный юскинд.

Ыкилак откинул доху, встал и, пока тепло не улетучилось, набросил на себя утепленный собачьим мехом х'ухт. Обвязался ременным поясом, пошарил в темноте под лежанкой, нашел нерпичьи торбаса и меховые чулки.

Наукуч не проснулся даже тогда, когда его аск, обходя очаг, зацепил ногой за что-то и загремел. Ыкилак нагнулся, протянул руки — они коснулись пырша — низкого столика. Братья после вечернего чая не убрали пырш. Разве они могли знать, что кого-нибудь будет мучить бессонница?

Ыкилак, согнувшись, привычно прошел узким, пропахшим псиной коридором, толкнул наружную дверь. Дверь, прилаженная

[1] Милки — оборотни, злые духи.
[2] То-раф — зимнее нивхское жилище, сложенное из жердей или рубленое, крытое корьем и наполовину засыпанное землей.
[3] Х'ухт — верхняя одежда типа халата.

к косяку с помощью сивучьего ремня, неслышно отошла. Ыкилак глотнул морозного воздуха.

Мелких звезд не видно. Но крупные редкие звезды, высвеченные наступающим утром, казались еще крупнее. Они в эту пору издают какой-то особый, таинственный звон, от которого сон становится спокойным и полным.

То-раф родителей немо и смутно темнел в стороне на сером снегу. Воронья ель черной громадиной уходила в небо и будто касалась там морозных звезд. Собаки услышали скрип снега, завозились. Но, узнав по шагам своего, притихли.

Ыкилак походил вокруг нё, убедился, что он нетронут, вернулся в то-раф. Наукуч продолжал высвистывать носом. «Скоро утро. Милки боятся света. Они, однако, уже исчезли. Полежу еще немного»,— решил Ыкилак и, не раздеваясь, полез под доху.

Когда голова коснулась хламья, используемого вместо подушки, откуда-то донесся тонкий, таинственный серебряный звон. Он дрожал, разрастаясь и множась,— это небо говорило: спать, спать, спать...

* * *

— Ха! Этот все еще спит!

Ыкилак приподнялся на локте, соображая, чем так недоволен аки. Наукуч сидел на своей лежанке в накинутой на плечи оленьей дохе. Толстая черная коса свисала сбоку. Аки смачно чмокал, обсасывая чубук трубки, и, надувая щеки, медленно выпускал тонкие дразнящие струйки. В щель т'омс-к'уты проникал белый свет наступившего утра.

Ыкилак знал, чего от него хочет аки. Подумал: «Сам бы мог развести огонь, злой. Ничего не будет делать». Встал, ножом насек щепок, настругал стружек от куска сухой березы. Затем ногтем большого пальца разрыхлил чагу — березовый гриб, поднес к нему огниво и кремень. Хорошая искра получилась на втором ударе. Она упала на крошку чаги, и крошка едва заметно задымилась. Ыкилак раздул тлеющий уголек. Уголек разросся, перешел на кусок чаги. Ыкилак, не переставая дуть, перенес его на очаг под березовые стружки. Уголек рассыпал вокруг себя искры, сухие стружки вспыхнули прозрачным, еле видимым пламенем. Ыкилак разогнул спину и почувствовал, как отяжелевшая голова пошла кругом.

А Наукуч все сидел в прежней позе и смачно чмокал, обсасывая чубук.

* * *

Отец уже переносил вещи из нё к то-рафу. Мать выводила застоявшихся собак. Они громко лаяли и рвались с привязи.

Мать обвязала длинные косы вокруг головы. От этого голова казалась слишком большой, а сама мать еще меньше и походила на неокрепшую девочку-подростка. Она кричала на собак, которые рвались из рук. Мать злилась, пинала собак, нагибалась, чтобы намотать привязь на колья. И при этом у нее все время распахивался х'ухт. Мать поспешно запахивалась, завязывала шнурки, но едва она наклонялась к собакам, х'ухт снова распахивался. «Что у нее — шнурки короткие, что ли? Или они оборваны?» — подумал Ыкилак, глядя, как мать безуспешно пытается застегнуться. И тут он заметил, что х'ухт висит на матери мешком. Два года назад тогда еще новый х'ухт, сшитый из желтой материи, сидел на матери ладно. «Как она сдала...»

— Спустим нарту,— сказал отец, не глядя на сына.

Схватились за ведущую дугу и полозья, потянули на себя. Придерживая, осторожно спустили нарты по покатой стене. Тяжелым березовым остолом отец отбил от нарт налипший снег.

— Принеси нуть,— велел отец.

Ыкилак поднялся в нё, нашел в темном углу свернутый кругами нуть — плетенный из ремня потяг, с которым попарно соединены алыки — хомуты из широких полос кожи.

Мать вывела всех семерых нартовых кобелей и отправилась собирать на стол.

Наукуч не помогал в сборах. Он явился в то-раф родителей, когда мать уже подала на стол юколу, нерпичий жир и густой отвар из чаги.

После завтрака, разгоряченные обильным чаепитием, мужчины вышли из то-рафа.

Отец уже взял конец потяга, привязанный за столб. К нему подбежала жена и умоляюще попросила:

— Запряги суку.

— Только твоя голова может такое придумать. Только твой язык послушается такой глупой головы.

— Сука сильная. Она потянет. Дорога неблизкая, а снег еще не улежался, тяжелый,— не сдавалась Талгук.

— Ыйть! — гневно воскликнул отец и замахнулся тяжелым остолом, намереваясь отогнать жену, так некстати подвернувшуюся под руку.— Кто видел, чтобы уважающий себя каюр впрягал в упряжку суку!

Он еще ворчал, а левая рука привычно отвязывала закрепленный конец потяга. Собаки разом рванули. Отец едва успел ухватиться за дугу. Но его все же бросило набок. Отчаянно ругаясь, он сунул остол с кованым наконечником под копыл: впереди крутой спуск, нужно притормозить, иначе нарта ударится о торос и разобьется.

Ыкилак оглянулся: у низкого заснеженного то-рафа стояла мать. Наукуч провожать не вышел.

Вороны сорвались с ели, догнали нарту и некоторое время висели над нею черной тучей.

* * *

Дорога всегда располагает к раздумью. Думы приходят не только к тем, кто ушел в дорогу. Думы охватывают и тех, кто пожелал удачи в пути.

Век нивхской женщины, рабыни очага и мужа, невелик. Сорок затяжных, буранистых, холодных зим-близнецов, сорок горячих от работы лет-близнецов и до десятка мучительных родов. Потом к ней обращаются: «Мамхать» — старуха.

Она стояла с непокрытой головой, сохленькая, маленькая Талгук, мать быстроногого юноши Ыкилака и жена седовласого, еще крепкого, как пень недавно срубленной лиственницы, Касказика. А Касказик и впрямь был корнем от некогда ветвистого дерева рода Ке-вонгун.

Когда Талгук молодой привезли в род Ке-вонгун, чтобы сделать ее женой удачливого добытчика крепконогого Касказика, род Ке-вонгун занимал все многолюдное стойбище Ке-во в верховьях Тыма и еще их мужчины жили на лагунах Пила-Керкка — Охотского моря.

Ее сватали несколько родов. Каждый из них сторожил время, когда ее можно будет забрать. А люди из далекого стойбища Нгакс-во, что на берегу туманного Пила-Керкка, пытались увезти ее еще маленькой девочкой. Но отец не соглашался. У него были свои соображения. Он рассуждал просто: пусть дочь поживет в то-рафе отца, а

соперничающие роды накопят юскинд. И тот получит девочку, кто больший юскинд предложит. И еще хотел старик отец крепко выпить на свадьбе своей дочери.

В то лето ей исполнилось тридцать три ань[4]. Было тогда много водки, но еще больше — крови.

Люди из Нгакс-во поднялись вверх по Тыми на двух больших лодках, выдолбленных из цельного тополя. И по сей день перед глазами Талгук стоит целая груда юскинда. Чего только не было! И связка собольих шкур, и горностай, и шапка из лисьих лапок хозяину то-рафа, и нерпичьи шкурки на одежду, и торбаса, и белая, освобожденная от щетинистой шерсти кожа морского льва на подошву для торбасов, две шкуры морского котика, сало свежее и топленое, один айнский чугунный котел, топор, шомпольное ружье. И водка. Водки на два дня повальной пьянки. Да, был могуществен род людей далекого Нгакс-во, что жил на туманном холодном берегу Пила-Керкка.

А еще раньше людей Нгакс-во приезжали Ке-вонгун, древние, седовласые сваты из верховьев Тыми. Отец согласился тогда отдать Талгук в род Ке-вонгун. Теперь дело задерживалось из-за юскинда, который дружно собирали люди Ке-вонгун. К зиме Талгук должна была переехать в верховья Тыми.

Пока Ке-вонгун собирали юскинд, нагрянули люди из далекого Нгакс-во. Тер-ычх — Сучок-дед, как звали отца Талгук, сперва отказывался разговаривать с приезжими — боялся нарушить слово, данное Ке-вонгун. После первого дня попойки некоторые старики стали обнимать гостей и называть их достойными зятьями. На второй день беспробудной выпивки сам Тер-ычх полез к гостям обниматься.

...Талгук почувствовала себя взрослой еще за две зимы до того, как приехали сваты. Она поначалу перепугалась, не зная, что с ней случилось, прибежала к матери. Та долго и терпеливо говорила с дочерью, поверяя ей тайны женщины. Потом сшила ей пояс из куска дабы, вложила в складку-кармашек сухого белого мху. Талгук носила пояс несколько дней. Умирал месяц, нарождался другой — и Талгук снова надевала пояс.

В ту зиму она что ни день, то не узнавала себя. Она прикасалась к груди, которая, незаметная прежде, теперь припухла и быстро наливалась. Плечи, бедра округлились. Вокруг поговаривали: «Дочь Тер-ычха созрела, и спеет большая выпивка».

Талгук не представляла себя в роли жены. Но уже тогда говорила сама себе, что будет старательной, расторопной хозяйкой.

И когда пьяный Тер-ычх сказал, что дочь — жена человека из Нгакс-во, Талгук безропотно повиновалась. Она никогда не перечила старшим, отцу тем более. Отец сказал — значит, так надо.

Все стойбище, горланя и напевая, вышло провожать отъезжающих. Мужчины скользили на прибрежной глине, валялись в ней и хрипло орали:

— Охо-хо, наш любимый зять, охо-хо!

Зять со шрамом на лице, зим двадцать ему от роду. Кто-то проговорился: этот жених однажды пытался увезти чью-то жену. Но нарвался на мужа, и тот прошелся по его лицу тяжелым остолом. Жених долго лежал без памяти, но каким-то чудом выжил...

В полдень обе лодки остановились на отдых. Выбрали красивый галечный мыс, развели костер. У костра снова пили. А потом пьяный жених увел невесту в наскоро срубленный из ивняка шалаш.

Она не помнит, что с нею было, но вдруг услышала вопль:

— Вот он! Вот он!

А рядом кто-то истошно прокричал:

— Нашли вора! Нашли! Бей его! Бей!

Прутяной шалаш в один миг разлетелся в стороны. Тускло сверкнули лезвия узких охотничьих ножей. Противники сцепились, сопя и рыча и быстро-быстро орудуя ножами. Кто-то из них ойкнул, протяжно застонал. Поднялся криволицый со шрамом — с бока хлестала кровь. Он пошатываясь побежал к лодке. Трава от шалаша до реки покрылась кровью. Копье, брошенное чьей-то натренированной рукой, воткнулось ему в спину. Он упал в воду. Талгук так и не успела узнать имя своего первого мужа.

У разбросанного шалаша мучительно пытался подняться человек. Толстая его коса волочилась по земле. Он приподнимался, руки его подламывались, и он, скрежеща зубами, вновь и вновь падал.

Сородичи криволицего, не ожидавшие нападения, разбежались.

...Талгук не знала, кто они, напавшие. Она послушно позволила посадить себя в лодку, где с шестами стояли парни, а на корме, тоже с шестом,— человек пожилого возраста. Она сидела посередине лодки. Рядом с нею шестом отталкивался охотник, очень похожий на того, кто сидел на корме. «Наверно, отец и сын», — подумала тогда Талгук. Раненого везли во второй лодке.

За большим поворотом пожилой обратился к тому, кто на носу:

— Нгафкка[5], пристанем к берегу, узнаем, как с аки Касказиком.

Только в своем стойбище, куда приехали утром следующего дня, Талгук узнала, что ее новым мужем будет Касказик из рода Ке-вонгун.

Тер-ычх, отец Талгук, лежал пьяный. Увидев людей Ке-вонгун, и среди них окровавленного, он мигом протрезвел. На свою дочь не обратил внимания, будто ее вовсе не забирали люди Нгакс-во.

В тот день родовой шаман сказал: все три рода — род Тер-ычха, род Ке-вонгун и люди стойбища Нгакс-во — совершили тяжкие грехи. Тер-ычх нарушил обычай, отдав другим засватанную дочь. Люди Нгакс-во — воры. Они затуманили голову Тер-ычху и забрали его дочь. А Ке-вонгун совершили тягчайший грех — пролили свою и чужую кровь. Курн — всевышний дух — не простит. И никакие жертвоприношения не помогут.

Через два дня Ке-вонгун добрались до родного стойбища. Свадьбы не было. Но были похороны...

* * *

Талгук тихо вошла в новый род. Она стала старательной и расторопной хозяйкой. Как ни был велик улов, летнее солнце не успевало попортить ни одной рыбешки — так проворно нарезали юколу маленькие руки. И еще она следила за очагом. И рожала...

Первым ее ребенком была дочь. Старухи, охраняя роженицу от вездесущих милков, приняли младенца и принесли весть в стойбище. Касказик не проявил при этом никаких чувств, будто в стойбище Ке-вонгун не произошло ничего. Талгук долго убивалась втихую: ей было больно и огорчительно. Огорчительно оттого, что не угодила мужу. И несла она это огорчение, как большую вину. Будто она повинна в том, что не принесла продолжателя рода Ке-вонгун. Будто она великая обманщица, на которую с укором и презрением смотрит весь род.

Много месяцев суровый муж не подпускал к себе жену, будто она осквернена.

Иногда ночами Талгук умоляла про себя мужа, чтобы он взял себе еще одну жену — может быть, с нею придет удача?

Как-то ночью, когда на очаге жарко вспыхивали крупные угли от догоравших лиственничных дров, суровый Касказик лежал без одеяла на оленьих шкурах. Талгук, справившись с хлопотами, разделась и поднырнула к нему... Прильнула к его крепкому, мускулистому телу и, лаская нежно и преданно, умоляюще сказала: «Милый, я принесу твоему роду продолжателя. Верь мне. Так будет. А девочка — это хорошо. Она будет нянчить своих младших братьев. Мне ведь тяжело управляться со всем: и по дому и нянчить твоих детей. А девочка, она быстро подрастет, моя помощница».

Однажды Касказик вернулся из тайги, где после бурана переставлял ловушки, с устатку напился горячего чая, дотянулся до лежанки, захрапел. В ту ночь он видел прекрасный сон. Касказик ходко шел на энь — широких охотничьих лыжах. Энь, подбитые нерпой, неслышно скользили по рыхлому снегу. И вот он заметил: по распадку спускается какой-то рыжий небольшой зверь. Покажется между кустами — исчезнет, покажется между деревьями — исчезнет. Касказик остановился, ожидая, куда дальше пойдет невиданный зверь. А тот спустился по распадку, повернул в сторону и увяз в глубоком снегу. Касказик мигом подъехал на своих широких лыжах, схватил зверя...

Наутро Касказик пришел к шаману, рассказал о сне. Шаман ответил: «Того, кто видел сон о рыжем звере, ждет радость. Рыжий цвет, — сказал шаман,— цвет удачи».

Касказик не стал мучить себя догадками, какая радость его ждет. Вернулся домой и увидел: его жена продолжает лежать в постели. Неслыханный случай! Жена всегда вставала раньше мужа, и к тому времени, когда просыпался муж, очаг пылал костром и завтрак ждал хозяина то-рафа. Касказик недовольно взглянул в сторону лежанки. И тут услышал голос жены. Она сказала таинственно-нежно: «Подойди ко мне». Обескураженный хозяин то-рафа подчинился. Жена обняла его за шею, сказала в ухо шепотом: «У дочери будет брат». Касказик ликующе вскрикнул, перевел дыхание, порывисто обнял жену, да так, что та чуть не задохнулась.

За одну неполную луну до рождения ребенка Касказик нарубил черемухи и настругал длинные ленты нау — священные стружки. Собрав их в султанчики, обвязал у основания лыком, обмазал кончики стружек брусничным соком и повесил по углам то-рафа. Священные стружки должны передать Курну — всевышнему духу — просьбу Касказика. А у Касказика одна просьба: пусть родится продолжатель рода Ке-вонгун. Пусть родится сын.

В середине лета, когда горбуша тысячными косяками пошла в реки на нерест, родился сын. Крепконогий Касказик сразу стал почитаем людьми стойбища Ке-во. Он обменял у проезжего русского торговца шкуру соболя и перья орла на водку и поил стойбище несколько дней кряду. Счастливый отец и удачливый добытчик щедро угощал соседей мясом и рыбой.

Младенец, еще безымянный, обычно покоился в тякк — берестяной зыбке с богатым орнаментом. Тякк подвешивался за продольный деревянный пролет у потолка. Однажды ребенок, расшалившись, раскачался в своем тякк. И увидели родители: священные стружки нау, что висели над ребенком, сорвались и упали на тякк. Касказик увидел в этом доброе предзнаменование и назвал ребенка Нау-куч — На Него Упали Нау.

Так и осталось за сыном имя — прозвище Наукуч. Ребенок будет счастливым, решили в стойбище, и принесет счастье своему жилищу. Однако предзнаменование не сбылось. Пришла со стороны морского побережья беда. Тахх — эпидемия страшной болезни — унесла почти все стойбище Ке-во. Тахх посетила и то-раф Касказика и забрала дочь Иньгит.

От былого сильного рода Ке-вонгун осталось всего двое: Касказик и его сын Наукуч. Священные стружки не принесли счастья.

Но, видно, боги были на этот раз милостивее: Талгук родила второго сына.

И чтобы обмануть кинров — злых духов, младенца назвали Ыкилак — Плохой. Он плохой и ничем не может привлечь внимания кинров.

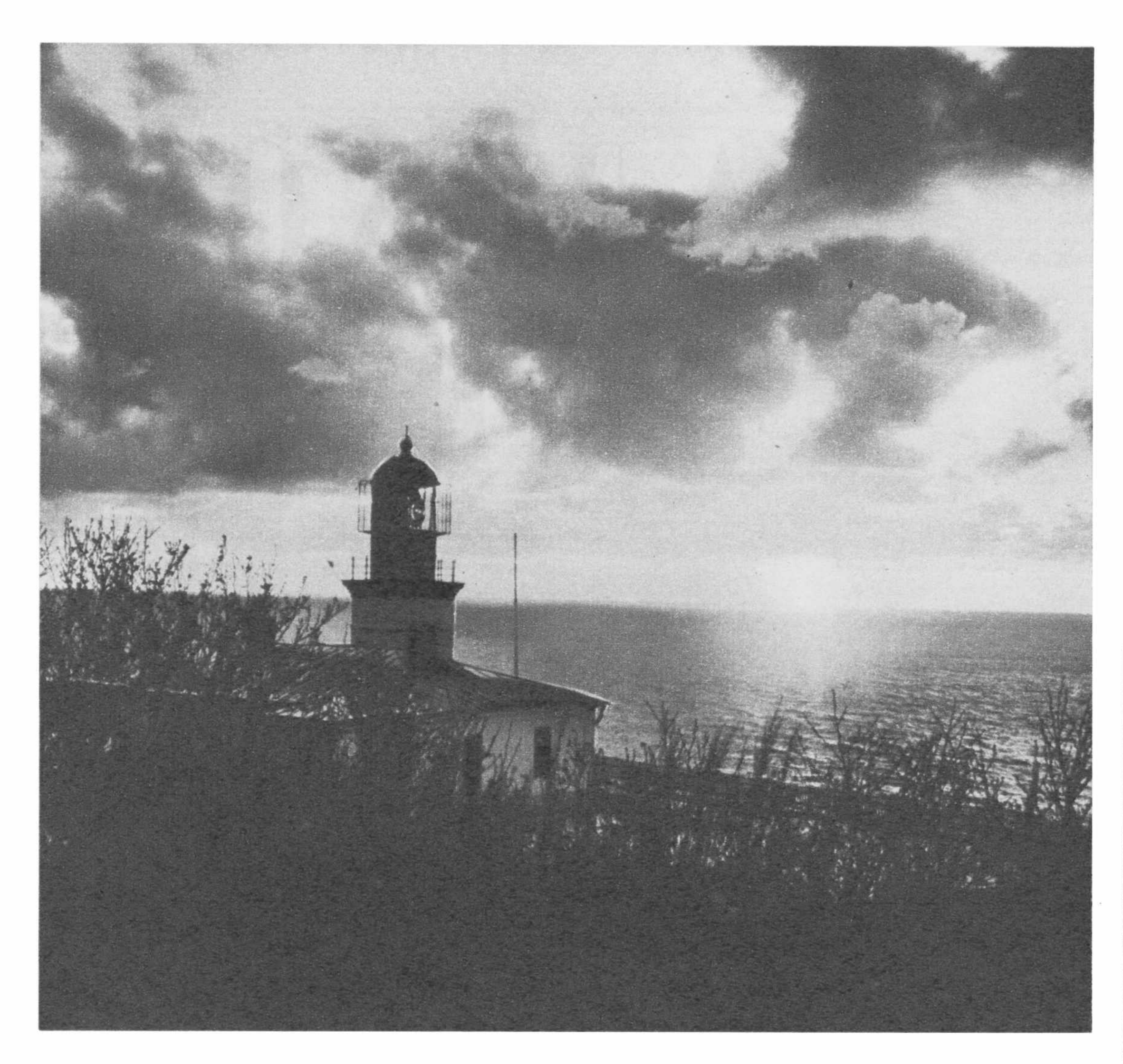
Касказик удачно обманул кинров: маленький младший сын превратился в юношу!

...Талгук стояла у занесенного снегом то-рафа, думала свои думы... Старой женщине хотелось верить, что нарта привезет в стойбище рода Ке-вонгун молодую женщину: они дали юскинд богатый.

[4] Раньше нивхи вели летосчисление по временам года. Ань означал зиму и лето. Год равнялся двум ань. Сейчас летосчисление унифицировано: ань приравнен к году. В романе ань дается в старом значении.

[5] Нгафкка — форма обращения. Буквально: приятель, товарищ, друг.

НА НАШИХ ОСТРОВАХ

Огонь отчей земли. Это о нем писал Антон Павлович Чехов: «Вправо темною тяжелою массой выдается в море мыс Жонкьер, похожий на крымский Аю-Даг; на вершине его ярко светится маяк».

Капитан-директор одного из передовых рыболовецких судов Сахалина — «Новая эра» Валентин Михайлович Бурков. Еще минута, другая — и стоп машины... Дома!

Наши идут...

Проходят годы, века проходят, меняется облик земли, на некогда пустынных берегах вырастают новые города, порты, приходят к ним красивые плавучие заводы-корабли, но все так же, как встарь, ждут верные рыбачки своих рыбаков.

Далекое — близкое

Юрий СБИТНЕВ.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА и Л. ШЕРСТЕННИКОВА.
Специальные корреспонденты
«Огонька»

Понятие «далекое» в наше время, по-моему, весьма и весьма относительно. Ну, какой край, скажем, можно считать далеким: Кушку, Диксон, Сахалин? Далеко ли это? Пожалуй, нет, если, при самых неблагоприятных метеоусловиях вылетев из Москвы, приземляешься в Южно-Сахалинске через двое, от силы трое суток. Это при самых неблагоприятных погодных условиях! А при благоприятных — после одиннадцати часов лету, оставив за плечами восемь часов поясной разницы, не почувствовав громадных расстояний нашей России, спокойно беседуешь о житье-бытье с коренным сахалинцем, совсем так же, как беседовал бы с волгарем, выехав куда-нибудь в Заволжье на выходной день погонять по белотропу зайца.

Доступность расстояний, как никогда раньше, дает возможность сокращать отдаленность одного человеческого сердца от другого. Люди в наше время друг к другу должны быть ближе, роднее, «добрососеднее», что ли. Для чего же тогда покорять скоростью громадные расстояния, если от сердца к сердцу будут лежать все те же тысячи километров пути.

Об этом думалось мне и в самолете «ИЛ-62», когда «перечеркнули» мы Среднерусье, Урал, Сибирь, Дальний Восток; и на борту рыболовецкого сейнера «Китобой», качавшегося в штормовом море подле темной коврижи громадного японского Хоккайдо; и на тесной лавочке в рабочей, утренней автомотрисе (этакая игрушечная, в один крохотный вагончик дрезина); и в поезде, что застрял между Южно-Сахалинском и Тымовским (штормом размыло железнодорожные пути); и в вездесущем вертком «газике», лавирующем меж громадных, отглаженных волнами бревен-плавунов (тот же шторм, словно ножом бульдозера, снял шоссейную дорогу). Думалось о далеком и близком, потому что каждый километр проделанного пути сближал меня с людьми далекого и близкого края — Сахалина.

...До Виахту, центральной усадьбы одного из самых крупных сахалинских оленеводческих совхозов, можно добраться небом, морем и землей. Небом — на трудяге «Антоне» или вертолете, морем — на катере, землей — на машине, по береговой кромке, дождавшись отлива. Но с ночи разыгрался шторм. Он неистово кидался на землю, взбивал пену, и она на холодном морозном ветру превращалась в громадные сугробы, опадала на камни, покрывая береговую кромку. В ночи грохот моря особенно явствен, он докатывался до города, врывался на улицы, проникал за толстые стены домов. Порою казалось, что где-то совсем рядом на полную мощность работает сразу несколько металлургических комбинатов. Как ни странно, но шум большой воды всегда напоминает мне шум большого огня, создающего металл.

С утра по белым сопкам, над Александровском, клубятся тучи, медленно оползают в долину, и тогда за плотной завесой то ли изморози, то ли дождя или тумана скрываются ближние дома, дальних и не разглядишь, здание городского аэродрома и длинный шест-мачта с полосатым мокрым конусом.

В общем, дороги на Виахту отрезаны. Можно было бы, конечно, попробовать «сигануть» туда на вертолете, но все экипажи на заданиях.

А мне надо, во что бы то ни стало надо, добраться до Виахту и встретиться с директором совхоза «Оленевод» Вячеславом Григорьевичем Борисовским. Я знаю, что Борисовский приехал сюда, на Сахалин, в 1931 году, с первым комсомольским призывом, что вот уже тридцать лет безвыездно живет в северном Виахту, что человек он влюбленный в таежный край, в свою работу и что скоро должен оставить ее, выйти на пенсию...

Все это знаю я из рассказов доброхотов, которых всегда достаточно в любом самом малом уголке нашей земли. Они с жаром стремятся помочь заезжему журналисту, навести его на интересную тему, рассказать об интересном человеке, а порою отдают безвозмездно и свои дневники и «пробы пера», лишь только бы не прошел журналист мимо того, что дорого им.

О Вячеславе Григорьевиче наслышан был я уже предостаточно к моменту, когда решил лететь в Виахту. И мне он казался давно знакомым и, если угодно, просто жданным человеком. Между тем по-прежнему над белыми сопками, уже густо просоленными первыми снегами, клубились тучи и жались к земле непогодью, однако прошло время, и небо чуть-чуть просветлело. Появились словно бы весенние проталины, чистые (относительно, конечно) «окна». И сразу же представилась возможность улететь.

...Летим. Справа круто падает к белому-белому, извивающемуся живому прибою берег, слева—стальное, хмурое море. Самолет поминутно потряхивает, кидает из стороны в сторону.

— Масло сбиваем,— улыбается молоденький летчик.— Теперь изо дня в день так вот будет,— низко наклонившись к моему лицу и напрягая голос, говорит он с убежденностью бывалого старожила. Летчик этот уже «старичок» — второй год на Сахалине, и его убежденность подтверждена опытом. Самолет делает широкий круг и ныряет к земле, ко все еще огненным, в последней хвое лиственницам, к нагим безлесым марям, к топкому простору приливной низменности, к десятку беленьких и отсюда, с высоты, очень уютных домиков.

— Виахту,— сообщает наш пилот.

Не успел самолет коснуться колесами полоски земли, как к нему уже спешит от бревенчатого крохотного «аэродромного» домика желтый «газик».

Вячеслав Григорьевич Борисовский — он такой, каким и казался мне, каким я представлял его после разговоров с добровольными моими помощниками. Высокий, чуть сутуловатый, с большими, сильными руками, с крупными чертами лица. Ему за шестьдесят, но здоровая, молодая сила не покинула тело.

Вячеслав Григорьевич ловко, легко ведет «газик» по глубокому, размытому и разбитому колесами следу таежной дороги.

— Думаю, что сегодня сможем, не задерживаясь, попробовать пробраться на Тык, к стадам,— добрым, спокойным голосом человека, постоянно занятого работой, говорит он.— Через залив по речке Виахту можно подняться на лодках до старой усадьбы совхоза, а туда подгоним вездеход. И дальше на нем через тайгу к Тыку — на пастбища. Лодочники уже ждут. А я с вездеходом выйду следом.— И, окинув взглядом мою в общем-то не таежную одежду, добавляет:— Переоденетесь у меня на дому. Что-нибудь подберем. Потеплее надо обрядиться — осень.

В маленьком, всего в две комнаты, домике директора совхоза сгрудились, посдвинулись с привычных мест вещи, стены только-только побелены, покрашены рамы.

— Запозднились с ремонтом. И я и жена заняты. Только во «внеурочное» время и малярничаем. А неурочного времени не хватает.

— Должен вот-вот на пенсию уйти, а ремонт все-таки заладил,— тихонько говорит мне мой спутник, мэр Александровска Федор Федорович Дручинин.— Другой бы так и дожил, все равно уезжать-то. А он вот нет.

Пришла с медучастка жена Вячеслава Григорьевича, захлопотала у печи.

— Слава, неси дрова. Как же это в дорогу на пустой желудок? Не годится. Да и чаю надо попить. Намерзнетесь еще, успеете...

Пока, весело потрескивая, распаляется плита, пока мои спутники переодеваются и приводят в боевую готовность спиннинги (заядлый рыбак везде остается рыбаком и всегда найдет время «похлестать» реку, особенно тут, где таймени, по утверждению Федора Федоровича, сами лезут на блесну, и каждый величиной с доброго теленка), пока сам хозяин подбирает мне со своего плеча (а рост у нас почти одинаковый) одежду, я рассматриваю фотографии из маленького семейного альбома. Пожелтевшие, любительские, ясные и неясные, давние (их больше) и недавние, они поелику возможно повествуют мне о прожитой жизни.

Особенно запомнилась одна: молодой парень в расстегнутой косоворотке, с легко отброшенными со лба волосами сидит под громадным деревом среди буйной травы, где-то за спиной его, за травами, за таежной зарослью, едва угадываются сопки и краешек чистого неба. Все в этой фотографии радостно, даже празднично, дышит от нее каким-то ароматом. Но главное в ней — лицо парня, открытое, сильное лицо человека, которому все по плечу. И еще взгляд, так знакомый по фотографиям юности наших отцов. Взгляд молодого человека, энтузиаста, идущего и в амурскую тайгу, и на гору Магнитную, и на Турксиб, и на Днепр, и на Сахалин...

Комсомольцы двадцатых годов!

И как бы ни валяла жизнь этих парней, как бы ни старалась она изменить их, изрезав лица морщинами, пригасив юношеский огонь глаз, посеребрив головы, но все-таки не состарилось, не изменилось в них то главное, что вело в большую, славную работу, в хорошие дела.

...По заливу, не в меру разыгравшемуся, вошли на двух лодках в устье реки Виахту. Дальше мы должны подняться по реке до рыбачьего зимовья, перевалить пешком небольшой хребтик и ждать вездехода подле старой усадьбы совхоза.

Навальная, лихая волна достаточно покидала нас на широкой ладони залива, пошвырялась в нас водою, и теперь, мокрые и уже чуть продрогшие, мы мягко плывем в тихом русле реки. Берега все ближе и ближе подвигаются друг к другу, тянет над водой ветви тайга, забредают в нее ветловники, мочат ноги поречные деревья.

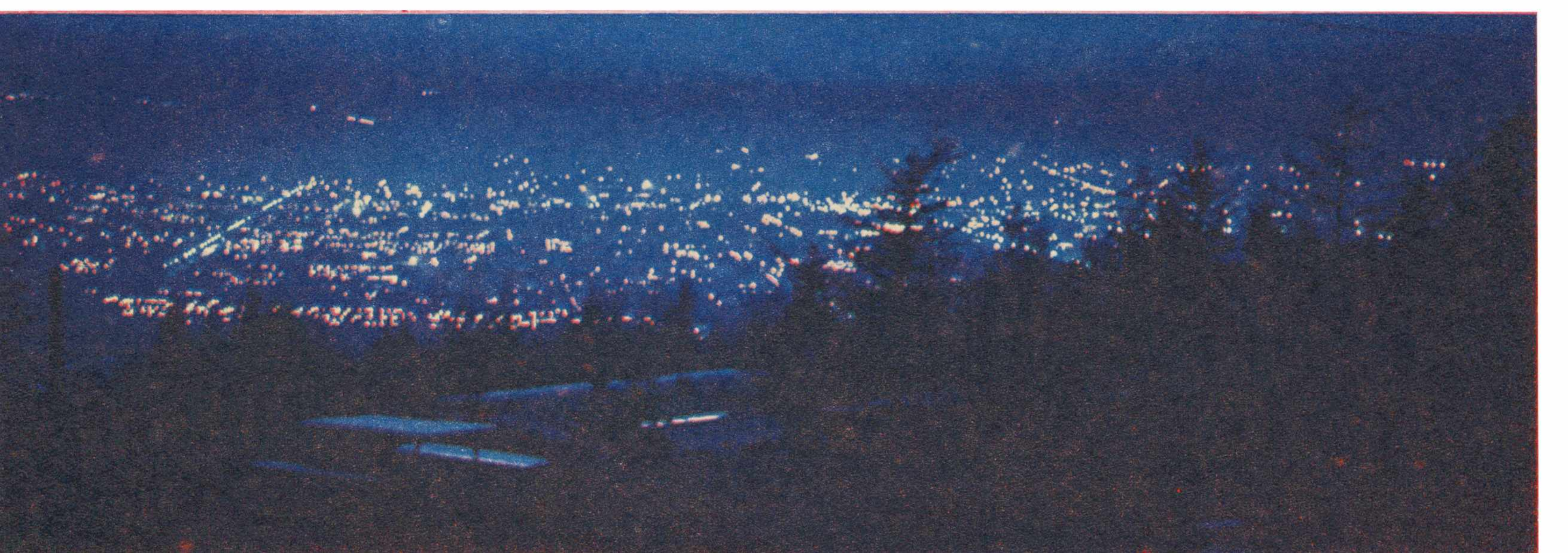
Вездехода у старой усадьбы пришлось ждать долго. Быстро темнело, и тайга вокруг словно бы набухала этой темью, становилась холодной

Солнце уходит к материку. Там начинается новый день.

Это остров морских котиков. А называется он — Тюлений.

Маяк Жонкиер — один из старейших на острове. За его работой следит начальник маяка Борис Иванович Гладунов.

Огни Южно-Сахалинска.

Люди сегодняшнего Сахалина: студентка музыкального училища Таня Рачителева — участница Южно-Сахалинского хора.

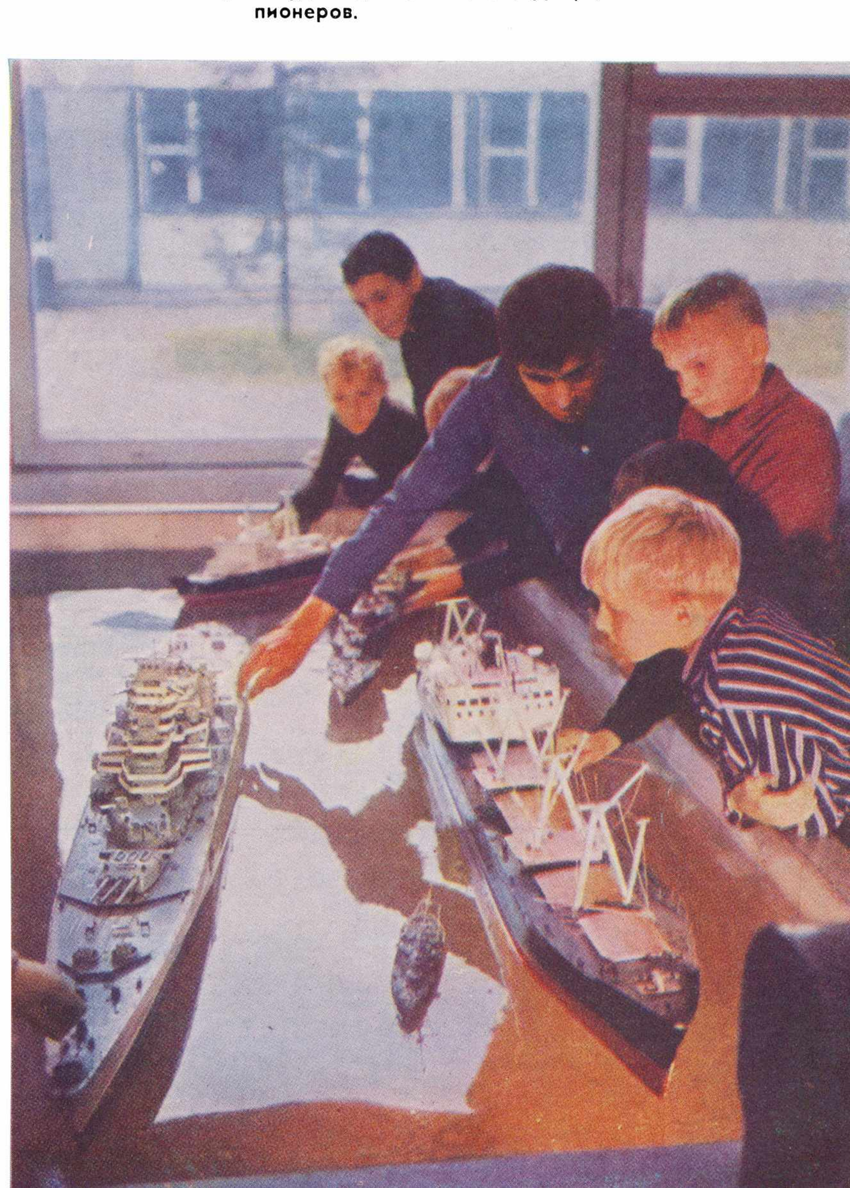
Бригадир Тамгинского лесопункта Владимир Яковлевич Филенков.

Дина Нелина и Надя Хенка, молодые строители.

Юные южносахалинцы — судомоделисты нового Дворца пионеров.

Владимир Андреевич Иванов — мастер Калининского рыбоводного завода.

У берегов Кунашира.

Сахалин — это лес.

Рыбаки на рейде.

В отдаленный поселок прибыла почта.

«Граница на замке». На одной из наших дальних застав.

и неприветливой. Подул резкий, неожиданный, как всегда тут, ветер с мелким дождем и снегом. В каждом его порыве слышался стук мотора, виделся в уже налившемся и загустевшем мраке свет фар.

— Только что вернулся из Ульяновска,— рассказывал мне Федор Федорович Дручинин.— Заложили мы, сахалинцы, там сквер. С весны высадили цветов много. Как-то приезжаю, спрашиваю: а где наши цветы растут? Показали и тут, и тут вот, и здесь. И вроде бы как смущаются. С чего бы это? Оказывается, не все цветы сахалинские высадили, часть — в питомнике у них. Пришлись по душе Ульяновску цветы Сахалина. А сейчас вот деревья высаживали, целый сквер. Никто не верил, что привезем с Сахалина деревья. А мы на самолет — и, пожалуйста, с саженцами...

Вездеход пришел с запозданием часа на три. Была уже ночь, когда где-то в частолесье тайги зашарились две полоски света и донесся стук мотора.

Вячеслав Григорьевич, перебравшись на нашу сторону реки по пешеходным лежням, появился из темноты неожиданно.

— Сумерничаете?— зазвучал его добрый голос.— Два раза вездеход разувался. Отходил свое, старенький.— И добавил, так, походя: — На пенсию пора.

Вездеход должен был пройти по броду недалеко от места нашего вынужденного привала. Но, как оказалось, поднявшаяся выше нормы вода в реке покрыла брод. И, подхватив вездеход, поволокла его вниз по течению и снова прибила к тому же берегу, оставив на плаву. Пришлось заякориться, примотав трос к кустам.

Во всей этой ситуации озабочен и взволнован был только я. Остальные были спокойны, будто ничего не произошло, будто стрежневая, ломовая вода не может снова поволочь вездеход, вынести его на камни, опрокинуть...

— У тебя трос есть?— обращаясь к водителю, крикнул Вячеслав Григорьевич.

— Есть,— глухо откликнулся водитель.

— Сейчас подашь конец нам. Подработаешь гусеницами, а мы тебя бурлачками потянем на мель.

— А как же я трос-то подам! Как?!

— Сейчас я тебе блесну закину, на нее и клюнешь,— весело прокричал Борисовский. И то, что казалось минуту назад шуткой, оказалось делом серьезным, находчивым делом.

Взяв у кого-то спиннинг, Вячеслав Григорьевич метнул блесну раз, другой. На третий она звонко ударилась о железо.

— Есть, клюнул,— пробасил из темноты водитель.— Сейчас наживлю вам тросик.

— Выдержит ли леска стальную тяжесть троса?— усомнился я.

— Выдержит. Тайменей величиной с телят таскали,— поглядев в утайку на Дручинина, пошутил Борисовский...

И вот уже трясется по бездорожью тайги вездеход. Летит в лобовое стекло снег, сползает по нему густой непроглядной кашицей.

— Не так уж далеко до стад осталось. Только бы большую марь — болото проскочить,— говорит Вячеслав Григорьевич.— Устали? Далеко за полночь уже.

— Да нет. А вы?

— Я привычный.

Марь не прошли. Где-то на середине громадной безлесой плешины вездеход словно бы клюнул носом и стал медленно погружаться в трясину.

— Сели,— спокойно сказал водитель.

«Сели» почти по бортовые срезы.

Выбираемся наружу. Как эквилибристы, балансируем на зыбкой почве. Словно бы под ногами не земля, а верткая маленькая лодочка. Порою ноги мягко уходят в торфяную трясину, и кажется, что так вот тебя и засосет разом.

— Только бы не разулся старик,— снова спокойно говорит Борисовский, обходя вездеход.— Пойдемте за бревнами...— И уходит в темноту, высокий, чуть сутуловатый. Летит снег, дует холодный и тут, на открытом месте, особенно промозглый ветер.

А потом при неярком свете переносной лампочки подкапываются под гусеницы Борисовский и водитель. Торф, как резина, неподатлив, его приходится выдирать руками. И я вижу большие, тяжелые руки Вячеслава Григорьевича. Он возится ими в багряной студеной жиже, прилаживая под гусеницу бревно и приковывая его к тракам цепью.

— Только бы не разулся,— говорит он, распрямляясь.

А снег все лепит и лепит, и голые по локоть руки директора совхоза багряны.

— Выберемся. И вернемся на сухое место. Найдем ключик, сварим чай и заночуем.

«Выберемся, легко сказать»,— думаю я, глядя на вездеход, ушедший по бортовой срез в трясину.

И все-таки выбрались...

Ярко горит костер. Натянута палатка, парит над огнем варево, и уже что-то свое ворчит чайник.

Мы сидим на валежине, и Вячеслав Григорьевич греет вытянутые перед собой ладони.

— И рассказывать-то вроде нечего,— глухо говорит он.— Ну, приехал по комсомольскому набору на Сахалин в 1931 году. Я землеустроитель. До 1932 года в специальной землеустроительской партии. Потом — в совхозах. В 1938 году приехал в Виахту, тоже землеустроителем. Определяли границы совхоза. Рубили просеки, километров двести прорубили. Ни вездеходов, ни машин, конечно. Олешки да топоры. Занимался съемкой местности. Впервые на Сахалине была осуществлена зимняя съемка. Конечно, и бураны и морозы. Нормы-то материковские были, для нас жестокие. Но выполняли...

Он говорит все это не торопясь, спокойно, вероятно, припоминая какие-то эпизоды, но не останавливается на них. Все это обычно, все естественно.

— О буранах наших, конечно, слышали? Нигде таких буранов нет. Было как-то, зимой шел из старого Виахту, ну, оттуда, где мы вас на вездеход взяли. Шел, тихо было. В залив вышел — вы его на лодках проходили,— занялся буран. И меня ветром в угол загнало. Голый лед, нельзя идти, роняло меня. Рукавицы ветром сорвало. С залива-то всего расстояния рукой подать, а идти нельзя, валит. Шесть часов полз. Пришел все-таки...

А раз на выборы бюллетени вез, так там же с лошадкой опять в буран угодил. Кошевку юлой крутило. Ну, это так, к вопросу о погодах. Полюбил я тайгу, места эти полюбил. Ну, что еще сказать. Работал зоотехником. С сорок третьего по сорок пятый — армия. В сорок девятом назначен директором. Вот и все, больше и рассказывать нечего. В этом году ухожу на пенсию, уедем на материк. Строим с женой в Краснодарском крае кооперативную квартиру... На материк вот уеду,— снова повторяет задумчиво Вячеслав Григорьевич, и я слышу в его голосе какую-то глубокую человечью тоску, затаенную боль, что ли. И вдруг добавляет: — Поголовье олешков у нас сейчас пятнадцать тысяч, а территория — один миллион шестьсот тысяч гектаров.

Закипел чай. И уже когда мы пьем его, густой, духмяно пахнущий, обжигающий и бодрящий, я задаю Борисовскому вопрос:

— А часто выпадают такие вот поездки?

— Какие?

— Ну, как нынче. С переправами через реку, с болотными топями...

Вячеслав Григорьевич улыбается, и я понимаю, что вопрос мой по меньшей мере наивен.

— Да что же тут такого в этой поездке! Обычная работа. Приходится очень часто пробираться в дальние стада. Завозим туда и продукты и медикаменты. Концы бывают не в одну сотню километров. По азимуту, без дорог. Сейчас проще, сейчас машины.

Мы еще долго говорим с ним о тайге, об охоте, о людях...

Разговору нашему нет конца, потому что он близок мне, этот человек, проживший почти сорок лет в большой работе, в нелегких заботах тружеников тайги, вдалеке от больших городов и широких магистралей. Его след на земле, среди оленьих стойбищ, среди нивхских становий, среди таежных троп. Он весь, до самой малой капельки крови, предан далекому-близкому краю, ставшему для него его жизнью.

— Вячеслав Григорьевич,— говорю я,— да как же вы на материк-то уедете?! Как вы без Сахалина жить будете?! Без всего этого...

— Не знаю,— вдруг тихо, с придыханием говорит он и близко-близко подносит к лицу кружку с уже остывшим чаем.

— Не уезжайте, Вячеслав Григорьевич,— вдруг включается в разговор Дручинин.— Мы вам в Александровске квартиру дадим. Хорошую, в новом доме...

Я гляжу на Борисовского и вдруг вижу, как по щекам его бегут слезы. Большой, сильный человек, труженик и работник, плачет. И его руки не могут скрыть этих вот слез.

Днем мы снова трясемся в вездеходе. Переваливаем один хребтик за другим, ныряем в топкие мари, продираемся в густолесье тайги, «обуваем» «разувшийся» вездеход, все дальше и дальше уходя к оленьим стадам.

Вячеслав Григорьевич спокоен, нетороплив, такой же, каким я увидел его впервые, там, на маленькой авиапосадочной площадке крохотного поселка Виахту, только, может быть, немножечко сутулее стала его широкая спина, да где-то у глаз легли еще две крохотные новые морщинки.

— А может быть, мне действительно принять предложение Федора Федоровича? — вдруг спрашивает он меня.

Ольга ГОЛУБЕВА

ВСТРЕЧА С ВОЛГОЙ

Не узнала ты меня, Волга.
Волны плещут: откуда, чья?
Прикоснись, это я, Ольга,—
Вот отметина у плеча.

Разлучила война с тобою,
Время стерло мои следы.
А ведь я крещена боем
Первый раз у твоей воды.

Встречи я у судьбы просила,
Из-за моря смотрела в даль.
Хоть и там дорога Россия —
Надышаться тобою дай!

Окликаю я свое детство:
На тропинке мелькнула мать...
Я навстречу — хочу вглядеться,
Но видение не догнать.

И в руке только ветка ивы,
Как частичка ее души...
Исцелите меня, разливы,
Гром небесный, ударь в тиши!

Дождик теплый, пролей лето:
И садам и хлебам расти.
А мне снова на край света,
Где начало берут рассветы,
Волга, Волга, прости, прости.

КИМ ЦЫН СОН

ИЗ КНИГИ СТИХОВ

...
Продрогшая луна
Проникла сквозь окно,
На краешке постели примостилась.
Хотел укрыть луну —
Пусть будет ей тепло.
Она пуховым облаком укрылась.

...
Костер и ночь.
Дымится чай по кружкам.
Деревья. Звезды. Ветер. Ночь
ясна.
Неутомимо пробует кукушка
Печальной песней
Доказать: весна.

Стучит вдали
Во всю кукушью силу,
Что всем весною
Хочется любить...

Она стихи мне эти подарила.
Чем я ее сумею отдарить?

Перевел с корейского
Геннадий Прашкевич.

Виктор КОЛЬЦОВ

КАРТОШКА

Избушка на курьих ножках
Стоит.
А вокруг картошка
Лиловым и белым цветом
Заполонила лето.
По улицам гряды, гряды —
Шагают, как на параде,
Картофельными рядами,
Шеренгами и кустами.
Картошка — войны царевна.
Ей кланяемся ежедневно,
Окучиваем прилежно —
Ведь вся на нее надежда.
Раскатистым дробным смехом
Запрыгал сентябрь, поехал
На тачках, в мешках, кошелках —
До капельки разошелся.
Война,
Ты нам плечи гнула.
Мы помним твою сутулость —
Избушку на курьих ножках...
А выручил кто?
Картошка.

Николай **РОДИЧЕВ**

СТРОГАЯ ТИШИНА

Сейчас там снега... Знаменитые сахалинские метели в колдовской круговерти соткали для всего окрестья саван чистейшей белизны, окна редких домиков Брусничной долины залеплены звездчатой ватой, увлажненные родниками распадки сопок стали еще более отлогими, вечные спорщики — берег с морем — помирились. И лишь бульдозер, надрывно урча, дымясь от усердия, не сдается стихии, взламывает сугробы. Нет, он не расчищает пропавшую под снегом пограничную полосу, не отыскивает дорогу. Мимо заставы пролегает путь к отдаленному рыбачьему селению. После очередного нашествия вьюг дорогу здесь создают заново.

А как же граница?

При упоминании этого слова в моих ушах теперь будет звучать резкий скрип укатанного волной прибрежного песчаника. Мелкий, стерильно чистый, пляжный песочек хрустит под солдатскими сапогами, будто снежок. Мы стоим на этом песке с младшим сержантом Николаем Костенко и провожаем взглядом двух статных парней, удалившихся после тщательных сборов на охрану государственной границы. На утрамбованном волной мелком песочке видны даже следы птицы. Зато и ходить там не полагается никому, кроме пернатых. Да вот этим парням, не избавившимся от гражданской угловатости, еще не отрастившим чубиков после военкоматской стрижки перед призывом.

Мы стоим на самой границе. Слева немного стиснутая двумя несмелыми мысками, зеленоватая в этих местах вода океана. Под остывающим к зиме солнцем залив холодно и остро блестит, будто чешуйчатое тело исполинской рыбы. О размере этой «рыбы» можно судить по сторожевому кораблю, идущему по самой линии горизонта. С множеством надстроек, башен и иными сооружениями грозный корабль выглядит спичечным коробком. Я пытаюсь определить, кто кому в помощь выделен: патрулирующий в водах корабль людям или двое пограничников — кораблю. Уверен: там, на корабле, знают об этих двух. Быть может, даже знают, что на этой заставе служит младший сержант Костенко. Имя этого пограничника я дважды слышал перед встречей с ним. Один раз от его бывшего воспитателя старшего лейтенанта Пашкова, в другой раз об умелом воине-дальневосточнике вспомнил в числе других офицер, имеющий отношение больше к корабельной службе.

Николай Костенко — широкоскулый, присадистый. Он быстр в движениях, но в глазах, глядящих прямо, вприщур, настороженность, раздуминка. Множество дел, частая смена обстановки, всегдашняя боеготовность номер один, в том числе и готовность лично заменить любого из своих подчиненных, выработали в нем потребность к движению. Лучше сказать, к осмысленному движению, когда дело делается с предельной быстротой, но без малейшей суеты. За то непродолжительное время, пока мы провели вместе, не исключая и нескольких минут молчания на самой границе, младший сержант представлялся мне в различных ситуациях: подготавливал наряд на охрану границы, кормил солдат, обучал новичков, устранял какой-то конфликт между двумя несговорчивыми, докладывал старшим о событиях в масштабах своего отделения, кого-то защищал от излишней командирской строгости. Молчаливый — молчун из молчунов,— он все же успел произнести несколько сыновних теплых слов и о своем отце, Николае Васильевиче, участнике Отечественной войны, и о матери, Наталье Васильевне, учительнице младших классов, и о младших сестренках Свете и Оле вспомнил. Поделился планами на будущее: собирается после службы учиться «по технической специальности». Однако командиры говорят о нем другое. За год службы в пограничных войсках Николай, быть может, незаметно для себя втянулся в новую, сложнейшую профессию воспитателя молодых воинов, освоив ее на современном уровне, не только освоил, но и полюбил...

На мои расспросы: «Кого из подчиненных Николай Костенко хотел бы отметить добрым словом, что ценит в своих ровесниках?» — младший сержант сказал: «Лучший из новичков Михаил Нечаев... Все делает точно и без напоминаний».

«Все делает точно»! Каким запасом навыков в беспрестанно меняющейся и всегда полной загадок жизни пограничника должен располагать человек, чтобы вовремя и правильно отреагировать на любую неожиданность! Сколько времени должен потратить командир, чтобы помочь новичку овладеть целым комплексом знаний, навыков! «Без напоминаний»! За этим критерием видится встающий из цепи Александр Матросов, чтобы кинуться на амбразуру вражеского дота. Кто мог напомнить в тот миг Матросову о том, что нужней действовать именно так и никак иначе?.. А разве «коллега» Николая Костенко, пограничник из Приморья, сержант Бабанский ждал напоминания, чтобы принять командование группой после гибели командира?

Из беседы с замполитом заставы, где служит Н. Костенко, с офицером Спиридоном Казагашевым я вынес убеждение: младший сержант уже не однажды действовал в сложных условиях пограничной службы, точно и без напоминаний...

Спиридон Казагашев — степняк из Забайкалья. Ему едва перевалило за двадцать. Его мать, колхозница, трудится в родном селе. Недавно Спиридон навестил родительницу и невесту, которая учится. Здесь, на этой заставе, в звании рядового началась его пограничная служба, здесь он овладел изначальной наукой ночного дозора и поиска, овладел прочно, грамотно, как говорят теперь. Отсюда, прослужив некоторое время младшим командиром, уехал на материк, в училище, и вернулся, быть может, навсегда.

Самому старшему здесь командиру лишь на два года больше, чем Спиридону. Часа полтора тому назад, перед тем, как пройтись по скрипящему песку границы, я выслушал от них нечто подобное инструктажу, обязательному для всех — посвященных и непосвященных. Мне рассказывали о некоторых особенностях охраны государственной границы именно на этом участке, точнее, на одном из участков. Во время такого инструктажа-беседы я то поражался многообразию занятий пограничников и масштабности их ответственности перед страной за доверенное им священное дело, то проникался опасением за них... Внутренний голос твердил: «Мальчишки!.. Совсем мальчишки!.. Самому старшему двадцать четыре!.. Огромный кусок земли... Точно... Самостоятельно... Без напоминаний!» Что-то могучее должно повсечасно подпирать этих лишь начинающих жить молодых людей, чтобы они всегда чувствовали себя здесь неустрашимыми. По их лицам я видел: да, они чувствуют за своей спиной эту неодолимую огромность. Родина!

Со Спиридоном Казагашевым мы ездили в сопки, к безымянной речушке. Там мы взяли в машину двух пограничников, окончивших свой нелегкий, с полным боевым снаряжением, обход. И по тому, как заботливо относился Спиридон к младшим товарищам по оружию, как внимательно выслушивал их отчет о патрулировании вдоль границы, расспрашивал о настроении, несложно было понять: границу оберегают здесь все: и заступившие на пост и те, кто в тревожной обстановке ждет сигнала особой тревоги.

Запомнилась встреча с одним из современных рыцарей пограничья. Это А. М. Пашков — часовой и стратег одновременно, вручавший недавно погоны младшему сержанту Николаю Костенко. Пашков — отличный командир, знаток военного дела, он написал диссертацию на тему об охране границ. Ему нет и тридцати, но кое о чем он вспоминает теперь как о пережитом «в молодые годы». Ему шел двадцать шестой год, когда он уже был начальником заставы. И не совсем обычным начальником. Это был не только командир выделенной ему по штату вооруженной группы солдат и сержантов, но благодаря кипучей натуре он вскоре определился как вожак всех патриотов края — от старых рыбаков, участников Отечественной войны, до учащихся местной школы. Людей, жаждущих помогать пограничникам, оказалось достаточно, чтобы сколотить из них несколько дружин. В основном это были рыбаки и их дети. Окрестное население крепко подружилось с пограничниками и взяло на себя часть их неусыпных забот. Прошло с тех пор несколько лет, а Пашков помнит поименно наиболее отличившихся, награжденных грамотами, ценными подарками и даже медалями: экспедитор А. Ф. Артюх, его брат В. Ф. Артюх, учитель В. И. Безуглый... Немало подростков, поднаторевших в учебных походах, потренировавших себя на выносливость в таежных «поисках», просилось затем на действительную в погранвойска.

Так страницы из биографии молодого офицера ложились затем весомой главой в его научную работу.

На другой день после знакомства мы должны были ехать с Пашковым в одно из подразделений, где служат его воспитанники. Но утром я узнал, что в полночь все подразделение во главе со своим ученым командиром устремилось за десятки километров в таежную глухомань. Сигнал тревоги последовал издалека: пропал человек! Ушел в тайгу и не вернулся. Случиться может всякое. Но на границе не могут мириться с неизвестностью. Во всем должна быть предельная ясность. Два дня и две ночи потребовалось питомцам А. М. Пашкова, чтобы распутать клубок из медвежьих тропок и неведения. Пропавший был найден.

Я не удивился, что подразделение, подчиненное А. Пашкову, считается отличным. Пора переставать удивляться тому, что молодые, крепкие парни, окончившие до призыва десятилетку, а то еще и один-два курса вуза, успешно овладевают военными уставами, умеют ходить в строю, бдительно несут караульную службу, молодцевато выглядят. Если к этому прибавить, что в пограничники идут преимущественно по своему выбору — я в этом убедился в разгово-

ре со многими! — то почему, собственно, они или некоторые из них должны служить, скажем, на тройку?

Но есть и в солдатской службе, простой и понятной со стороны, нечто такое, что требует особых, быть может, врожденных качеств. Например, стрельба. Для точной стрельбы из современного оружия надо обладать отменным зрением и активной реакцией организма. А этими данными располагает не всякий. И все же стрелять нужно без промаха! Всем! Ибо солдат — человек, умеющий стрелять по цели. А потом все остальное. С этой мыслью я и увязался с пограничниками на стрельбище. День выдался ветреный. С моря потягивало моросью. Давали себя знать и напряженные, изнуряющие, бессонные ночи, проведенные в тайге. Но стреляли все-таки отлично! И тем не менее офицер А. Пашков, руководивший стрельбами, спустился затем с командирской вышки и, прохаживаясь вдоль строя пограничников, сделал подробный разбор допущенных оплошностей. В боевой обстановке они снизили бы результат стрельбы и привели бы к излишним потерям. Беседовал Пашков с подчиненными спокойно, как бы размышляя вслух.

Подразделение готовилось к ночным стрельбам с применением новой техники. Действенность ее пограничники-моряки продемонстрировали с большим блеском. Сторожевое судно, которым командует ровесник А. Пашкова — между прочим, пишущий стихи — Юрий Поленов, продираясь сквозь кромешную тьму в заливе Терпения, за ночь, проведенную мною у них в гостях, дважды по тревоге переходило на боевой маневр, приближаясь к незнакомому предмету: на расстоянии трех километров приборы фиксировали в бушующих волнах подозрительное движение. Команда подняла из воды в одном случае... ящик из-под котиковых шкур, в другом — остатки разбитой шхуны. Но если бы вместо пустого ящика в поле зрения морских пограничников попалось нечто более существенное, вплоть до вооруженных нарушителей водных рубежей, поэт Ю. Поленов повел бы свое войско в битву и первым шел бы в битву сам. У этого «часового» морских рубежей за последние годы на счету два крупных задержания.

Однажды моряки другого корабля подарили сухопутному подразделению, где служит А. Пашков, выуженный из прибрежных вод хитроватый буй. Но подарок оказался весьма ценным: буй автоматически выбрасывал антенну, если поблизости проходили наши корабли, и отстукивал нужные знаки устроителям ловушки. Разглядели моряки и это приспособление! Сейчас тот робот со сломанной антенной покоится в комнате боевой славы, напоминая молодым пограничникам о том, что наше побережье не перестало интересовать наших недругов. И как важны для охраны неприкосновенности наших границ отличная выучка, отличная бдительность и — если потребуется — отличная стрельба. Только так!

...Как-то летчик, задержавшийся на Курильских островах из-за непогоды, вернулся домой ночью. На подходе к Сахалину он увидел в открытом море, неподалеку от берега, тысячи огней. Это не было галлюцинацией. Множество рыболовецких шхун иностранных держав промышляют в так называемых нейтральных водах в непосредственной близости от границы. И днем и ночью. Только ли рыбой и крабами занимаются эти тысячи?.. На мой вопрос А. Пашкову, знает ли он, что Сахалин по ночам окружен полудужьем огней иностранного происхождения, офицер молча кивнул головой. Противник, даже когда его поймали с поличным, не всегда поддается увещеваниям и предупреждениям. Он признает лишь силу. Значит, для своей безопасности мы должны располагать достаточной силой. Силой таких, как Пашков, как его солдаты...

Не случайно, когда я говорил о добровольных народных дружинах, то упомянул школьников, которые, дождавшись призыва, просятся в пограничники. На Сахалине крепнет традиция служить делу охраны рубежей целыми семьями.

По дороге со стрельбища я познакомился со старшиной подразделения, сверхсрочником Петром Ивановичем Лымарем. Если бы старшина сам не заговорил о детях, мне и в голову бы не пришла мысль, что Петр Иванович — дедушка: настолько молодо и браво выглядит этот атлетически сложенный, мускулистый, энергичный человек. В краю живописнейших, необжитых лесов и гор Лымарь стал охотником-медвежатником. Недавно его пригласили «распутать» одну из трагедий. За подраненным зверем в горный распадок увлекся молодой парень из переселенцев. Сейчас Лымарь — он отыскал и погибшего в неравной схватке парня и разъяренного зверя — рассказывает о случившемся с такими подробностями, будто не спускал с них глаз с самого начала поединка. Так основательно за годы службы на острове освоил он сложную науку охоты на свирепого хозяина здешних лесов. Лымарь великолепно, быть может, не уступая в этом коренным жителям таежных мест, знает рельеф Сахалина, все сколько-нибудь значительные горы, распадки, лагуны. Здесь же отслужили действительную два его взрослых сына, которым отец передал добытый нелегкой ценой опыт островитянина-пограничника. Женились сыновья в пору первой любви на своих ровесницах. Женились, разумеется, сами, хотя отец по старинке, с родительской теплинкой и заботливостью в голосе отозвался об этом такими словами: «Женил ребят рано... Чтобы не разбаловались по молодой поре...»

При расставании Лымарь приглашал на охоту в горы. О своем увлечении он рассказывал с жаром. Но, кажется, впервые в жизни, слушая настоящего следопыта, я понял: охота — это отнюдь не только отдых, но и тяжелейший труд и, если угодно, целая наука!

Позже мне говорили, что П. И. Лымарь с не меньшим искусством распутывает следы «двуногих зверей», если шальная судьба заносит их в запретную зону.

Ждет своего летописца пограничная семья Гребенников. Я знаком с младшим из них, Владимиром Кузьмичом, полковником. Есть и старший — Кузьма Евдокимович, генерал. Сейчас он на отдыхе.

Смоляне родом, Гребенники избрали местом жительства Дальний Восток и острова Тихого океана. В пору молодости Кузьма Евдокимович руководил заставой, командовал погранотрядом, который одним из первых принял на себя удар японских самураев у Посьета, в районе озера Хасан. Младшему Гребеннику было тогда тринадцать лет. Он хорошо помнит события тех дней. Помнит, как приезжал на их заставу писатель Вс. Вишневский, собирал на беседу пограничников, школьников, помогавших отцам. Отец Владимира затем воевал в Отечественную, заслужил звание Героя Советского Союза. Награжден он и знаком Почетного чекиста.

Я не спрашивал, сколько раз отмечен наградами священный труд сына Героя, но личных заслуг перед Отечеством у Владимира немало. Судьба едва не соблазнила его на другой путь, в сторону от проторенного отцом. Вначале он попал в военно-медицинское училище, затем, уже по ходу службы, «переквалифицировался» в пограничники. После окончания пограничного училища получил назначение начальником той же заставы в Посьет, где служил отец.

Трогательной была встреча со старшиной заставы Андреем Федорцом, служившим еще у отца, у Кузьмы Евдокимовича... Так сходятся круги судеб. Долго еще Федорец по привычке называл Владимира Кузьмой Евдокимовичем, всякий раз смущаясь своей оплошки...

Сейчас Владимир Кузьмич — солидный мужчина, отец семейства, «батя» целого племени умелых и неустрашимых охранителей дальних рубежей. Последний раз я встретился с ним в ясный, теплый день, каких осенью выпадает на Сахалине достаточно. Владимир Кузьмич собирался в отпуск, на материк. Мы попрощались с ним. А на другой день я узнал, что Гребенник-младший начал свой отпуск... в тайге: на рассвете туда позвала тревога...

Однажды я спросил у Гребенника после напряженной для него ночи: «Как на границе?» Сын генерала ответил, поправляя фуражку с зеленым околышем: «Все в порядке... Тишина».

Строгая это тишина!

— Поймали в сеть луну,— шутят рыбаки сейнера «Китобой».
Не так уж часто попадает в «невод» луна-рыба, поэтому и решил сделать этот снимок старший помощник капитана СРТМ «Китобой» В. Лобунец.

Иван БЕЛОУСОВ

БЕРЕГ СЕМИ ВЕТРОВ

С мысами солеными,
Лесами смолеными,
Рубиновым ливнем рябин,
С медвежьими падями,
Метельными прядями,
Обвалами снежных лавин,
Стогорбый, исхлестанный
Нордами, остами,
В нашествии облачных орд,
Мой берег заштормленный,
В туманы зашторенный,
Как строг ты, спокоен и горд!

Не в рабской робости —
В рыбацкой суровости
Гляжу на тебя поутру,
Вижу лицо дубленое,
Глаза твои просветленные,
Сердце твое, каленное
На сорок седьмом
Ветру.

* * *

Пришла зима.
Земля оделась пухом.
Утрами стынет хрусткая заря.
С крутых откосов вьюги-завирухи
Бросаются в объятья декабря.

Мороз плетет манерные этюды
(Ах, модернисты, сбили старика!),
А сопки, сопки — белые
верблюды —
Навьючили горбато облака.

На склоне ель разлапистая
гнется,
Сбивает ветер с веток бахрому.
И только море солнечно смеется
И не дается в руки никому.

ЛЭП ШАГАЕТ СКВОЗЬ ТАЙГУ

Кажется, не так уж и давно на восточном побережье Сахалина южнее поселка Лермонтовка был заболоченный, поросший редколесьем пустырь. Люди ходили сюда собирать чернику. Но вот на пустырь пришли строители. Они начали возводить Южно-Сахалинскую ГРЭС. А ныне народному хозяйству острова дают энергию уже три мощных турбогенератора.

Несколько позже стали тянуть линии электропередачи от ГРЭС к городам и поселкам южной части острова. Нелегкое это дело. Энергостроителям пришлось одолеть на своем пути крутые сопки, гнилые мари, быстрые речки, таежные буреломы... Особенно трудно было зимой, когда бураны наметают непроходимые сугробы, а земля промерзает так, что и у бульдозеров ломаются ножи. Но лэповцы упорно продвигаются вперед. Помогают им вертолеты: они доставляют металлоконструкции в совершенно недоступные места.

Сейчас уже пошел ток по линиям электропередачи к городам Южно-Сахалинску, Поронайску, Корсанову и Холмску. Прокладывается трасса ГРЭС—Углегорск—Холмск протяженностью 305 километров. Когда она будет проложена, на юге Сахалина появится энергетическое кольцо, которое свяжет западное и восточное побережье. А в планах — строительство новой ЛЭП: на север острова. Так будет создаваться единая энергосистема Сахалина.

Ю. ЛАПИН

У ДИРИЖЕРСКОГО ПУЛЬТА — ШАХТЕР

— Дипломом первой степени награждается оркестр шахты номер один дробь два,— объявил председатель жюри.

На сцену поднялся крепкий, среднего роста человек. Он бережно принял диплом, и все увидели, как на его груди блеснула в свете юпитеров Золотая Звезда. Зрители горячими аплодисментами приветствовали руководителя и дирижера оркестра, знатного шахтера, Героя Социалистического Труда Аркадия Яковлевича Шалдыбина.

В 1954 году пришел Аркадий Яковлевич на шахту, и с того времени начал свою жизнь один из лучших духовых оркестров области. В армии Шалдыбин окончил курсы капельмейстеров и теперь делился своими знаниями с товарищами. Большая общественная работа, тяжелый труд шахтера не мешают ему регулярно приходить в музыкальный класс и заниматься со своими воспитанниками.

Б. ЕВГЕНЬЕВ

НА НАШИХ ОСТРОВАХ

Студентка Александровского медицинского училища Марина Чен.

БОЛЬШАЯ ПОЧТА МАЛЕНЬКОГО ПОСЕЛКА

Далеко не на каждой карте нашей страны можно найти таежный северосахалинский поселок Эхаби или город Красногорск. А вот письма сюда приходят из разных концов света: из Хельсинки и Лейпцига, Швейцарии и Чехословакии, Польши и Англии... Международную популярность безвестным населенным пунктам завоевали местные школы, точнее, школьные музеи Владимира Ильича Ленина.

Многочисленные экспонаты рассказывают ребятам о жизни и деятельности Ильича, открывают перед ними огромный мир. Школьники ведут большую переписку со многими музеями — отечественными и зарубежными. Вот какое письмо пришло к ним недавно:

«Дорогие юные друзья!

Мы получили ваше письмо и охотно готовы помочь вам в оформлении Ленинского музея. Пересылаем пять фотографий, которые расскажут о пребывании Ленина в Германии.

С социалистическим приветом — руководитель отдела Музея В. И. Ленина в Лейпциге Фосне».

К. ЮРЕНЕВ

На улице Южно-Сахалинска.

КЛЮЧИ ОТ ТАЕЖНЫХ ЛАРЦОВ

Задолго до первого снега Андрей Кондратьевич Малыгин начинает готовиться к промысловому сезону. И в эту зиму не усидел дома семидесятипятилетний охотник: собрав нехитрый охотничий скарб, ушел в тайгу за соболем.

Впервые по звериному следу пошел он в далеком 1912 году, подростком.

— Сколько же вы всего зверей добыли, Андрей Кондратьевич?— иногда спрашивают охотника.

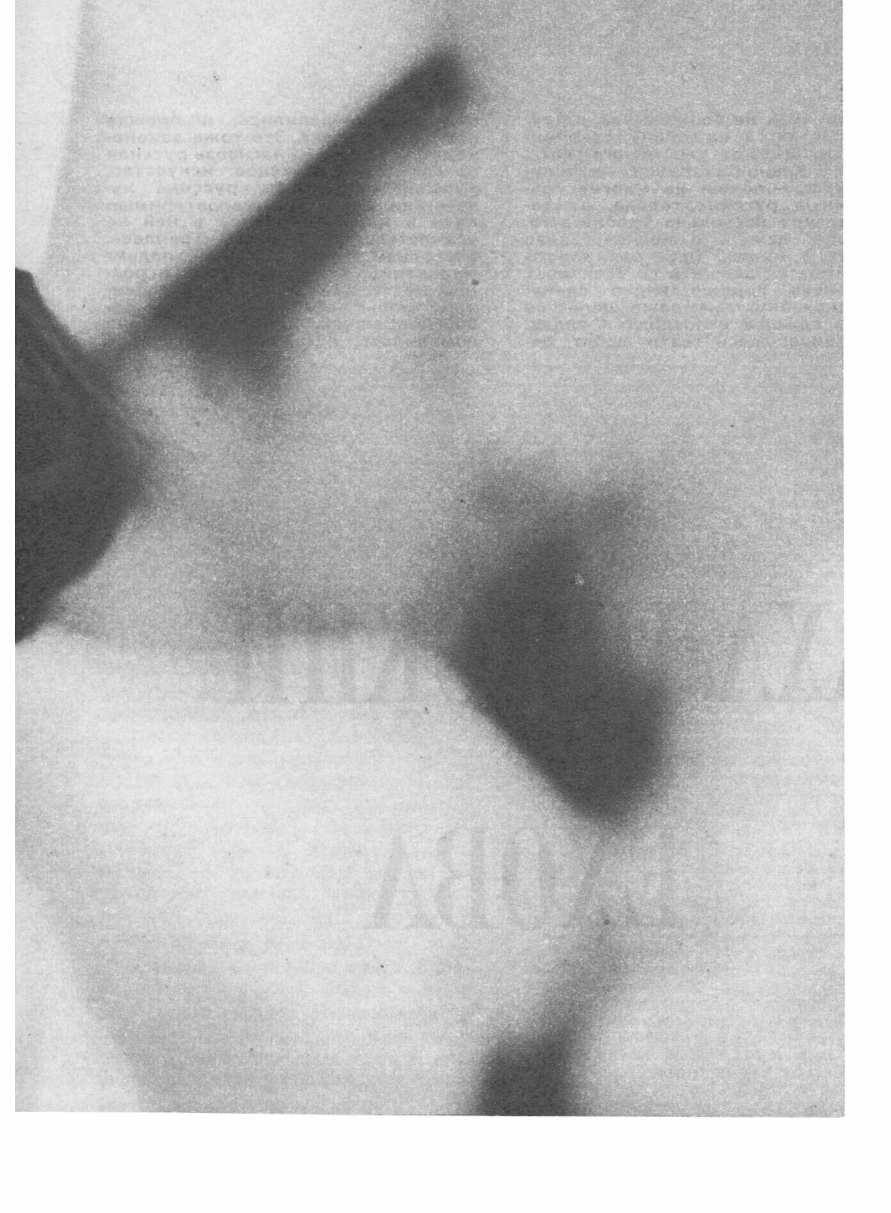
— Да разве все упомнишь...— отвечает он.— Соболей тысячи три будет, медведей сотни полторы, а выдры, горностая, белки — не считал...

Говорят, что звери сами бегут в его ловушки и капканы. Но это, конечно, не так. Кто лучше Малыгина знает таежные угодья Северного Сахалина, повадки зверей, кто может искуснее насторожить капкан или ловушку?

Каждый промысловый сезон Андрей Кондратьевич перевыполняет план в два, три, а то и в четыре раза. Неоднократно выходил он победителем в соревновании охотников, трижды был участником ВДНХ. Так что к почету ему не привыкать. Но до слез растрогался старый таежник, когда в 1965 году узнал, что его отметили высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Поинтересуйтесь в селе Воскресеновке: где живет Малыгин? И вам не сразу ответят. Спросят: который? Потому что вместе с отцом ныне ходят в тайгу и три сына Андрея Кондратьевича — Николай, Александр и Василий. Им передал ключики от таежных ларцов старый промысловик.

В. ЗАВЕТНЫЙ

ГДЕ ОЛЕНЬ ОСТУПИЛСЯ...

Тащился по тайге старый больной олень. На пути ему повстречался ручей. Олень попробовал было перепрыгнуть через него, но не рассчитал силы и упал в теплые воды. А отлежавшись в чудесном источнике, на другой день умчался в тайгу здоровым...

Это легенда, а вот действительность. «Много месяцев я пролежал в постели. А теперь — хожу. И неплохо... Семен Надеин». «За три недели я избавился от кожного заболевания. Для полной гарантии врачи советуют повторить курс лечения. Что ж, здесь неплохо, охотно приеду еще раз. В. Козлов».

Многих сахалинцев и приезжих с материка людей, которые страдали кожными болезнями и ревматизмом, излечила вода из целебного источника, что возле железнодорожного разъезда Горячие Ключи на севере острова.

Сейчас водолечебница состоит всего из пяти маленьких домиков и может принять лишь тридцать больных. Но в ближайшем будущем здесь возникнет благоустроенный санаторий. Использовать целебную силу местной воды и грязей помогают предприятия нефтяной Охи. На средства треста «Дальнефтеразведка» уже выстроено два дома отдыха для буровиков.

Летом в Горячих Ключах побывал отряд комплексной гидрогеологической партии Центрального института курортологии. Специалисты исследовали свойства источников и грязей и после тщательного анализа дадут рекомендации по дальнейшему их освоению.

А. ЧУПРИНИН

ЛОТОС — ПОБЕДИТЕЛЮ

Боре Цикановскому фатально не везло. Он занимал призовые места на олимпиадах юных химиков в Москве, Новосибирске, Казани, Днепропетровске, но каждый раз возвращался домой, в небольшой сахалинский город Макаров, расстроенным. По условиям олимпиад победитель получал путевку на учебу в Академгородок — мечта каждого мальчишки. Но Боре не хватало... образования. В знаменитую школу брали только после восьмого класса, и Боря, со вздохом откладывая институтские программы по химии, брал в руки учебник литературы или ботаники за пятый класс.

В особую папку он складывал грамоты и дипломы, подписанные академиками М. Лаврентьевым, А. Кикоиным, А. Мальцевым и министром просвещения. Бережно хранил Боря цветок лотоса, искусно вырезанный из дерева. Этот сувенир подарил ему профессор из Индии К. Н. Саксен, восхищенный талантом юного химика.

На Всесоюзной олимпиаде в Днепропетровске Боря, к тому времени уже семиклассник, неожиданно заявил, что хочет решать химические задачи за десятый класс. Жюри решило так: «Пусть сначала сделает за восьмой, а если останется время — за десятый». За четыре часа, отведенные для работы, Боря выполнил задания и младшей и старшей групп. Но, видимо, поторопился и занял лишь вторые места. И снова он завоевал путевку в Академгородок.

Сейчас Борису Цикановскому шестнадцать лет. Вот уже два года, как он учится в школе новосибирского Академгородка.

Е. БАБКИН

РАССКАЗЫВАЮТ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКИЙ САХАЛИН»

У ПОДНОЖИЯ ДРЕМЛЮЩЕГО ВУЛКАНА

Невдалеке от Южно-Курильска находится Горячий пляж. Дымящиеся расселины прибрежных скал и знаменитые «дикие ванны» — эти признаки деятельности вулкана, своеобразной подземной кочегарки, уже давно привлекали внимание курильчан. Ведь термальные воды и пар — даровое отопление, доходные теплицы и дешевая электроэнергия.

В 1965 году геологи Южно-Сахалинской геологоразведочной экспедиции забурили первую геотермальную скважину. Разведка продолжалась несколько лет. Результаты ее оказались более чем обнадеживающими: перспективные скважины в секунду дают до 30 килограммов паро-водяной смеси температурой 130 градусов. Уже построена и действует первая опытная теплица. А в ближайшие годы подземное тепло будет обогревать весь Южно-Курильск и давать ему электроэнергию. У подножия дремлющего вулкана построят вторую в нашей стране геотермальную электростанцию, которая значительно превзойдет по мощности знаменитую «Паужетку» на Камчатке.

В. ЗВЕРЕВ

«ГРАЦИЯ» И ЕЕ ПОКЛОННИКИ

Вмиг опустели в Корсакове шумные дворы и скверы. Родители удивленно пожимали плечами: обычно ребят домой не загонишь, а тут...

А секрет, оказывается, простой: нынче вечером по телевидению выступает «Грация», и юные зрители торопились к голубым экранам. Популярность, которой могут позавидовать и профессиональные коллективы! А участники «Грации» вовсе не профессионалы. Это детская балетная студия при Корсаковском Доме пионеров. Сто восемьдесят мальчишек и девчонок. Причем юных балерин значительно больше, чем их партнеров,— специфика жанра! За пять лет «Грация» дала сотни концертов на сценических площадках города.

«Сколько солнца, радости дарят нам, телезрителям, выступления ансамбля «Грация»!» «Изящество, красота настоящего классического балета — неотъемлемые качества исполнения ваших маленьких артистов». Такие письма приходят в адрес «Грации» после каждой премьеры. А бессменный руководитель студии Валентина Филипповна Иванова каждый год прощается с лучшими своими солистами. Они уезжают учиться дальше. Лиля Леонтьева сейчас в Ленинградском хореографическом. Володя Панков — в Киевском. Недавно уехала Таня Бегун, готовится в большое искусство Аленка Парфенова...

Может быть, со временем сахалинцы снова увидят их на голубом экране?

Ю. КИРИЛЛОВ

Татьяна ЛОТИС

Сахалинский имени Чехова

— Ну, все-таки,— спрашивали меня друзья и знакомые, когда я вернулась с Сахалина,— все-таки что-нибудь да необычное там есть?.. Ведь это так далеко!.. Непременно должно быть что-нибудь свое...

— Да,— отвечаю я.— Есть.

Есть красота и простор, каких нет, пожалуй, больше нигде.

Но прекрасен Сахалин больше всего людьми. Они приветливы, гостеприимны и радушны, может быть, тоже, как нигде, эти люди, сплоченные самим краем в одну огромную дружную семью.

Москвичи и ленинградцы найдут на острове многих земляков, да, кажется, и многие другие советские города имеют на Сахалине свои «землячества»...

Есть там театр. Носит он имя Чехова. И это понятно: если уж появился здесь свой театр, то разве можно назвать его как-нибудь иначе?

Каждый год театр отправляется на гастроли по всему острову; приехав на Сахалин, я застала его в городе Углегорске... Справочник административно-территориального деления Сахалинской области поможет вам узнать, что время создания большинства здешних городов — сороковые годы. Углегорск — один из таких городов, совсем молодых. Когда на него смотришь сверху, из окна самолета, то он становится вдруг похож на дракона, лежащего между сопками. Узкий и длинный, протянувшийся на полтора десятка километров, город на всем своем протяжении стеснен холмами так, что большеглазые дома-близнецы начинают заползать на склоны сопок. Поэтому из каждого окна тоже видны сопки...

В городе три Дома культуры. В каждом из них шумно, людно: всюду шли спектакли. А в гостинице я встретила наконец своего нового знакомого, юношу с перевязанной рукой, Александра Аверьяновича Ищенко, режиссера театра. Рука у него была ушиблена во время очередной поездки на гастроли, но время горячее — и режиссер продолжает работать: репетирует и сам играет в спектаклях...

— Мне повезло! — сказал он.— Повезло с самого начала, когда я приехал сюда три года назад, студентом Харьковского института искусств, и начал готовить свой дипломный спектакль «Ромео и Джульетта». Спектакль, как после говорили, удался... А я за несколько месяцев работы привык и к зрителям и к артистам, полюбил Сахалин и снова рвался сюда всем сердцем... Помню, я получал в Харькове диплом, а друзья с любопытством спрашивали: «Ну, что же там, на Сахалине: кругом снег, а на обед сушеная картошка?» Приходилось объяснять таким «знатокам», что снега на Сахалине ничуть не больше, чем в других местах, а картошку сахалинцы выращивают уже много лет... Город Южно-Сахалинск — «столица» края — похож на многие современные русские города, а здание театра настолько удобно, что, пожалуй, даже и в Москве сейчас таких не много. Весь зал полого поднимается вверх, и со всех мест одинаково хорошо видно сцену; отличная акустика: даже шепот со сцены слышен в последних рядах. А главное, здесь театр любят, ценят, доверяют ему; здесь можно серьезно и интересно работать! И в этом главном я не ошибся... Привлекает меня многообразие задач нашего театра. В коллективах столичных театров каждый имеет свое направление, свои традиции, свой репертуар, свой профиль. Мы же одновременно и драма, и комедия, и сатира, и театр для детей... Так работать, конечно, гораздо труднее, но зато, повторяю, гораздо интереснее. У всех нас есть огромные возможности экспериментировать, искать, строить искусство, нужное людям.

Искусство должно улучшать людей, я убежден в этом. И эта внутренняя уверенность определяет мои режиссерские задачи, помогает в работе над новой пьесой.

К каждому произведению подходишь, думая о том, что оно может дать людям. Ведь люди идут в театр не только развлечься! И мы стараемся не только их развлекать. Вот, к примеру, наш брехтовский спектакль «Матушка Кураж и ее дети». Отделена от нас веками Тридцатилетняя война, история жизни маркитантки Анны Фирлинг, прозванной Кураж за ее умение наживаться. Но крах мамаши Кураж на войне неминуем. И мы стремились показать его так, чтобы зрители поняли: вот какая беда может случиться с человеком, если он не может, не умеет или не хочет из-за выгоды честно и здраво оценивать свои поступки, не имеет в жизни твердых принципов.

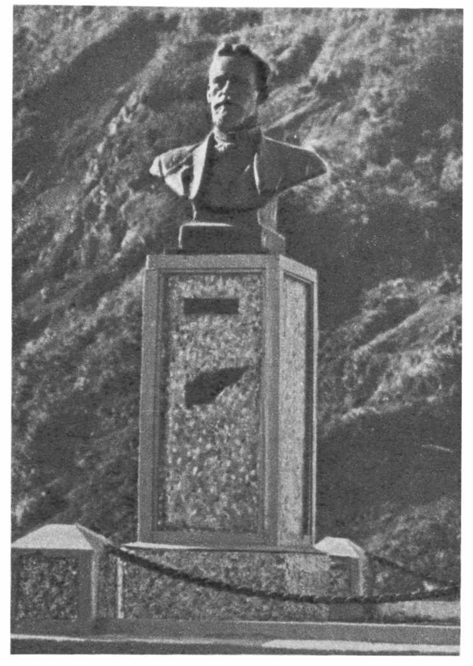
Конечно, не все получается одинаково удачно. Когда мы ставили «Миллионершу» Шоу, то я, как режиссер, попытался было «умолчать» о том, что события пьесы совершаются в первой трети нашего века: мы хотели сделать вид, что все происходит сегодня... Но расплата пришла тут же! Вместо серьезного разговора со зрителем получился фарс. А ведь Шоу — художник острой борьбы идей. И тут мы получили серьезный урок... Столь же поучительной оказалась и работа над чеховской «Чайкой», которая осталась пока у нас незавершенной, потому что вначале мне думалось, будто «Чайка» близка «Гамлету». Но, попробовав поставить «Чайку» «по-шекспировски», мы провалились, и прежде всего я, режиссер. Это тоже закономерно. «Чайка» — насквозь русская пьеса. В ней русское искусство, русская литература, русские художники ищут свои, неповторимые пути к народу. Главное в ней не «гамлетовские» порывы Треплева, а героизм Нины Заречной, подвиг ее жизни... Нина приезжает в родные места, на свое старое «пепелище», чтобы проститься с самой собой — прежней, понять, как она изменилась, и сломать все старое в себе до конца, начать жить сначала. У нее хватает на это сил. Именно в этом смысл, в этом оптимизм пьесы Чехова, а мы все, сахалинцы, все без исключения, поклоняемся его доброму и тонкому таланту, его вере в людей. Он добр, но это умная и строгая, взыскательная доброта. Таким мы и будем играть Чехова...

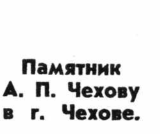
Очень хочется нам поставить и сыграть хорошую современную пьесу, которая была бы похожа на чеховскую умением забираться в глубины человеческой души, постановкой высоких проблем... Иногда в рецензиях встречаются такие слова: «Проблема разрешена». Думаю, что большая жизненная проблема не может быть просто «разрешена»; если мы всерьез работаем для зрителей, то надо, чтобы они не «проглатывали» проблемы, а сами думали над ними, над их решением.

В нашем театре главный режиссер Нульбий Шабанович Тханумашев недавно поставил пьесу Яновского «Ярость». Кажется, что это пьеса-плакат, пьеса-лозунг... Коммунист, выстрадавший революцию, продолжает творить ее в городах и деревнях. Зрители видят, что если этому герою, коммунисту, будет грозить смерть, он пойдет за революцию и на смерть... Премьера состоялась. Спектакль прошел с аншлагом, несмотря на то, что пьеса вроде бы давняя, что в ней много архаизмов... Нет, все оказалось живым, нужным! Спектакль пользуется успехом потому, что в нем серьезно и глубоко говорится об идеалах, о сути героизма подлинного, неумирающего...

— Впрочем, ставим мы и комедии,— сказал Ищенко и пригласил меня на спектакль «Изобретательная влюбленная».

Яркие костюмы и декорации, веселая музыка делают спектакль, поставленный А. Ищенко, ярким, праздничным. Зрители уходят улыбаясь, унося смех, веселье, хорошее настроение. Но спектакль не только развлекает. Прекрасные актеры Туржанская и Храпко суме-

Памятник А. П. Чехову в г. Чехове.

ли так оживить своих персонажей, что, глядя на Белису и капитана, невольно вспоминаешь тех, кто порою ханжески проповедует строгую мораль, утратив ее в своей собственной душе...

* * *

...Кажется, все сахалинцы, с которыми мне приходилось разговаривать, находили на Сахалине нечто такое, что казалось им лучше, милее, чем на материке. Когда я спрашивала у них, не собираются ли они уезжать с Сахалина, многие отвечали поразному. Но вот Николай Яковлевич Трясов ответил, не раздумывая: «Никогда и никуда!»

Николай Яковлевич — учитель. Я познакомилась и подружилась с ним в Театре имени А. П. Чехова. Он один из постоянных зрителей, влюбленных в искусство сцены.

Трясов преподает в школе физику, а в нынешнем году заочно поступил в Южно-Сахалинский педагогический институт на исторический факультет. В школу, где работает Трясов, приятно зайти: светло, чисто, на всех этажах — красочные стенды. Трясов и его ребята сделали их вместе с художником.

— Когда я учился и жил в Казани, то и там часто бывал в театре,— рассказывает Николай Яковлевич,— театралом стал чуть не с детских лет! Приезда театра мы, углегорцы, всегда ждем, как большого праздника, радуемся ему. Но театр приезжает все же редко. И видно, придется нам, педагогам, свой театр создавать. Это проблема серьезная, важная, но вполне осуществимая для нашей думающей молодежи, много читающей публики...

И впрямь, меня даже удивило невиданное количество книг в квартире Трясовых; они лежали всюду — и на стеллажах и аккуратными стопками прямо на полу. Во всем чувствовалась особая прочность жизни: и в обстановке, которая большей частью была сделана руками хозяина, и по тому, как заинтересованно, увлеченно рассказывал он мне о своих учениках, о своем городе, о своей школе... Разговаривая, Николай Яковлевич все время что-то мастерил, хозяйничал в доме, прибирался... Видно было, что он из тех людей, которые везде нужны, находят себе дело по душе и привязываются к этому делу навсегда.

«Жаль, что о таких людях нет пьес!»— подумала я. Впрочем, все сахалинские зрители были такими же, как Трясов, людьми, влюбленными в жизнь, в свое дело.

Вот еще один зритель — Иван Кузьмич Дедук... Вместе с ним я побывала в шахте, где он работает инспектором.

Дедук должен следить за тем, чтобы условия труда под землей, в шахте, были безопасны для рабочих.

Иван Кузьмич так хорошо знает шахту, что от его зорких глаз никогда ничего не укроется.

Инспектор подземного царства Дедук, не будучи по специальности педагогом, по сути, тоже педагог, тоже напоминает сценического героя, как и Трясов. Это люди большой души, большого сердца.

Настоящие сахалинцы...

ОН ШТУРМОВАЛ КОСМОС

Одним из самых ярких событий в науке двадцатого века, безусловно, является прорыв человека в космическое пространство. Имена участников этого события высечены на скрижалях истории. Среди славных имен покорителей шестого океана имя Сергея Павловича Королева произносится с особым уважением: ведь это с помощью систем, сконструированных под его руководством, были выведены на орбиты первый спутник, первый лунник, первые корабли-спутники с космонавтами на борту...

И как не радоваться, что славные дела тех, кто зажигал зарю космической эры, в том числе и академика С. П. Королева, находят все более обстоятельное освещение в нашей литературе! Я с удовольствием беру в руки новую книгу о Сергее Павловиче, в которой военным литератором П. Асташенковым сделана попытка показать его как большого ученого и конструктора, человека смелой мысли, огромного организаторского таланта. На мой взгляд, попытка удалась — книга получилась интересной.

Характер С. П. Королева показан в книге в развитии, от юношеских до зрелых лет. Горнилом, в котором выплавилась его душа, была революция, властно приобщившая смелого паренька к самому романтическому делу того времени — покорению воздушной стихии. В четырнадцать лет он помогает красвоенлетам Одессы готовить гидросамолеты к полетам, а в шестнадцать — проектирует первый свой летательный аппарат, всем сердцем восприняв задачу, сформулированную партией: «Трудящийся, на самолет!» Потом упорная учеба по авиационной специальности сначала в Киеве, позже в Москве.

Автор воссоздает атмосферу творческих исканий, напряженного труда, характерную для первых самостоятельных шагов советской авиации. Эта атмосфера была живительной для Королева, который построил первый свой летательный аппарат — планер «Коктебель» — в 1929 году. В том же году он уже летал на нем. Не прошло и нескольких месяцев, как у Королева был готов легкий самолет дальнего действия «СК-4». Из планериста он делается летчиком, чтобы потом летать на своих самолетах. Но его планам не суждено было сбыться. Как справедливо подчеркивается в книге, всем существом молодого конструктора овладели идеи К. Э. Циолковского о ракетном полете. Это было делом еще более новым, чем авиация, и потому еще более отвечало ищущей натуре Королева. Творческое владение теорией реактивного движения, талант конструктора и организатора вскоре выдвинули Сергея Павловича среди энтузиастов ракет. Он возглавил знаменитый ГИРД, где, как и в Ленинградской газодинамической лаборатории, началась разработка перспективных проблем ракетной техники.

Читая книгу, не перестаешь удивляться стремительности развития современной науки. Ведь один человек руководил пуском и первых бескрылых жидкостных ракет в 1933 году в ГИРДе и пуском в 1957 году ракеты с первым спутником на борту. Какое уплотнение фундаментальнейших фактов науки во времени происходит на наших глазах!

Важную страницу в истории конструкторской мысли приоткрывает автор, рассказывая о постройке и испытании под руководством С. П. Королева мощных ракет сразу же после окончания Великой Отечественной войны. И очень хорошо, что в повествовании использованы письма конструктора. Они ярко показывают напряженность тех горячих дней и радость открытия нового, которую испытывали творцы ракет. «Я все более убеждаюсь,— говорится в одном из приведенных в книге писем Сергея Павловича,— как много значит в каждом деле отношение того или иного человека к порученной задаче, его характер и то личное, свое, что он вкладывает в свой труд. А особенно это важно в нашем, таком новом и необычном деле, где запросто приходится перелистывать книгу знаний». Еще более подчеркивается новаторская суть работы конструктора ракет в другом письме, также впервые напечатанном в рецензируемой книге: «События... несут нам все новые и новые неожиданности и открытия».

Наиболее полно дарование Сергея Павловича раскрылось в дни, когда он готовил полеты первых наших космических кораблей «Восток» и «Восход» и руководил ими. Летчик-конструктор, ставший ученым, он легко находил общий язык с космонавтами, стартовиками, теоретиками, умел объединять усилия больших коллективов для решения сложных проблем космонавтики.

Хорошо, что П. Асташенков показывает широкий диапазон забот С. П. Королева, его внимание ко всем разделам советской космической программы: организации системы связи на основе спутников «Молния-1», изучению Луны, других планет и межпланетного пространства с помощью автоматических станций...

Заслуживает одобрения и стремление автора показать, как зарождались наиболее важные идеи Королева, раскрыть его осуществленные и неосуществленные замыслы. Многие, даже близко знавшие Сергея Павловича, может быть, впервые для себя прочтут о том, что он мечтал написать научную биографию К. Э. Циолковского и потихоньку работал над нею. Узнает читатель и о другом, еще более величественном замысле Королева — написать четырехтомный труд по ракетам и космонавтике.

Да, он был и трезвым практиком и смелым мечтателем, конструктором и ученым, склонным к теории. Когда его спросили, зачем он так перегружается и в момент напряженной работы над мощными ракетами берется еще читать лекции студентам, он отвечал: «Очень важно осмыслить то, что сделано, отлить, так сказать, в теорию».

Он работал и жил не только для настоящего, но и для будущего. Не случайно эпиграфом к книге взяты его замечательные слова: «С берега Вселенной, которым стала священная земля нашей Родины, не раз уйдут еще в неизведанные дали советские корабли, поднимаемые мощными ракетами-носителями. И каждый их полет и возвращение будет великим праздником советского народа, всего передового человечества — победой разума и прогресса!»

Сергей Павлович ушел от нас в самый разгар своей огромной научно-конструкторской деятельности. Его научные идеи, замыслы и дела живут в новых и новых космических свершениях Советской страны, в новых книгах о зарождении и развитии советской космонавтики.

Летчик-космонавт СССР
Герой Советского Союза
Г. ТИТОВ

П. Т. Асташенков. Академик С. П. Королев. «Машиностроение», М., 1969.

ПИСАТЕЛИ КНИГИ

ТЕМНЫЕ ЦВЕТА ГОЛУБЫХ ГОРОДОВ

В этой небольшой книжке речь идет о многих всемирно известных городах: Нью-Йорке и Токио, Париже и Лондоне, Рио-де-Жанейро и Риме.

О городах, в которые ежегодно прибывают миллионы туристов.

«Так и едет турист, убаюканный мягким движением автобуса, плавной речью гида, с блокнотом в одной руке и ручкой в другой, с фотоаппаратом на коленях, с кинокамерой через плечо... И проплывают мимо окон голубые города...

А что если стряхнуть с себя оцепенение, зорче оглядеться вокруг, постараться проникнуть взглядом не только за эти толстые автобусные окна, но и за голубые фасады?»— предлагает нам автор книги, писатель Александр Кулешов.

И мы совершаем вместе с ним увлекательное и грустное путешествие.

Грустное потому, что ведет нас автор-гид не только по музеям. Он приводит нас в трущобы, где живет нищета. Он показывает нам мир гангстерский, преступный. Изобличая, сурово протестует против отравы, которую несут в себе фильмы и зрелища, разлагающие человеческую мораль.

Главная удача автора нам представляется в том, что он сумел увидеть истоки трагедии капиталистического города в социальной трагедии буржуазного общества.

А. Кулешов приводит разительные факты жестокого жилищного кризиса, рассказывает о подлинной нужде, царящей в крупнейших западных городах. В Париже, Токио, Вене не хватает, например, воды, далеко не все дома обеспечены газом, канализацией, даже электроэнергией...

Используя не публиковавшиеся у нас данные, автор развертывает потрясающую картину преступности, царящей во многих капиталистических городах, и прежде всего в городах Соединенных Штатов. Особенно убедительна глава «Равные возможности убивать и умирать».

Большим фактическим материалом оперирует автор книжки «О чем умолчал гид». А то обстоятельство, что он сам не раз бывал в городах, о которых пишет, был свидетелем многих событий, делает книгу особенно достоверной.

М. АЛЕКСАНДРОВ

А. Кулешов. О чем умолчал гид. Издательство «Знание», М. 1969.

В. ПАВЛОВ, Н. СОРИН

ВКУС ПРИВОРОТНОГО ЗЕЛЬЯ

На пограничную станцию, что лежит неподалеку от Черновцов, из-за рубежа прибыл поезд. На перрон, неловко суетясь, вышел небритый человек в измятой шляпе и пальто. Он поставил на землю перетянутый ремнями потрепанный чемодан, положил на него сверток, в котором сквозь рваную газету виднелось байковое одеяло, отер пот со лба и глубоко вздохнул. Следом с подножки спрыгнули два пограничника. «Прошу следовать за мной!» — вежливо, но строго произнес один из них.

Приезжий подхватил чемодан, взял под мышку сверток и в сопровождении пограничников торопливо зашагал к станционному зданию. В таможенном зале вещи были предъявлены к досмотру. Немолодой таможенник, поблескивая очками, следил, как приезжий извлек несколько пар грязного белья, неестественно пестрый свитер из синтетической ткани, старый, затасканный рабочий костюм, домашние туфли, женский портрет и еще кое-какую мелочишку.

«Все?» — спросил наконец таможенник. «Все». «Во сколько же вам обошлась эта м-м... экскурсия?» «Ай, не говорите! Две тысячи новыми!.. Да черт с ними, с этими двумя тысячами! Мне бы домой, к жене...» «По этому вопросу ничего сказать не могу,— пожал плечами таможенник.— Соберите вещи, гражданин Янкелевич».

Так, проскочив «зайцем» последний участок от Бухареста до советской границы, закончил свой вояж на «землю обетованную» — в государство Израиль — черновицкий житель Александр Исаакович Янкелевич. А полгода назад, когда готовился к отъезду, он и не думал, что вояж закончится столь печально.

«Навечно еду на землю предков,— говорил он жене, собираясь в дорогу.— Как устроюсь,— напишу. Жди вызова». Жена плакала: «Не уезжай, Саша... Разве мы здесь плохо жили?» «На земле обетованной будем жить еще лучше!» «А что тебе здесь не хватает? Все уважают. Дом — полная чаша. Премировали тебя, почетными грамотами награждали... А сколько раз ты путевки на курорт в местком получал!» «Глупая ты, не понимаешь... Увидишь, каким станет твой муж!» «Не уезжай, Саша! Дочку, Фирочку свою вспомни!..»

Радио возвестило отправление. Янкелевич еще раз поцеловал жену и вошел в вагон. Уже в поезде он мысленно видел себя в столице «земли обетованной» у входа в дом, на котором красуется пусть не аршинная — что он, Ротшильд?— но вполне солидная вывеска «Янкелевич и К°». А почему бы и нет? Родные — брат Моше и сестра Хана, которая носит теперь по мужу фамилию Бен Дрор,— во всех подробностях писали ему о жизни в Израиле. Немало он слышал об этой жизни и по радио «Кол Израэль»[1], передачи которого с тех пор, как получил от Ханы вызов в Тель-Авив, слушал ежевечерне. Уж он-то знал теперь, что каждый еврей, ступивший на «обетованную землю», сразу же получает деньги на обзаведение, хорошую квартиру, щедро оплачиваемую работу. А главное, как писали брат и сестра, после смерти матери осталось наследство. По прибытии в Израиль Янкелевича ждет кругленькая сумма, которая пришлась не его долю...

Но вот наконец Тель-Авив, и навстречу ему идут брат, сестра. Он не успел их обнять. Какой-то человек в пестрой рубашке навыпуск бесцеремонно схватил его за руку. «Я представитель Еврейского агентства,— заученной скороговоркой выпалил он и, указывая рукой на роскошно одетую женщину в темных очках и с длинной сигаретой в зубах, продолжал: — Эта мисс привезла из Америки много денег для таких беглецов, как ты... Она хочет знать, как живут в коммунистическом аду. Расскажи о своих страданиях в Советском Союзе, о том, что у каждого еврейского дома стоит милиционер, о том, что ты терпел страшную нужду, что тебе не платили зарплату, запрещали менять место работы... Да постарайся, чтобы ей понравились твои ответы!»

Некоторое время Янкелевич молчал, пока не сообразил, что от него требуют. «Такого у нас нет,— сказал он наконец.— У нас...» «А-а, с тобой, видно, каши не сваришь!» — перебил его представитель Еврейского агентства.

Американка выпустила клуб дыма прямо в физиономию Янкелевича, повернулась и пошла прочь.

— Тебе следовало бы хорошо подумать, прежде чем так отвечать,— недовольно сказала Хана.

— И не смей говорить «у нас»!— поддакнул Моше.— Теперь для тебя «у нас» — значит в Израиле!

— Не могу же я так врать,— развел руками Янкелевич.— Что скажут знакомые, когда узнают? Как я посмотрю в глаза жене, дочке?

— А-а, что, мы не знаем, как живут в России!— закричал Моше.— Россия, по-твоему, это страна? Россия — это лес с дикими зверями.

— Но ты ведь даже никогда не был там, брат. Как уехал из Бухареста в Палестину, так здесь и живешь.

— Ты заражен коммунизмом, дорогой Ария,— вкрадчиво проговорила Хана, уже переиначив имя Янкелевича на израильский манер.

— Ну ладно, ладно,— попытался улыбнуться Янкелевич, которому вовсе не хотелось омрачать первую встречу с родственниками.— Расскажите лучше, как у вас тут? Вы меня, надеюсь, уже поделили? У кого из вас я буду жить? А то не успели встретиться, все про политику да про политику!

— Какая политика? Где ты видел политику?— не унимался Моше.— Тебя учат жить! Ты думаешь, мы не знаем, что ты сидел в тюрьме за растрату? А теперь — вы посмотрите только!— честного человека разыгрывает!

— Я? В тюрьме? Откуда ты взял эту подлую ложь?! Как ты смеешь!..

— Да успокойся ты, хватит!— примирительно сказала Хана.— Сидел — не сидел! Какая разница?

— К себе в дом я тебя взять не могу,— сердито буркнул Моше.— Пусть Хана берет. Заодно поговоришь с ней о наследстве!.. Ну, я пошел. Как-нибудь увидимся!

И, не дожидаясь ответа, Моше исчез в толпе.

— Значит, я буду жить у тебя?— спросил Янкелевич, провожая Моше взглядом.

— Нет, у меня ты жить не сможешь, дорогой Ария,— вздохнула Хана.— Даже если бы я захотела приютить тебя, муж не захочет. Пойдем, помогу тебе устроиться в сохнутовский дом.

В доме эмиграционного агентства «Сохнут» Янкелевича попросили подождать. Брат и сестра уселись за столик в кафе, расположенном в холле.

— Ну и скряга этот Моше,— процедила Хана, потягивая холодный лимонад.— За тарелку супа готов повеситься!

— Вы с ним поссорились?

— Глаза б мои его не видели! С тех пор как умерла мать, мы с ним ни разу не встречались. Он требует, чтобы я отдала ему мамин клад. А клада давно уже нет!

— Какой клад? Наследство? А моя доля?

Хана окинула Янкелевича долгим оценивающим взглядом — так смотрят на партнеров за карточным столом, когда идет крупная игра.

— Хм... Твоя доля?.. Мы ведь считали тебя умершим. А разве я не посылала тебе посылок?

— И это все? Те тряпки?

— Ничего себе тряпки! Ты знаешь, сколько они стоят? Грех, Ария, заниматься вымогательством. Большой грех!

В агентстве «Сохнут» Александр Исаакович получил эмиграционную книжку и пятьдесят израильских фунтов единовременной помощи — сумму достаточную, чтобы скромно прокормиться в течение трех дней. Потом ему указали койку в общежитии — в длинном, неуютном бараке, в котором ютилось множество разноязычных людей, прибывших сюда в одиночку и семьями со всей Европы.

Если бы все то, что произошло с Александром Исааковичем в Израиле с этого первого дня его жизни на «земле обетованной», было бы заснято на пленку и показано ему до отъезда, он ни за что не поверил бы. Назвал бы это грубым агитационным антиизраильским фильмом.

Через два дня чиновник отдела распределения квартир по имени Наум вызвал его в «Сохнут» на улицу Эви Верон, 62, в комнату номер 6.

— Мы подобрали вам жилье,— сказал он.— Можете переезжать. Но сначала подпишите вот это. Вы будете платить за комнату пятьдесят восемь фунтов, за газ — семнадцать, за воду — тринадцать. Итого восемьдесят восемь фунтов в месяц. А если не сможете, эта сумма будет записываться на ваш лицевой счет.— И разъяснил:— На каждого приезжающего наше агентство открывает лицевой счет, в который записывается все, что он должен. Есть он и у вас. Вот смотрите.

Янкелевич заглянул в счет и ахнул: у него уже скопился изрядный долг! Было учтено все: плата за общежитие, пятьдесят фунтов пособия, даже стоимость кофе и лимонада, которыми его несколько раз угощали.

— К этому следует добавить...— любезно продолжал объяснять Наум.— За то, что мы вам даем в долг, тоже надо платить. Четырнадцать процентов годовых на сумму долга!

Комната, предоставленная Янкелевичу агентством «Сохнут», оказалась маленькой, душной, страшно запущенной и грязной. Соседи рассказали, что здесь проживали две старухи, одна из которых умерла, а другую отвезли в дом для престарелых.

Несколько дней Янкелевич собственноручно приводил в порядок свое новое жилище. Сестра, которая незадолго до его приезда купила себе новую обстановку (как уверял Моше, на материнский «клад»), дала ему три старых стула, стол и кровать. На стену Александр Исаакович повесил портрет жены. Другой обстановки в комнате не было...

Теперь пришла пора устраиваться на работу. На трикотажной фабрике, куда его направили с биржи, Янкелевича спросили: «Сколько вам лет?» «Пятьдесят два». «Н-да-а... На постоянную работу мы вас взять не сможем». «Почему?» «Видите ли... У человека вашего возраста больше шансов заболеть, потерять трудоспособность. В этом случае вы повиснете на нашей шее. Администрация не может идти на такие расходы. Другое дело, будь вам лет сорок!»

Не хотелось Янкелевичу, а пришлось отправиться к брату Моше, в Раматган, на улицу Тнуаид Америн.

— Почему ты не можешь сам о себе позаботиться? — поморщился Моше, выслушав брата.— Ладно, попробую тебе помочь. Отправляйся на базар Щук Кармель. Там над кафе «Штерн» есть трикотажная фабрика. Скажешь, от меня пришел.

Трикотажная фабрика, о которой говорил Моше, насчитывала в своем штате всего одного наемного рабочего, место которого и занял Янкелевич. Остальными были владельцы Поллак и Вайнер, их жены и дети. Работать Янкелевичу приходилось не разгибая спины. Со всех сторон смотрели хозяйские глаза. Стоило ему на минутку остановиться, как его тотчас же окликали. Наконец наступила пятница — день получки. В конце рабочего дня Вайнер позвал Янкелевича в свою крохотную конторку. Хозяин сидел на столе и держал в руке пачку кредиток.

— Мы условились с вашим братом, что, пока вы будете осваивать производство, вам будут платить, как ученику.

— Мне осваивать производство? Да я двадцать девять лет проработал на трикотажных фабриках...

[1] «Кол Израэль» — «Голос Израиля».

— Все равно придется поучиться... Вот ваша зарплата из расчета восемь фунтов в день.

— Я с голода сдохну на такой зарплате! — вне себя крикнул Янкелевич.

— Ничем не могу помочь...

После выходного, в воскресенье, Янкелевич не пошел к Поллаку и Вайнеру.

И снова поиск работы. По совету знакомого он поступил в столярную мастерскую в Кверсабе. В последние годы в Черновцах Александр Исаакович работал на мебельной фабрике и столярное дело знал неплохо. Но прежде чем получить это место, он должен был долго умолять хозяина. В мастерской ему пришлось еще хуже, чем у Поллака и Вайнера. Приходилось работать не только на циркулярке и на рейсмусовом станке, но и выполнять всю черновую работу: убирать мусор, чистить уборную, сжигать использованную туалетную бумагу. К тому же был он на побегушках то у хозяина, то у мастера.

И все это за те же восемь фунтов в день. А из этих восьми фунтов фунт восемьдесят уходило на автобус до Кверсабы. Один фунт — на сигареты (в Израиле Янкелевич начал курить). Обед в столовой — пара котлет с картофельным пюре и два куска хлеба — три фунта. Два фунта восемьдесят оставались и на завтрак и на ужин — как хочешь, так и дели. До Кверсабы — далеко. Янкелевичу приходилось вставать очень рано, чтобы поспеть на рейсовый автобус, направлявшийся с центральной станции. Отбиваясь от нищих, которых всегда полно на станции, он успевал проглотить чашечку жидкого кофе за стойкой в зале ожидания. Это был завтрак. Если он позволял себе выпить еще одну чашку, — на ужин ничего не оставалось. Иногда он покупал сто граммов самой дешевой колбасы и делил ее на три части: две части — ужин и одна часть — завтрак. Даже по субботам Янкелевич не мог позволить себе более обильного стола.

Все приказания в мастерской отдавались только на иврите. Александр Исаакович, который, конечно, не знал древнееврейского, частенько путал приказания, за что на него сыпалась отборная ругань. «Не могли бы вы говорить со мной на идиш?» — попросил однажды Янкелевич мастера. «Что-о? Только на иврите!» «Но я не понимаю». «А мне-то что?» — Мастер сплюнул в кучу опилок. — У нас говорят на иврите. Не можете — берите расчет!»

В пятницу, на седьмой день работы, Янкелевич, не поняв отданного приказания, подал хозяину молоток вместо рубанка. Тот зло швырнул молоток в угол и, повернувшись спиной к Янкелевичу, обронил: «В воскресенье на работу не выходи! Понял?»

Потом Янкелевич работал плотником, грузчиком, чернорабочим, потом еще в одной столярной мастерской и снова на трикотажной фабрике. Везде, как ни старался угодить хозяину, как ни гнул спину, он не мог заработать более восьми фунтов в день или хотя бы удержаться на работе. Только теперь понял Янкелевич, что такое капитализм, безработица и бесправие и как действует закон прибавочной стоимости... Так вот какова она, хваленая капиталистическая свобода и демократия!

Снова и снова принимался он бродить по закоулкам Тель-Авива, Раматгана, Яффы, брался за любое дело, уже не вспоминая ни о своей квалификации, ни о рабочем стаже. И неизменно в конце недели слышал все то же равнодушное и страшное: «Больше на работу не выходи». Жить Янкелевичу становилось трудней и трудней. От недоедания, тяжелого, непривычного климата, непосильной работы, от постоянной беготни в поисках места, от страха перед завтрашним днем стало пошаливать здоровье. Но о лечении нечего и думать: визит к врачу стоит 50 фунтов — зарплата Янкелевича за неделю... А ведь было время в Черновцах, когда посещение поликлиники и любые самые сложные лечебные процедуры не стоили ему ни копейки. Будь Янкелевич дома, он взял бы бюллетень. А здесь...

— Тебе надо пойти к адвокату и дать ему взятку, — сказала ему однажды сестра Хана, после того как Янкелевич в очередной раз явился к ней с просьбой помочь устроиться на работу. — Пусть даст документ, что тебе сорок лет. Тогда, быть может, получишь постоянную работу...

— Но у вас, в Израиле, пенсионный возраст — шестьдесят пять лет. Прикажешь мне чуть не до восьмидесяти лет гнуть спину?

— Работать все равно придется, Ария.

— А почему твой муж не работает? — глухо спросил Янкелевич чувствуя, как к горлу подступает злоба.

— Это не твое дело!

— А я знаю, почему! Нажился на спекуляциях арабскими землями! А теперь богач! Руки мне не подает. За один стол со мной не желает садиться!

— Замолчи, проклятый коммунист!

— Нет, не замолчу! Это из-за вас, из-за тебя и Моше, я приехал сюда! Золотые горы сулили! А теперь смотрите на меня, как на бездомную собаку!..

— Молчи, я тебе говорю!

— Не нравится? А мне до того тошно, что хочется плюнуть на все и уехать...

— Ты хочешь уехать? — Хана понизила голос, и он зазвучал вкрадчиво. — А ты не забыл, сколько должен мне? За мебель, за посылки... Шесть тысяч! Мы люди немолодые. Нам эти деньги нужны. Имей в виду, если только задумаешь ехать, сейчас же предъявлю иск!

Вернувшись домой, Янкелевич с грустью посмотрел на портрет жены. «Я очень виноват перед тобой, — мысленно проговорил Янкелевич, — перед моими товарищами — рабочими нашей черновицкой фабрики. Виноват перед Родиной за то, что погнался за богатством, замарал свою рабочую совесть! Но я готов принять любое наказание... Лишь бы вернуться!»

Но ему пришлось принять еще много мук, прежде чем наступил тот счастливый день, когда он сел в самолет и покинул «землю обетованную»...

Как же удалось Янкелевичу вырваться из сионистских тенет?

Однажды, вернувшись домой, он нашел под дверью почтовое извещение: прибыл багаж, который был отправлен им из Черновцов в Тель-Авив малой скоростью. Три дорогих ковра, шерстяные одеяла, несколько комплектов новенького льняного постельного белья, пылесос, электросамовар, электрокамин и множество других вещей. Они должны были помочь ему удобнее обставить свою жизнь в Израиле. Теперь же для него они стали единственной возможностью спастись бегством.

Стараясь не привлекать внимания, вещь за вещью относил он на толкучки Яффы, на рынки Раматгана и Тель-Авива. Наконец с багажом было покончено. Янкелевич подсчитал выручку: должно хватить! Теперь требовалось действовать быстро и решительно. Первый визит в «Сохнут», в комнату 111 к господину Леви.

— Сколько я должен? — спросил Янкелевич. — Я бы хотел уплатить.

— Что, у вас теперь много денег?

— Да, получил перевод.

— Что ж, платите, — пожал плечами Леви, заглядывая в бумаги. — Семьсот фунтов набежало.

Пока Янкелевич отсчитывал замусоленные бумажки, господин Леви заполнял бланк справки об уплате долгов: без такой справки не выпустят из Израиля.

— Вы, быть может, собираетесь уехать? — спросил Леви, подозрительно прищуривая глаз. — Так имейте в виду: скорей у меня волосы вырастут на ладонях, чем вы получите выездные документы!

Пробормотав, что он и не думает никуда ехать, Янкелевич схватил справку, помчался в израильское министерство внутренних дел и рассказал какому-то молодому чиновнику заранее сочиненную историю: он, мол, собирается поехать в Вену, там у него есть богатый дядя, у которого много долларов. В Вену же приедет жена. Вместе с женой и с долларовой дотацией дяди он вернется в Израиль.

«Ай-ай-ай! — покачал головой чиновник. — Непорядок. Новый эмигрант и уже едет!» «Но вы поймите — богатый дядя... Жена...» — горячо объяснял Янкелевич. — Мне же надо жизнь устроить!..» «Ладно, — сказал, подумав, чиновник. — Подавайте заявление. Вот вам чистый лист бумаги...» «Я не знаю иврит!» «Поставьте свою подпись. Остальное сам напишу». «Значит, можно надеяться?» «Не знаю. Приходите через два дня. Шолом[1]».

Два дня и две ночи Янкелевич не знал покоя.

Наконец, в воскресенье в министерстве внутренних дел его принял большой начальник. Он долго читал мораль о великой миссии Израиля и о долге евреев перед «обетованной землей». А под конец сказал:

— Мы вам дадим возможность выехать к вашему богатому дяде в Вену. Наше государство испытывает нужду в долларах... Но прежде вы должны подписать обязательство о возвращении.

— Что вы, что вы! — принялся божиться Янкелевич. — Только до Вены. Увижу дядю, заберу жену — и тут же обратно!

[1] Шолом — привет.

Еще раз пришлось Янкелевичу подписать документ, в котором он не мог прочитать ни единого слова. Но другого выхода не было.

Вечером того же дня Янкелевич вместе со своим другом отправились в Яффу, где в одном кабачке он должен был встретиться с маклером, который взялся помочь ему уехать.

Маклер сразу же приступил к делу. «Покажите ваши документы. Справка об уплате долгов? Так. Разрешение на выезд? Хорошо... Фотография есть?.. Куда же вы собираетесь ехать?» «В Вену, там у меня...» «Подробности меня не касаются, — оборвал его собеседник. — Давайте подсчитаем... Билет стоит шестьсот семьдесят фунтов. Пятьдесят — за паспорт плюс налог... Итого тысяча сто восемьдесят фунтов, не считая пятидесяти за посредничество. Устроит?» «Конечно, я согласен. Лишь бы удалось уехать». «Будем надеяться... А сейчас заполним анкету».

На следующий день в том же кабачке, в Яффе, маклер вручил Янкелевичу билет на самолет и временный израильский паспорт.

Самолет вылетал через день в девять двадцать утра. Накануне Янкелевич собрал свои нехитрые пожитки. Потом отправился в магазин купить еды на дорогу. Когда он вернулся, увидел свернутый вчетверо клочок бумажки. Записка! Предчувствуя недоброе, развернул ее. «Вам придется задержаться, — предупреждал кто-то. — Не вздумайте уезжать — наживете беду... Я жду вас в кафе, за углом». Подписи не было. Янкелевич ринулся в кафе — там его дожидался маклер. Он говорил шепотом:

— Дело в том, что вы не являетесь постоянным гражданином Израиля. Таким, как вы, для въезда в Вену требуется виза. С временным паспортом в венском аэропорту вас просто-напросто посадят на первый же рейсовый самолет, отбывающий в Тель-Авив, и привезут назад за счет «Сохнута»... Вместо Вены получите новый долг...

— Что же мне делать?

Некоторое время маклер молчал.

— Вот что, Янкелевич, — произнес он наконец. — Выкладывайте-ка начистоту — куда и зачем вы едете... Может быть, я и сумею вам помочь.

Александр Исаакович рассказал маклеру все. О том, как он жил в Черновцах, как работал на фабрике, о жене, дочери, о друзьях, рассказал, как под влиянием сионистской пропаганды решил ехать в Израиль, о том, как его встретили брат и сестра, и о своей неприкаянной горькой жизни на «обетованной земле».

— Теперь мне одно осталось... или домой, или в петлю!

— Ну, в петлю еще успеете, — отозвался маклер. — Давайте сюда ваш паспорт и билет. Послезавтра в десять утра я буду ждать вас у входа в аэропорт. Да смотрите, до этого времени сидите дома, никуда не показывайтесь! Не опаздывайте!

Тридцатого ноября, ровно в десять, Янкелевич с вещами подошел к тель-авивскому аэропорту. Еще издали он увидел знакомую фигуру маклера.

— Идите скорей! — крикнул он. — Регистрация пассажиров уже идет... — И, понизив голос, добавил: — Ваш паспорт с румынской визой. Долетите до Бухареста, а там уж недалеко...

— Не знаю, как вас и благодарить, господин...

— Не называйте меня господином...

— Так кто же вы?

— Этого я вам не скажу...

Янкелевич, пожав на прощание руку «маклера», заторопился к трапу самолета, все время оглядываясь и стараясь отыскать в толпе высокую фигуру в белой панаме...

* * *

Чем кончилась история пребывания Александра Исааковича Янкелевича в Израиле, читателю уже известно. Авторам остается добавить немногое. Александр Янкелевич провел на «земле обетованной» менее четырех месяцев, а сейчас ему кажется, что, с тех пор как он уехал, прошел десяток лет. Все пережитое — словно кошмарный сон. Но теперь это уже позади. Александр Янкелевич обратился с просьбой вернуть ему высокое звание гражданина СССР.

Коллектив мебельной фабрики, сурово осудив поступок Янкелевича, все же принял во внимание его прошлые трудовые заслуги и решил поддержать ходатайство Александра Исааковича. Просьбу удовлетворили. Теперь Александр Исаакович живет в своей прежней квартире в Черновцах, на улице Пирогова, 36. Живет вместе с женой, которая — женское сердце отходчиво! — тоже простила его.

И быть может, не стоило бы рассказывать всю эту историю, если бы авторы не надеялись, что она послужит уроком тем, кто, отведав приворотного зелья сионистской пропаганды, все еще хочет попробовать «сладкую» жизнь на «земле обетованной».

Фото М. Чесника.

Возле родного театра... Слева направо: заслуженная артистка РСФСР Н. Подовалова — артистка Харьковского русского драматического театра имени Пушкина, народная артистка РСФСР Л. Антонюк — артистка Московского драматического театра имени Пушкина, и артистка Н. Федина.

Сцена из «Трех сестер». Маша — народная артистка РСФСР Е. Солодова; Вершинин — заслуженный артист РСФСР А. Глазырин.

СЕСТРЫ СНОВА В ТАГАНРОГЕ

Михаил АНДРИАСОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Чеховские сестры вернулись в Таганрог. Ненадолго, правда, но вернулись. Снова вошли в отчий дом. И сделали это в дни, когда земляки Антона Павловича сто десятый раз отмечали рождение писателя... Добрая дата совпала с другим памятным событием: двадцать пять лет назад Таганрогскому драматическому театру было присвоено имя А. П. Чехова. И когда в театре (чей почтенный возраст в это время уже насчитывал 118 лет) поднялся занавес,— на сцене шла одна из лучших пьес великого таганрожца, «Три сестры»... Спустя четверть века на сцене те же артисты, тот же постановщик, тот же спектакль...

...Я держу в руках высохший от времени, пожелтевший номер «Таганрогской правды». Рядом с Приказом Верховного Главнокомандующего Командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза Коневу напечатано Постановление Совнаркома СССР о присвоении имени А. П. Чехова Таганрогскому драматическому театру. Тут же передовая о возрождении театра. Телеграммы выдающихся мастеров русской сцены: О. Книппер-Чеховой, А. Тарасовой, К. Еланской, И. Гошевой, И. Москвина, Н. Хмелева, М. Тарханова, известных писателей К. Федина, Н. Тихонова, С. Михалкова... Они поздравляют молодых актеров, только что окончивших Театральный институт имени Луначарского, изъявивших желание всем выпуском поехать в Таганрог. Поздравляют и желают им доброго пути в большое искусство...

Нет, советские музы не молчали! Приказ Верховного Главнокомандующего и Постановление Совнаркома СССР о театре... И это в дни ожесточенных, кровопролитных боев! Такое под силу только Советской власти!

Выдающийся советский актер Владимир Вячеславович Белокуров, несколько лет обучавший студентов ГИТИСа, телеграфировал своим питомцам: «Вы начали с Чехова и к Чехову пришли. Здравствуй, новая жизнь! Беспощадно боритесь с низостью, пошлостью, тунеядством. Будьте по-чеховски красивы!»

Никому тогда не известные молодые актеры-студенты Елизавета Солодова, Людмила Антонюк, Нина Подовалова, Алексей Глазырин, Ильза Шульмейстер, Владимир Ненашев, Нина Федина, Лев Штейнрайх, Ольга Воробьева, Виктор Волков, Александр Роговин и все другие их однокашники учились вдохновенному искусству прославленной московской школы МХАТа. В грозную пору решающих подмосковных боев они переехали в Саратов. Некоторые из них — Нина Суржикова, Наташа Качуевская, Наташа Саенко — ушли из театральных классов на фронт, на передовую. Наташа Качуевская пала смертью храбрых, и теперь одна из улиц Москвы носит имя бесстрашной студентки-актрисы.

Вот каковы были актеры, приехавшие двадцать пять лет назад в освобожденный Таганрог. Они подарили этому городу настоящее искусство. И с первых дней питомцев МХАТа здесь полюбили. Трогательно заботились о них, делились с ними куском хлеба, обогревали теплом своих сердец, гордились ими... Местный писатель, тогда только начинавший литературную жизнь, Иван Дмитриевич Василенко писал в первой рецензии на первый спектакль чеховцев: «Превосходно! Первый же акт «Трех сестер» рассеял все опасения — мы увидели на нашей сцене не учеников, а настоящих актеров, талантливый театр, истинное искусство!»

За «Тремя сестрами» последовали другие спектакли. Взыскательные московские учителя В. И. Марьянова и В. В. Белокуров попрежнему опекали своих недавних учеников — помогали им в освоении новых театральных рубежей. О талантливом коллективе чеховского театра заговорила и столичная пресса. Ряды поклонников театра стремительно росли. С годами случилось закономерное: окрепшие птенцы, обретшие крылья, начали далекие полеты. Две из трех актрис-«сестер» осуществили свое заветное желание — переехали в Москву. Маша, которую играла Елизавета Солодова, пошла в Малый театр, стала народной артисткой РСФСР. Актриса, игравшая Ирину, Людмила Антонюк, поступила в Московский театр имени Пушкина. Она тоже теперь народная артистка РСФСР. Третья «сестра», Ольга,— Нина Подовалова, заслуженная артистка РСФСР, нынче играет в Харьковском русском драматическом театре имени Пушкина. Заслуженного артиста РСФСР Алексея Глазырина знают зрители Московского театра имени Станиславского. Заслужен-

ный деятель искусств УССР Владимир Ненашев — главный режиссер Харьковского русского драматического театра. Заслуженная артистка БССР Ильза Шульмейстер играет в Минском русском драматическом театре, заслуженный артист РСФСР Виктор Волков — в Ростовском драматическом театре имени Горького...

Из первого поколения чеховцев на таганрогской сцене нынче осталась лишь одна артистка — Ольга Воробьева. И это по-своему дорого таганрожцам: их питомцы выросли!

У кого-то из них в канун двадцатипятилетия первого спектакля чеховцев в Таганроге родилась хорошая мысль: снова собраться всем в городе юности. И на той же сцене, теми же силами, в той же постановке показать таганрожцам тот же спектакль—«Три сестры». Инициаторы связались с однокашниками, объехали театры страны, нашли всех тех, кто начинал в сорок пятом свою творческую жизнь на мысу Таганий Рог...

Откликнулись все!

Охотно поддержал своих учеников и первый их учитель — человек беспокойного сердца, щедрой русской души, народный артист СССР, лауреат Государственной премии, профессор Владимир Вячеславович Белокуров.

Начались репетиции; кстати говоря, первые шли в Москве. Всеми овладела какая-то необычная окрыленность. С душевным волнением готовились актеры к своему слету. Ставшие москвичами, таганрожцы собирались после спектаклей: советовались, обдумывали, как лучше провести юбилей, репетировали, работали... Расходились уже в поздние ночные часы и радовались, радовались предстоящей встрече с земляками, спешили в свой родной Таганрог!

А в Таганроге тоже царило праздничное настроение.

«Трех сестер» ожидал весь город. Ждали партийные и советские организации, коллективы заводских рабочих, студенты...

И вот в Таганрог приехали и сестры, и брат их Андрей, и подполковник Вершинин, и штабс-капитан Соленый, и Федор Ильич Кулыгин, и барон Тузенбах, и доктор Чебутыкин...

Вместе с актерами приехал первый постановщик спектакля — В. Белокуров.

Их встречали, как родных, близких людей. Подходили к ним на улицах, ожидали возле гостиницы и театра, приветствовали, обнимали, присылали письма... Приведу лишь несколько строк из письма В. В. Белокурову.

«Уважаемый Владимир Вячеславович! — пишет Капитолина Чеславна Петкевич.— Прошло четверть века, а я до сих пор помню тот замечательный январский спектакль 1945 года... Как мы все волновались: и зрители, и еще больше актеры. Театр полюбился городу с первого же спектакля! На всю жизнь стали нашими, родными Лиза Солодова, Люся Антонюк, Нина Подовалова, Ильза Шульмейстер, Алеша Глазырин, Володя Ненашев, Лева Штейнрайх... Много лет мы мечтали о новой встрече со своими любимцами, и, наконец, эти дни наступили...»

Билетная касса была буквально осаждена: тысячи и тысячи желающих!.. И тогда чеховцы решили: для родного города они на все время юбилея будут ежедневно давать два спектакля.

Репетиции шли днем и ночью. Владимир Вячеславович Белокуров говорил зрителям:

— Право, как поведать о настроении актеров?!. Вижу — Глазырин болен. Говорю ему: «Отдохни». И слышать не хочет! Энтузиазм всеобщий. Каждый дорожит традициями своего театра — да, да, традициями своего, таганрогского театра!.. Ночью, когда часа в четыре закончилась репетиция, Лиза Солодова сказала: «Вот еще один счастливый день прожит в Таганроге...»

Тридцать первого января «Три сестры» вышли на сцену.

Двадцатипятилетие премьеры превратилось в большое событие, в настоящий праздник. Об этом хорошо сказала, выражая признательность актерам, Лидия Антоновна Бодик, секретарь Таганрогского горкома партии. Были сотни приветственных телеграмм, в том числе — от давнего друга чеховцев, Героя Социалистического Труда Константина Александровича Федина. От мхатовских корифеев...

Прекрасный спектакль! Переполненный зал был пленен мастерством Е. Солодовой, Л. Антонюк, Н. Подоваловой, Г. Вигулярной, И. Смирновой-Шевченко, В. Ненашева, А. Глазырина... В сердце каждого зрителя отозвались слова Маши — Солодовой о том, что человек должен верить, иначе жизнь его пуста.

В зале сидели люди, верящие в правоту наших дел, наших идей... И мне подумалось: повидал бы это Чехов, бессмертный таганрожец... Пришел бы он сейчас в этот старинный театр, где не раз бывал еще гимназистом, когда стеснительного Антошу бесплатно водил на галерку его приятель — машинист сцены...

Антон Павлович всегда радовался, что в городе, где он родился, где прошло его детство и отрочество, бывали Жуковский, Пушкин, Чайковский... Именно в Таганроге поклялся молодой Джузеппе Гарибальди освободить свою родную Италию от оккупантов. В таганрогском театре Чехов слушал известную итальянскую певицу Паулину Лукка. Здесь выступали выдающиеся артисты своего времени: дирижер Гаэтано Молла, Ольридж, Томмазо Сальвини... Но все равно, будни старого Таганрога были серы и безрадостны. Вот каким описывал Антон Павлович город: «Грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог...»

Таганрог наших дней — большой промышленный, культурный город с несколькими институтами, десятками техникумов и школ, музыкальными и художественными учебными заведениями, со многими Дворцами культуры, библиотеками, народными театрами...

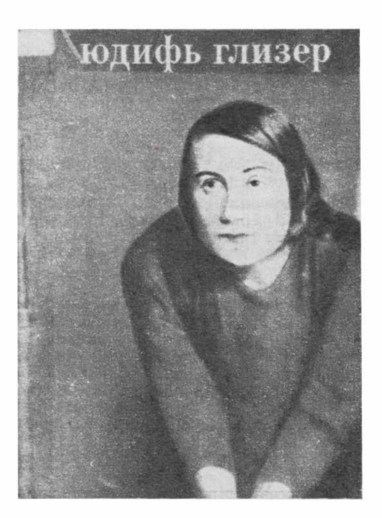
Если бы Антон Павлович, вышедший в мир из этого города, побывал на юбилейном спектакле, он сам убедился бы в том, какая глубокая, пророческая правда заключена была в словах Тузенбаха, когда тот убежденно говорил: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Мы познали это удивительное, славное время!..

г. Таганрог.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ТАКОЙ БЫЛА ОНА...

Когда я видела ее последний раз (конечно, в те минуты я никак не подозревала, что это именно и был последний раз), она показалась мне не то чтобы усталой, но какой-то притихшей после сыгранного только что на сцене Театра имени Маяковского спектакля «Матушка Кураж и ее дети» в замечательной постановке М. Штрауха.

Но вот актриса — все еще будто оберегая в себе эту драгоценную душевную успокоенность, минуту отдохновения,— сама заговорила о спектакле, о роли, о том, что считает в ней главным, решающим...

И вдруг нет уже в ней ни покоя, ни задумчивости!.. Нет от них и следа в бездонных, сверкающих глазах актрисы, в ее сразу изменившемся лице, на котором опять каждая черта неожиданно стала не «копировать», не пересказывать внутреннюю суть матушки Кураж, а уничтожать, бить ее яростно и беспощадно...

Возможно, что обличающая сила, с которой Юдифь Глизер сыграла матушку Кураж — живое достояние войны и фашизма,— отныне не останется уже недоступной для мирового театра... Хотя в этой роли мне посчастливилось видеть и знаменитую Елену Вайгель, жену Брехта...

Да разве одна только матушка Кураж оказалась такой наступательной и грозной в творческой биографии Глизер! В борьбе против мещанства и обывательщины, стяжательства и корысти актриса с первых дней своей сценической жизни и до самого конца шла по главному, магистральному направлению советского театра.

Принадлежа к славной когорте первопроходцев, разведчиков форм и методов социалистического реализма, Глизер в искусстве стала явлением неповторимым. Удивляя зрителя неожиданностью своих находок, она дарила ему удивительное богатство красок, найденных в характере каждой своей героини, характере, всегда оправданном и взлетом творческой мысли и большой правдой жизни. Точнее, смелостью и правдой Театра. Того Театра, который, по меткому слову Луначарского, был нужен Революции. Театра, неведомого ранее, нового, полного открытий и дерзаний.

Открытием, дерзанием, по существу, было уже то, что угловатая, провинциальная девчонка-оборвашка Юдифь Глизер, занесенная в Москву ветром Революции, вдруг понадобилась Театру. Понадобилась потому, что в ней — о чем она тогда и не подозревала — был заложен заряд огромной взрывчатой энергии. Заряд таланта. Особенного, ни на чей другой не похожего.

Едва поверив в это, Глизер отдала Театру и Революции все, что было так щедро отпущено ей природой: способность зажигаться и зажигать, невиданную работоспособность...

Актриса тратила свои силы не жалея, а они, словно в сказке, все прибывали... Сколько великолепных образов она создала, а ей все было мало, мало... «Крой дальше!» — требовал от Глизер Сергей Эйзенштейн, покоренный и восхищенный этими образами. И она «крыла». Сатира, гротеск, эксцентриада были, пожалуй, главным ее оружием на сцене, хотя иные ее героини знали грацию и мягкость женской натуры, способность беззаветно любить...

Не пересказом всех ролей актрисы, а новым, серьезным их осмыслением порадует читателя книга «Юдифь Глизер», выпущенная недавно издательством «Искусство». Особый интерес здесь, безусловно, вызовут содержательные, богатые наблюдениями очерки П. Новицкого, Е. Суркова... Очень обогащают сборник отзывы современников и прежде всего обширная статья Сергея Эйзенштейна, дружившего с актрисой, видевшего, как растет и развивается талант Глизер.

С болью в сердце читаешь очерк Максима Максимовича Штрауха «Юдифь, ты здесь?». Это как бы посмертное признание в любви, той любви, которая длилась всю жизнь,— документ, пронизанный горем утраты... Здесь не просто один большой художник рассказывает о другом большом художнике: речь идет о человеческих отношениях, какие сами по себе становились орудием художнической взаимовыручки, взаимоподдержки. Орудием творчества.

...Советский театр, его историю строили и строят многие актеры — хорошие и разные. Но всегда крупные, могучие, сложные. И нельзя, чтобы мы забывали о них, чтобы уроки их великолепного мастерства уходили в небытие. Они нужны нам и сегодня.

ТАЙНИК

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

...Грянула война. На кораблях под непрерывной бомбежкой добирались до Ленинграда. Ивана и Василия ждал приказ из Москвы: организовать работу в тылу фашистских захватчиков.

Анна-Лииса и Мирья тоже оказались в осажденном Ленинграде. Иван и Василий настойчиво уговаривали Анну эвакуироваться через Ладогу на Восток. Но она категорически отказалась, заявив, что может быть полезной в радиопропаганде. Мирья не пожелала бросать свою Аннушку и осталась в Ленинграде.

Наступили тяжелые блокадные дни. Холод и голод, артобстрел и бомбежки. И все же друзья встречались. Иван и Василий навещали Анну-Лиису, хотя им приходилось пешком в морозы вышагивать из одного конца города в другой. Приносили хлеб и пшено — часть своего пайка. Знали, что Анна-Лииса делится своим скудным пайком с Мирьей, получавшей «сто двадцать пять блокадных грамм». Анна отказывалась принимать дары друзей, и они тайком оставляли их у Мирьи.

Однажды, когда друзья уже собрались было идти к Анне-Лиисе, Иван вдруг сказал Василию: «Иди сам». «Что это ты, Иван?.. Надорвался?.. Посовестился бы, не похоже на тебя». Иван ничего не ответил и молча положил в карман полушубка товарища маленький пакет. Василий в сумерках побрел один. По дороге достал пакет, развернул — в белый листок бумаги были завернуты три кусочка селедки. И записка: «Кушайте на здоровье, друзья. Ваш Ваня». Позже Василий все понял: друг его не мог не заметить, что Анна-Лииса искренне, по-товарищески любила обоих, но сердце девушки принадлежало лишь одному из них — Василию, длинному, худющему и не очень-то красивому парню. Что поделаешь!..

Их троих связывала не только дружба. Они часто встречались в штабе. Анна занималась радиопропагандой, подготовкой листовок, обработкой информации, переводом захваченных документов, журналов, книг, издававшихся тамошними квислингами. Из Ленинграда в немалой мере направлялась работа боевых отрядов, действовавших в подполье на родине Анны-Лиисы. И вдруг связь с одним из самых больших отрядов прервалась. Вскоре стало известно, что его руководители арестованы гестапо. Начали выяснять причины ареста, анализировали положение в отряде, изучали его связи... И пришли к выводу: вдали от места событий разобраться трудно. Решили отправить в тыл нового человека, который возглавил бы отряд. Пусть он и разберется в этой сложной обстановке.

Кого послать? Добровольцев было много. Но одного нельзя послать по состоянию здоровья, а этот — слабовольный, может и не выдержать, третий... В общем, сошлись на одном: это должен быть коренной житель республики, человек смелый, большой силы воли.

Анна-Лииса не раз говорила своим друзьям, что готова отправиться в тыл противника на любое задание. Но сейчас речь шла о том, чтобы возглавить отряд. Она, конечно, и на такое дело пошла бы, однако предлагать свою кандидатуру сама не решалась.

И тогда решили за нее. Как-то на узком оперативном совещании руководитель службы обеспечения сказал:

— Имеется, товарищи, предложение. Может быть, оно кое-кому покажется странным. Но давайте обсудим... Что, если послать в тыл противника Анну-Лиису?

Все посмотрели на него с недоумением.

— Не удивляйтесь. Она местная жительница, знает язык, нравы, обычаи, в прошлом действовала в подполье, образованна, умна, миловидна, приобрела у нас опыт оперативной работы. Есть у нее, на мой взгляд, один недостаток — больно молода...

— Это не единственный недостаток,— решительно возразил начальник оперативного отдела.— Мы, конечно, можем доверять этой девице здесь.— Он иронически ухмыльнулся, подчеркнув два последних слова.— Но мы не знаем, как она поведет себя там.— И снова ударение на последнем слове.— Я хотел бы напомнить, что она вышла из буржуазной среды, ее родители бежали в Швецию, куда она тоже в свое время имела удовольствие прокатиться. Но главное не в этом — она жила в Германии... По-моему, достаточно.

— Нет, недостаточно! — резко возразил поднявшийся с места Василий.— Вам, должно быть, известно, что заграничные путешествия были не в диковинку вообще и интеллигенции этой страны в частности. Это во-первых, а во-вторых...

Ему трудно было говорить. Карандаш дрожал в руках. Василий взорвался было, но быстро овладел собой и спокойно стал перечислять все, что сделала Анна-Лииса в подполье: как стреляли в нее фашисты, как организовала она, девушка, отряды народной милиции и как во главе одного из таких отрядов ночью ликвидировала банду фашистских головорезов.

— Я вижу, вы хорошо изучили биографию Анны-Лиисы,— процедил начальник оперативного отдела. Усмехаясь, спросил: — Может быть, вы знаете и другие качества этой девицы, о которых не принято говорить вслух? А может, кое-кому из присутствующих они еще лучше известны? — И он захихикал, нагло посмотрев в сторону Ивана.

Василий стукнул кулаком по столу.

— Здесь не балаган...

Дело в том, что в штабе многие уже знали о взаимоотношениях Василия и Анны. Не только знали об их любви, уже прошедшей суровое испытание блокадой, но и ждали, что не сегодня-завтра они поженятся. Недвусмысленные намеки до глубины души оскорбили Василия. Но он сдержался.

— Простите, товарищи, я несколько погорячился. Разрешите высказаться по существу...— И, чеканя каждое слово, не повышая голоса, продолжал: — Я полагаю, что товарищи тщательно взвесили все «за» и «против», обсуждая вопрос о засылке Анны-Лиисы в тыл противника. Я полагаю, что они приняли это решение, основываясь не только на анкетных данных. Мне, по причинам вам известным, не совсем удобно выступать в ее защиту. Но, может быть, именно поэтому я решаюсь заявить со всей ответственностью коммуниста: она не подведет! Я ручаюсь за нее!

Василий, казалось, должен был быть благодарен товарищу, который отводил кандидатуру Анны, любимой Василием девушки, невесты. Ведь не на увеселительную прогулку снаряжали ее, а на дело смертельно опасное. А он, коммунист Василий, требовал: посылайте! Но обо всем этом подумалось позже.

Около года хрупкая девушка во главе большого отряда действовала в тылу врага. Она оказалась смелой разведчицей. Информация, поступавшая от нее лично и от ее отряда, высоко ценилась штабом и нередко направлялась в Ставку.

И вдруг гром среди ясного неба: радио гитлеровцев передало, что гестапо удалось раскрыть «большую группу русских шпионов во главе с опытной разведчицей». Вскоре в Ленинграде получили и фашистскую газету с тем же самым сообщением.

...Крылов тяжело вздохнул, снова зажег сигару, и в комнате стало так тихо, что слышно было, как Бахарев почему-то энергично тер рукой подлокотник кресла.

— Надо ли говорить вам, друзья,— продолжал Крылов,— какой это был страшный удар. И для штаба. И для Василия. Штаб лихорадило. Люди ходили как в воду опущенные. Тяжело переживая провал Анны-Лиисы, старались найти причины, анализировали данные, поступившие от других групп, обдумывали план ближайших операций. А начальник оперативного отдела оживился, словно нежданно обрушившаяся беда его не касалась. Он гремел: «Я вам говорил, предупреждал. Мы не имели права доверять этой девице. Мы обязаны были воздержаться. У нас есть опыт. А кое-кто тут стал паясничать: ах уж, мол, эти анкетные данные! Анкета — прожектор. Ездила за границу. Была в фашистской Германии. Да, в студенческие годы, но что это меняет? Может быть, уже тогда завербовали...»

Он шумел, а все молчали. Трудно было возражать ему. Факты упрямы. Группа провалилась. Анна-Лииса в руках гестапо...

Василия тогда отстранили от всех дел. Еще более похудевший, он ходил как неприкаянный. Но он жил какой-то неясной надеждой. На что? Сам не знал. И все надеялся, верил...

Сведения о провале группы были разноречивые. И если вдумчиво проанализировать их, то версия о том, что Анна-Лииса предала, отпадала. Но начальник оперативного отдела сам не захотел этим анализом заниматься и другим запретил. «Пустое дело. Все ясно...» А месяца через полтора из Москвы пришло подробное сообщение о судьбе Анны-Лиисы и ее друзей. Гестапо «внедрило» в эту группу провокатора. Благодаря смелости, находчивости и строгой конспирации Анны большая часть отряда спаслась от провала. А что касается арестованных, то они, следуя примеру своего руководителя, держались стойко, приняли все муки, пытки и никого не выдали.

Осенью 1944 года родина Анны-Лиисы была освобождена. Вместе с наступавшими частями Советской Армии в столицу республики вошел и штаб, в котором служили Василий и Иван. И в первый же день в штаб поступило донесение: наши солдаты с ходу ворвались в тюрьму и перестреляли гестаповцев, которые спешили угнать последнюю партию заключенных. Среди них девушка. Она просит немедленно доставить ее в штаб.

Через час Анна-Лииса уже сидела рядом с Василием.

Тяжко было слушать ее. О себе она почти ничего не сказала. Говорила о страшных муках, принятых товарищами. Один из них чудом остался в живых и сейчас поведал о бесстрашии и стойкости Анны. Сначала ее только допрашивали. Потом пытали. Затем начали действовать через родителей, вернувшихся из Швеции и ублажавших представителей рейха. Она не захотела видеть отца и мать. Анну уговаривали, сулили всякие блага.

— Так оно было, друзья,— продолжал Крылов.— Как смогла все это перенести Лиза...— Полковник осекся и поспешил исправиться: — Как все это могла перенести Анна-Лииса, знает лишь она сама... Только с тех пор эта женщина носит платья и кофточки с высокими воротничками, чтобы прикрыть шрамы на шее. Но один шрам, тот, что на левой щеке, ничем не прикроешь...

— Так это же Елизавета Ивановна! — воскликнул Бахарев.— Жена Василия Михайловича, генерала Клементьева! Я с ней рядом на вечере в клубе сидел... Шрам на левой щеке... Точно... Ну, а дальше, дальше как дело было? Начальник оперативного отдела как себя чувствовал?

Крылов помялся. Не хотелось ему отвечать молодому работнику КГБ на этот вопрос.

— Неплохо чувствовал. До поры до времени. Правда, он сам попросился в другой штаб. Позже и вовсе отстранен был. А Василий, что же... Поженились... И я на той свадьбе был... Все вспоминали, как мы вместе ухаживали за Анной-Лиисой. У них теперь двое ребят. Мирья долго жила с ними, детей нянчила. Умерла лет десять назад. А Лиза кафедрой иностранных языков заведует. Есть еще вопросы у лейтенанта Бахарева?

Нет у Николая Андреевича вопросов. Ему понятно, для чего была рассказана эта история.

— Спасибо, Иван Михайлович, и за рассказ и за... урок.

— Какой же это урок. Просто так. Толика пищи для раздумий. Это ведь легче всего — тень на человека бросить. А ты попробуй докажи, что тень зря бросили. Тут и смелость, и мастерство, и всякие иные качества требуются. В общем, не нужно шарахаться из стороны в сторону. Ясно? Так вот извольте видеть, обстоятельства дела «Доб-1» таковы, что...

Он помедлил, подыскивая подходящие слова. И тут на помощь пришел Птицын:

— Обстоятельства по делу выявляются такие, что все улики оказываются весьма разноречивыми.

И он, словно не было у него с Бахаревым никакого щепетильного разговора, стал развивать план ближайших действий:

— Значит, так. Позвонить Марине. Раз. Если она согласится принять тебя, поехать к ней. Два. Узнать, как здоровье. Три. Послушать, что скажет гость. Ты, надеюсь, не забыл, что Марина обещала познакомить Зильбера с тобой. Посмотрим, как она будет выполнять свое обещание. Серго и Елена продолжают наблюдение. Но им уже нельзя показываться на глаза ни Марине, ни Зильберу. Подключим других. Мне

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—6.

докладывай два раза в день. Первый доклад жду сегодня вечером. Я буду здесь допоздна.

...Птицын сидит в кабинете и продолжает все тот же трудный разговор с самим собой. «За» — «Против». «Ну, а если не Марина, то кто?.. Эх, «Ландыш», «Ландыш», ты, кажется, опять выручаешь нас...

5

Мы уже как-то рассказывали про «Ландыша», когда писали «Тайну 50 строк»[1]. Белорусская девушка Катя, попавшая в концлагерь, полюбила там иностранца, юношу, участника движения Сопротивления. После войны судьба забросила ее на родину будущего мужа. Семья, дети, поиски работы. Предложили место служанки в доме богатых людей. Прошло немного времени, и служанка догадалась: отсюда тянутся нити к агентам вражеской разведки, засланным в СССР. Случилось так, что Кате удалось узнать многое такое, что облегчило работу нашим разведчикам и контрразведчикам. И случилось так, что Катя нашла способ дать знать об этом на Родину. Катя — «Ландыш» не последнюю роль сыграла тогда в раскрытии «Тайны 50 строк», когда была поймана с поличным переводчица секретного научного института, выполнявшая задание вражеской разведки.

С тех пор прошло уже несколько лет. Волею судеб Катя связала свою трудную, а теперь полную опасностей жизнь с нашими органами государственной безопасности. Но уже несколько раз приходили от нее в Москву письма — крик души: «Разрешите вернуться в СССР. Муж согласен». Нет, ей не приказывали. Ее просили. Взывали к ее разуму. К ее сердцу патриотки. «Ну, еще годик... Вот закончим дело...» Потом всплывало новое дело. А к тому времени Катя завоевала доверие хозяев. Стала в доме своим человеком. Она прошла жестокую проверку. Ей разрешили поехать в Белоруссию повидаться с родными, дали много денег, но поставили одно условие... Какое же это было страшное для нее условие, как хитро было все продумано! Она должна была выполнить поручение хозяев, используя служебное положение родного брата. «В Москве он познакомит тебя с человеком, для которого главное в жизни — деньги и красивые женщины,— сказали ей.— Мы его знаем. Подходящий мужчина». «Деньги вы мне дали. А кто будет той красивой женщиной?» — боязливо спросила Катя. Служанку в ответ одарили снисходительно-насмешливой улыбкой. «Ты! Не убудет тебя. А твой... Служба, дорогая моя, есть служба».

В Москве «Ландышу» помогли «выполнить» это задание.

— Вы не волнуйтесь, Катя,— говорил ей Птицын.— Все будет в порядке. Мы не позволим... Ни одного пятнышка не ляжет на вашу честь. А отчет вы представите в наилучшем виде. И ни один волос с головы вашего брата не упадет. Вот так...

Хозяева были премного довольны результатами поездки Кати. Прошло некоторое время, и она стала своеобразной домоправительницей. Тем не менее ее держали на известной дистанции. Не все доверяли. Не все она знала. Но многое, что могло помочь Родине, ей удалось разузнать. И уже настала пора, когда хозяева и их «гости» не очень-то стеснялись говорить в присутствии Кати о делах сугубо секретных.

...И вот лежит перед Птицыным последнее сообщение «Ландыша».

Подполковник отхлебнул кофе и, не опуская чашку, уставился на фотографию «туриста» Альберта Коха.

— Черт те что... Бывают же такие совпадения. И дефект указательного пальца, и на студентку вышел. И медицина присутствует. Все совпадает. А фотография не та. Задала ты нам задачу, «Ландыш»... Вот так, милая.. Ситуация, доложу я тебе...

В третий раз перечитывает подполковник сообщение «Ландыша». Дело, согласно этому сообщению, складывается примерно следующим образом.

Год назад в их доме появился гость — господин Альберт Кох, который прежде никогда здесь не бывал. Он приехал с письмом от господина Эрхарда, одного из специалистов по СССР. Господин Альберт Кох, инженер-физик, должен получить новое подданство — то же, что и у Катиных хозяев. Он должен стать сотрудником одного из институтов, поддерживающих научно-технические контакты с СССР. Ближайшая цель — через несколько месяцев отправить Коха в Москву. При этом, как указывалось в рекомендательном письме, следует предусмотреть осложняющие обстоятельства: господин Альберт Кох однажды уже бывал в СССР в качестве «туриста», и есть основания полагать, что он обратил на себя внимание контрразведки.

Через некоторое время «Ландыш» сообщила, что ее хозяева без всякого труда определили Коха в нужный институт. И сейчас идет подготовка к его отправке в Москву, и, конечно, не под фамилией Альберта Коха. «Ландыш» передала на словах портрет инженера. Птицын, «читая» этот портрет, мысленно благодарил «Ландыша»: «Молодец! Надо же уметь так точно схватить все черты... Полное совпадение с фотографией Коха, хранившейся в архиве». Среди других примет — дефект указательного пальца... Какой именно, Катя вспомнить не смогла.

В Москве «физика» свяжут с человеком, ко-

[1] См. «Огонек» №№ 30—32, 34, 35 за 1966 год.

торый будет весьма полезен разведчику. Его стихия — уголовщина, спекуляция, контрабанда. Родом из Одессы и за полвека успел познать, что такое тюрьма, колония строгого режима и как за большие деньги покупают фальшивые паспорта и души людей. В Москве у него есть дама сердца, женщина, привыкшая жить «красиво и широко». Дама очень перспективна: от нее могут потянуться нити к секретному подмосковному институту. Об одессите Катя много сообщить не может. Знает только, что даму свою он покорил необычайной галантностью, солидностью, а главное — широтой натуры: о нем говорили, что он не любит вести счет деньгам и утверждает, будто Госбанк только для того и выпускает их, чтобы они снова вернулись туда...

На вопрос Коха, кто поможет ему установить связь с одесситом, последовал ответ: «Пусть это вас не заботит... Если надо будет, мы вам все это сообщим перед вылетом...» А пока он должен запомнить следующее: через несколько дней после приезда Альберта Коха в Москву ему позвонит в гостиницу человек и попросит к телефону Сергея Николаевича. «Турист» должен переспросить: «Кого?» Ему ответят: «Сергея Николаевича Пономарева. Из Ленинграда». «Турист» может положить телефонную трубку на место и поспешить к Никитским воротам, в кинотеатр повторного фильма, и купить на завтра билет на первый сеанс — десятый ряд, первое, второе или третье место. Рядом с ним будет сидеть человек с журналом «Природа» в руках. Это и будет тот самый джентльмен из Одессы.

В Москве «турист» должен увидеть студентку, с которой он однажды уже встречался. Точных координат ее «Ландыш» пока дать не может. Известно лишь, что студентка в добрых отношениях с медиками. Но тут же «Ландыш» дважды оговаривается: все это предположительно! Она надеется, что ей все же удастся установить более точные данные и об уголовнике из Одессы, и о студентке, и о характере задания, с которым «физик» отправится в Москву. А главное — хотя бы ориентировочную дату выезда разведчика.

Надеется... Это хорошо, что она надеется. Но прошло уже немало времени после этого подробного сообщения, а от Кати ни слуху ни духу. В чем дело? Больна? Опасность провала?

Птицын сердито дует на чашку горячего кофе, приговаривает: «Черт те что, какая закавыка...» Кох ли это? Дефект указательного пальца правой руки — подходит. Студентка — отлично. И с медициной в порядке: мама — доктор. Вероятно, это имелось в виду. Все, кажется, совпадает. Но вот борода, усы, черт их побери, путают карты... И этот одессит? Толстяк? Будем считать, что первую их встречу в кино мы проворонили. Но быть того не может, чтобы он вновь не появился на горизонте. Это, конечно, в том случае, если Кох есть Зильбер. А так ли это? Он, Птицын, сличал фотографии Коха и Зильбера, лишив «туриста» бороды и усов. Нет, не похожи. Кто же он, господин Зильбер?

* * *

...Бахарев, направляясь в свой кабинет, в коридоре встретил Серго.

— Генацвали! Дорогой мой!

— А, Серго... Привет! Кстати, забыл спросить тебя. Ты не обратил внимание на руку Марины? Кольца не было?.. Золотое с маленьким бриллиантом?

Серго ответил, не задумываясь:

— Не было.

— Ты уверен?

— Генацвали, если Серго говорит «не было», считай, что на камне высечено. Серго хвастать не умеет. А про кольцо у них разговор был...— И тут же он хлопнул себя по лбу.— Склероз, настоящий склероз. Забыл доложить подполковнику... Мы только подошли к столу и слышим: иностранец спрашивает у Марины, понравилось ли ей кольцо и почему она его не носит. И сказал, что отец будет очень огорчен, если не угодил подарком.

— А она что?

— Ничего. Она вообще мало разговаривала...

— Женщины, дорогой мой Серго, наделены даром выражать свои мысли не только словами, но и взглядом, усмешкой... Понял? А вообще-то спасибо за информацию. Не забудь Птицыну доложить. Деталь, по-моему, очень важная...

Бахарев распрощался с Серго и пошел звонить Марине. Звонил он ей в тот день несколько раз. И все безуспешно. Наконец, часов в пять ответила мать: «Марина плохо себя чувствует. Просит прощения, но подойти к телефону не может».

Вечером Бахарев приехал в Комитет докладывать Птицыну. Подполковник стоял у маленького столика в углу комнаты и колдовал над своей любимой кофеваркой.

— Что нового?

— Ничего. Мать уверяет, что дочь больна и к телефону не подходит.

— Врет... С какой целью врет, не знаю. А то, что врет,— факт неоспоримый. Вот так...

— У вас есть какая-то информация на сей счет?

— Садись. Кофе пить будешь? Как угодно... Все равно садись. Вот так... Есть важные вести. Три часа назад после долгого перерыва поступило сообщение «Ландыша». Ей делали серьезную операцию, и она на некоторое время выбыла из строя. И вот, наконец, связь восстановлена.

«Ландыш» сообщала, что за несколько дней до операции записала разговор хозяйки с Альбертом Кохом.

Мадам считает, что посылать Альберта, учитывая настороженность советской контрразведки, по меньшей мере рискованно. Даже если пустить в ход секреты лучших мастеров косметики, изменить фамилию. Тем более, как сказала хозяйка, в ее стране встретились некоторые затруднения по части оформления туристских документов. Вернувшись из больницы, «Ландыш» узнала, что вместо Альберта Коха в Москву снарядили разведчика под фамилией Зильбер. Характер заданий, условия его работы в Москве те же, что и у Коха. В свое время он вместе с ним в одной туристской группе выезжал в Москву и должен попытаться продолжить кое-какие дела, начатые Кохом. «Ландыш» старается точнее узнать, кто должен выйти на связь с разведчиком. И вновь подтверждает: в разговоре несколько раз упоминалась какая-то студентка и человек из Одессы. Передала словесный портрет Зильбера. Совпадает — у этого тоже дефект указательного пальца. Бывает же так.

— Судя по тому, что Зильбер в Москве находится уже шестой день, первую его встречу с одесситом мы прозевали,— заключает Птицын.

— Но из всего сказанного не могу уловить, почему мать Марины врет?

— Ты не торопись. Всему свой черед. Вот эту чашечку допью и тогда...

— Александр Порфирьевич, вы же всю ночь спать не будете — глушите черный кофе одну чашку за другой... Так не нельзя.

— Знаю... Давал слово: три чашки в день и ни единой больше... Постепенно снижаю норму.— И Птицын с аппетитом, маленькими глотками допил четвертую за вечер чашку кофе. Потом он крякнул от удовольствия, сел рядом с Бахаревым.

— Давно советовал тебе, Коля, время от времени голову в холодильник прятать... Чтобы остывала... На, читай...

Это было сообщение о Зильбере. Через час после того, как Бахарев поговорил по телефону с Анной Михайловной, «турист» встретился с Мариной у Чистых прудов. Они заглянули в ближайшее кафе, и здесь Зильбер, передав Марине какую-то газету, сказал: «Как видите, я не забыл о своем обещании...»

Что это за газета, догадаться было трудно. Но, судя по разговору Зильбера и Марины, это была та самая газета, которую «турист» обещал принести ей еще тогда, при первой встрече в ресторане «Метрополь». И, видимо, газета на немецком языке: Марина тут же углубилась в чтение статьи, которая, если верить комментариям «туриста», принадлежала господину Эрхарду. По словам Зильбера, его друг уже давно примкнул к той плеяде прогрессивных людей Запада, что поддерживают советскую политику мирного сосуществования.

— Вы можете подарить мне эту газету?

— Конечно... Ваш отец будет безмерно счастлив, когда узнает, что среди читателей его статьи и дочь...

Потом они прогуливались по бульвару. «Турист» проводил ее до станции метро «Кировская». И уже перед самым прощанием они заспорили. Марина пыталась что-то вручить «туристу», а тот сопротивлялся и в чем-то убеждал ее. А она, не подав руки, скрылась в вестибюле метро.

Минут через десять бородач нырнул вслед за ней. Вышел на станции «Проспект Маркса». Посмотрел на часы и направился в мосторг. Перед входом еще раз посмотрел на часы. Постоял несколько минут, оглядывая улицу, вошел в магазин. Был час «пик». Зильбер протиснулся к молодой женщине и что-то положил ей в карман... К сожалению, никаких характерных ее примет зафиксировать не удалось, и, к сожалению, попытка проследовать за неизвестной успехом не увенчалась.

— Шляпа! «Не увенчалась»! — кипятился Бахарев.— А тут, вероятно, и заключена разгадка...

— Опять эмоции. Что ты с ним будешь делать?.. Пойми же, черт возьми, с любым из нас может случиться. Ну вот и с нами случилось...

Бахарев смотрит на Птицына полными изумления глазами.

— Как это понять, Александр Порфирьевич? Что значит «с нами»?

— Вот так и надо понимать. Вдвоем мы сегодня действовали. Решил, что надо мне самому поближе к Зильберу присмотреться: экий он фрукт... И вот... Черт те что... Шляпы!

— Александр Порфирьевич, простите за резкость. Это я, так сказать... От огорчения, что ли...

— Зачем же... В принципе оно, конечно, по справедливости сказано. Шляпы и есть. Но надо же реальную обстановку представлять. Ты был когда-нибудь в мосторге в час «пик»? То-то и оно. Столпотворение. Поди уследи в этом адовом человеческом водовороте. Ну, а теперь по домам. Завтра с утра снова звони Марине.

— Александр Порфирьевич, может быть, мне с Ольгой встретиться, попытаться у нее узнать, что там приключилось с Мариной: действительно ли она больна?

— Ну что же... В этом есть свой резон...

Утром Бахарев без особого труда получил расписание занятий Ольги: в четырнадцать часов она выйдет из Института акушерства и гинекологии.

* * *

...Стоял сумрачный осенний день. Утром прошел дождь, и воздух все еще был пропитан сыростью. Николай медленно прогуливался по опаленным осенью аллеям парка, что почти вплотную примыкал к институту.

Бахарев пытался разобраться в происходящем. Птицын в общем-то прав: «Ишь, как тебя заносит». Неужели он окажется во власти эмоций, он, Колька Бахарев, уже побывавший в свои молодые годы в разных жизненных передрягах? Он снова вспомнил свой разговор с Птицыным о Марине, когда они возвращались домой. И свое смущение и растерянно-неопределенный ответ на прямо поставленный вопрос: «Не знаю, может быть...» Нет, хитришь! Тебе ведь не безразлична эта ершистая девушка. И он мысленно как бы соразмеряет себя с другим Бахаревым, всматривается в него. А что, собственно, разглядывать? Лейтенант Бахарев поступит так, как повелевает закон советского чекиста: если неопровержимые улики будут против Марины, он сумеет подавить в себе чувство к ней, каким бы сильным оно ни было. И никто, как он, Бахарев, обязан докопаться до объективной истины, никто, как он, Бахарев, будет денно и нощно распутывать клубок улик...

Так, ожидая встречи с Ольгой, он «аранжировал» те самые «психологические нюансы», на которые намекало начальство. Неожиданно на аллее показался Владик из МВТУ — юноша, с которым Николай познакомился на вечере студентов медицинского института. Бахарев еще раз взглянул на него и усмехнулся: «Ольгин поклонник заступил на вахту».

Еще тогда, когда он впервые увидел Владика, ему подумалось: «Любовь зла, полюбишь и козла». Что нашла эта красивая, яркая девушка в щупленьком, невзрачном пареньке? И ему вспомнился рассказ Марины. Она не без сарказма говорила о цинизме подруги и в лицах представила, как однажды на девичнике после нескольких рюмок коньяка Ольга, закинув ногу на ногу, попыхивая сигаретой, злословила в адрес своего поклонника:

— Удивительно примитивный парень. Стоит на коленях, заламывает руки, кричит «моя Офелия», произносит велеречивые тирады о красивой любви до гробовой доски вместо того, чтобы честно сказать: «Хочу переспать с тобой».

Одна из девушек, Надя, хорошо знавшая Владика, спросила Ольгу: «Зачем же тебе понадобился этот прыщавый замухрышка?» Ольга словно вдруг протрезвела, испытующе посмотрела на подругу и резко отрубила: «Тайна секса...»

Марина, рассказывая обо всем этом Николаю, оживленно комментировала поведение Ольги:

— Ее, пожалуй, впервые при посторонних так прорвало. Слишком много выпила. Она ведь в общем-то весьма сдержанная и лишнего никогда не позволит. Только оставаясь со мной наедине, иногда говорит то, что думает. Так мне кажется...

Вспоминая сейчас этот Маринин рассказ про девичник, Бахарев подумал: «Тайна секса... Только ли секса?»

...Сейчас ему надо опередить Владика, перехватить Ольгу.

Она вышла на улицу и сразу свернула в сторону сада, туда, где в уже давно облюбованном месте ее ждал Владик. И вдруг — Бахарев.

— Какая приятная встреча, Николас.— Она его так называла с первого дня знакомства.

Ольга что-то тараторила о том, как ей приятно было знакомство с русским поэтом, с таким молодым человеком, в котором она увидела лучшие черты истинно русского интеллигента. Она стала настойчиво приглашать его в гости, в общежитие. Бахарев, желая поскорее переключить разговор на Марину, сказал:

— В ближайший день нагряну к вам вместе с Мариной.

Она кокетливо передернула плечиками и игриво заметила:

— Вы есть трусишка... Я имею о вас более высокое мнение, Николас... Без Марины боитесь прийти?

— Полноте, Ольга,— рассмеялся Бахарев.— Впрочем, я учту, что вы были обо мне более высокого мнения...

— Вы давно видели Марину?

— Мне кажется, что я не видел ее целую вечность... Звонил по телефону, и Анна Михайловна как-то неопределенно ответила. Говорит, что Марина все еще болеет и не ходит в институт.

Ольга ухмыльнулась.

— Дочь врача всегда, когда ей это потребуется, может представить в институт оправдательный документ... У вас его почему-то называют бюллетенем... Смешно... Вчера я была у нее. Пили чай с клюквенным вареньем и слушали очень грустные пластинки... Такие же грустные, как и хозяйка. Даже про ужин в ресторане, как пила, веселилась, танцевала, каким вы были милым кавалером, про все это она рассказывала с такой кислой физиономией, будто речь шла о визите к дантисту... Между прочим, она часто вспоминала вас. И очень душевно. Видите, какая я благородная — зову вас в гости и тут же рассказываю вам такое... Душа женщины — потемки. Это я не о Марине. О себе. Кстати, мне показалось, что она очень хочет видеть вас. Счастливый мужчина, которого рвут на части две молодые женщины!

— Вам это показалось. Судя по телефонному разговору...

— Нет, нет. Это так есть. По-моему, у нее будет какое-то дело до вас. Какое? Право не знаю. Мы очень откровенны друг с другом, у меня от Марины нет секретов, и у нее — от меня. Но женщины всегда будут женщинами...

Бахарев в некоторой степени уже владел искусством вести беседу, думая в то же время о чем-то постороннем. И хотя сейчас мысли Николая были где-то там, в запутанной сфере отношений Марины и Зильбера, на лице Бахарева был написан живейший интерес к тому, что говорит собеседница.

Бахарев галантно раскланялся и пошел к остановке троллейбуса.

Продолжение следует.

Н. М. Ромадин на выставке своих произведений. Фото Б. Кузьмина.

ПРЕЛЕСТЬ РОССИИ

Поэтична красота пейзажной живописи Николая Михайловича Ромадина. Диапазон ее звучания велик — она и мужественная, героическая, и лирическая, задумчивая... Главное же — чувство, которое вызывают картины. И чувство это, радостное, острое, глубоко западает в душу.

5 февраля в залах Академии художеств СССР открылась выставка произведений народного художника РСФСР, действительного члена Академии художеств СССР Н. М. Ромадина. С приветствиями замечательному художнику выступили заместитель министра культуры СССР В. И. Попов, народный художник СССР Н. В. Томский, заслуженные художники РСФСР Д. К. Мочальский и С. И. Дудник.

Эта выставка — любовь к природе, понимание ее. Пройдите по выставке, и вы узнаете свои собственные впечатления, собственные чувства и будете благодарны мастеру за то, что он так удивительно точно передал их.

Счастливое ощущение жизни пронизывает каждое его произведение. Ромадин писал и Белое море, и среднеазиатские пейзажи, и Каир, и Заонежский край. Но сердце художника отдано мягкой, задумчивой красоте среднеполосной русской природы. И недаром часто ставят имя Ромадина рядом с именем Есенина. Для обоих творчество неотделимо от природы, жизнь — от поэзии родной земли.

Сын самарского железнодорожника, Николай Михайлович Ромадин неудержимо, упорно рвался к искусству и с открытым сердцем, наполненным любовью к России, к ее природе, приобщился к живописи.

На выставке широко представлен творческий путь Ромадина. Есть здесь не только пейзажи, есть и жанровые полотна, и портреты, и интерьеры. Во всех произведениях Ромадин по праву, данному талантом, раскрывает перед зрителем что-то еще недавно скрытое, неуловимое и как будто говорит: вы же видите сами, как прекрасна жизнь, как прекрасна наша земля.

Н. АНДРЕЕВА

ПУТЬ В СТРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Северодонецк известен не только как крупный промышленный центр, но и как центр физкультурный. Еще до того как начинается рабочий день, наступает своеобразный спортивный час «пик»: тысячи жителей Северодонецка спешат на стадионы, в игровые залы, к теннисным кортам...

Для северодончан стало уже не то что привычным, а точнее сказать, естественным начинать свой день с физкультурных занятий. И не случайно Северодонецк славится своими спортивными достижениями. Как же пришла к городу спортивная слава? Об этих «слагаемых успеха» рассказывает первый секретарь Северодонецкого горкома КП Украины Ю. Мачула на страницах сборника «Веление времени», который выпущен в свет издательством «Физкультура и спорт».

Нам часто приходится читать, как сложился тот или иной хоккейный матч, как шел к новому рекорду штангист, как были забиты голы во время очередной встречи на первенство страны... Но большой спорт может существовать только на базе самого широкого массового спорта, и это поистине всенародное спортивное движение заслуживает соответствующего внимания.

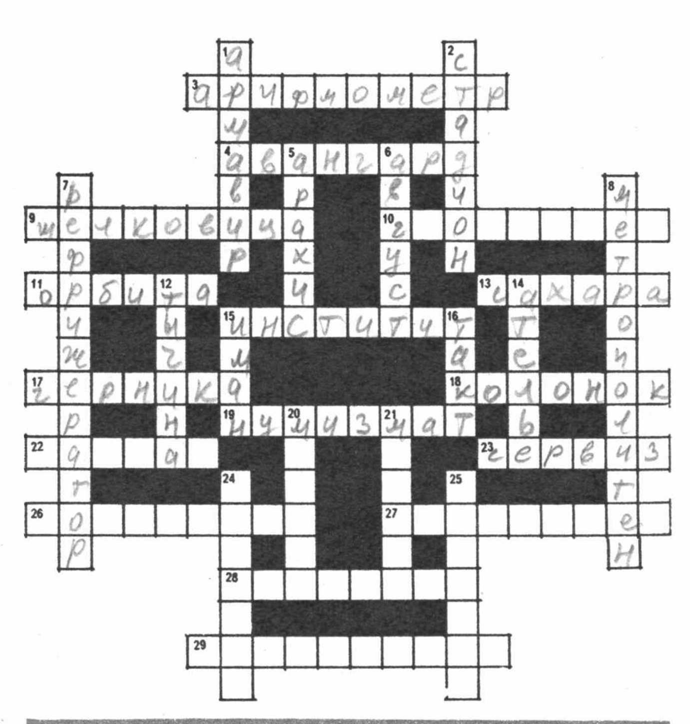
Не один Северодонецк славится спортивными успехами. Если бы вновь, как во времена Гомера, заспорили города, то на первенство в развитии массовой физкультуры со всеми основаниями могли бы претендовать и Салават, и Днепродзержинск, и Гори, и еще многие и многие «соперники» из разных концов нашей страны. Здесь позвольте оговориться: многие, но не все. Кое-где еще смотрят на физкультуру как на дело второстепенное, а в других местах, если и понимают ее благотворное влияние на здоровье людей, на производительность труда, то не знают, как взяться за дело. Поэтому одно из главных достоинств сборника «Веление времени» в том, что его статьи на конкретных примерах показывают пути приобщения к спорту.

С. Павлов, председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, М. Кондаков, заместитель министра просвещения СССР, И. Мозговой, учитель средней школы, Г. Елисеев и В. Ивонин — заместители председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, Л. Ленцман, секретарь ЦК КП Эстонии, И. Переверзев, председатель колхоза имени С. М. Кирова, А. Селиванов, министр коммунального хозяйства Украинской ССР, А. Чеснавичус, секретарь ЦК ВЛКСМ, В. Богатиков, секретарь ВЦСПС, и многие другие известные партийные и советские деятели, ученые, педагоги, руководители колхозов и предприятий делятся с нами своими мыслями о том, как надо претворять в жизнь постановления партии о развитии физической культуры и спорта в нашей стране.

По образному выражению одного из авторов сборника, председателя колхоза «Политотдел» Ман-гым Хвана, «отдых так же принадлежит труду, как веки глазам». Развивая эту мысль, можно добавить, что спорту принадлежат и здоровье, и дисциплина, и хорошее настроение.

С добрым чувством встречаешь появление сборника «Веление времени», который не только подводит итоги той огромной работы по спорту, которая проделана в стране, но и раскрывает новые задачи, стоящие перед нашим физкультурным движением.

Л. ЛЕБЕДЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Настольная счетная машина. 4. Передовой отряд. 9. Тутовое дерево. 10. Город в Нидерландах. 11. Путь движения небесного тела. 13. Пустыня в Африке. 15. Высшее учебное заведение. 17. Ягода. 18. Пушной зверь. 19. Коллекционер старинных монет и медалей. 22. Ткань с ворсом. 23. Полный набор столовой или чайной посуды. 26. Птица отряда воробьиных. 27. Русский этнограф, собиратель и исследователь фольклора. 28. Курорт на берегу Балтийского моря. 29. Наука о законах равновесия и движения жидкостей.

По вертикали: 1. Город в Краснодарском крае. 2. Спортивное сооружение. 5. Земляной орех. 6. Месяц года. 7. Транспортное средство с холодильными установками. 8. Вид городского транспорта. 12. Украинский поэт. 14. Мастерская живописца. 15. Река в Приморском крае. 16. Метрическая единица в музыке. 20. Автор пьесы «Мизантроп». 21. Дневная бабочка. 24. Горючая жидкость. 25. Рамка с валиком для бумаги в пишущей машинке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 7. «Гитарист». 8. Грушовка. 9. «Косарь». 11. Абакан. 12. Капитан. 15. Рубин. 16. Скотт. 18. Табло. 19. Тригонометрия. 22. Шубин. 23. Кроль. 24. Левко. 27. Канклес. 28. Качели. 30. Енисей. 32. Фотометр. 33. «Бригадир».

По вертикали: 1. Линолеум. 2. Фара. 3. Килька. 4. Лугано. 5. Доха. 6. Акварель. 10. Широконоска. 13. Лигроин. 14. Галилей. 16. «Стоик». 17. Трель. 20. Фурманов. 21. Академия. 25. Шкипер. 26. Есенин. 29. Енот. 31. Икар.

На первой странице обложки: **ПРЕОБРАЖЕННЫЙ КРАЙ — САХАЛИН.** Геннадий Кочетков, мастер Калининского рыбоводного завода. Иван Ручкин и Александр Дущенко работают на шахте Горнозаводска. Студентка Александровского медицинского училища Лариса Додонова. Скалы «Сестры» близ города Александровска. Курсанты Сахалинского мореходного училища. Маленькая Аля Наумкова в детских яслях «Ручеек» совхоза «Кировский».

На последней странице обложки: Южно-Сахалинск. Ребята из детского сада на прогулке. Курсант Сахалинского мореходного училища Николай Котенко. Плавательный бассейн в Южно-Сахалинске. Из этой икры скоро появятся мальки кеты. Где-то на Курилах... Траулер «Новая эра» входит в порт.

Фото А. Награльяна и Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

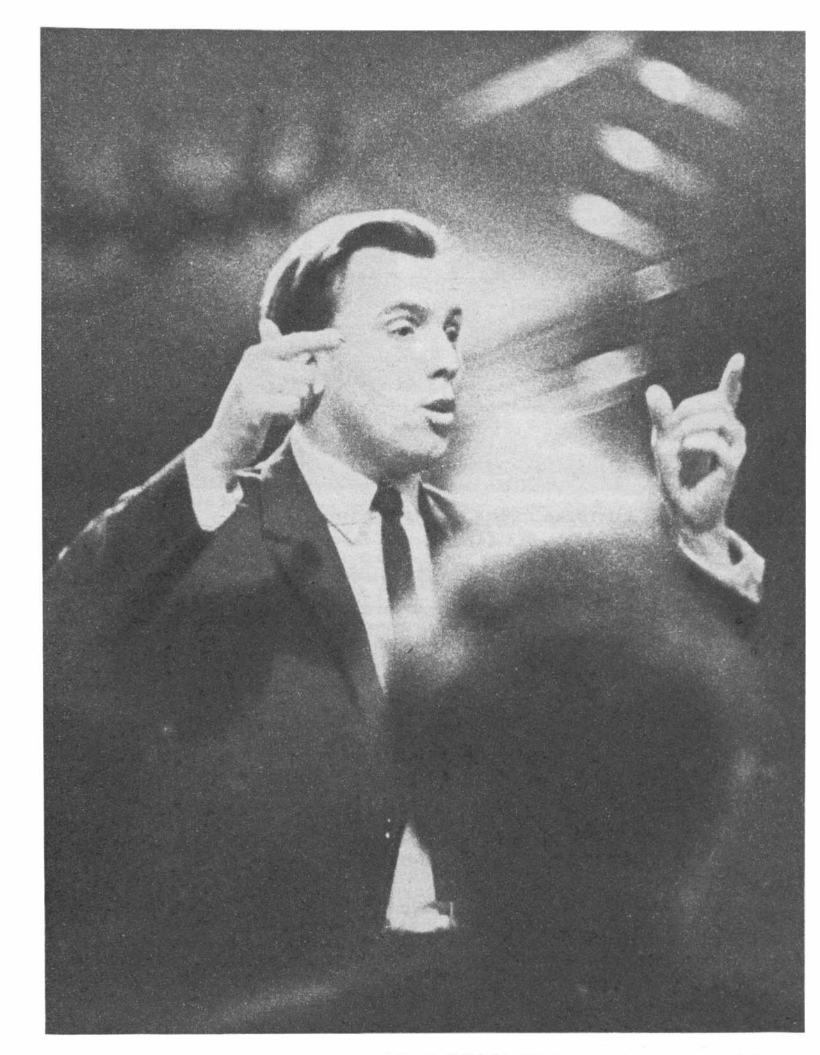
Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/I-70 г. А 00322. Подп. к печ. 10/II-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 423. Тираж 1 970 000 экз. Заказ № 267.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Внимание, начали! И полилась широкою рекой песня. Руководитель Сахалинского народного хора Владимир Наумов.

Огни вечерние

Слова И. Белоусова.

Музыка В. Наумова.

Зажглась звезда вечерняя
Над сопкой голубой.
По городу весеннему
Проходим мы с тобой.

Огни сияют встречные,
Плывут по сторонам,
Как будто бесконечного
Желают счастья нам.

Под кронами зелеными
Идем рука в руке,
Встречают нас поклонами
Березки вдалеке.

С улыбкой пары встречные
Плывут по сторонам,
Как будто бесконечного
Желают счастья нам.

Нам южносахалинские
Вечерние огни
Навеки стали близкими,
Сдружили нас они.

Горят, как зори вешние,
Огни по сторонам,
Как будто бесконечного
Желают счастья нам.

С вечерним тихим городом
Прощаться не хочу.
Я наклоняю голову
К любимому плечу.

А в небе звезды вечные
Плывут по сторонам
И тоже бесконечного
Желают счастья нам.

О нем говорят с любовью: наш, сахалинский. И как же не говорить так, когда всегда приносит он с собой широкую русскую песню, вихревую пляску, задорную частушку, шутку!.. Но главное — радость, хорошее настроение. Сахалинский русский народный хор! Свыше ста человек, рабочие, служащие, врачи, преподаватели, воспитатели и учащиеся, собираются вместе на репетиции и спевки. Хор постоянно и с успехом выступает перед шахтерами и рыбаками, перед рабочими и колхозниками, в больших домах культуры и совсем маленьких клубах, но всегда одинаково с неизменным успехом. А этим летом самодеятельным артистам аплодировали Курилы.

Сахалинцы любят веселую пляску, хорошую песню, любят настоящее искусство.

Хороша она, наша русская сахалинская пляска...

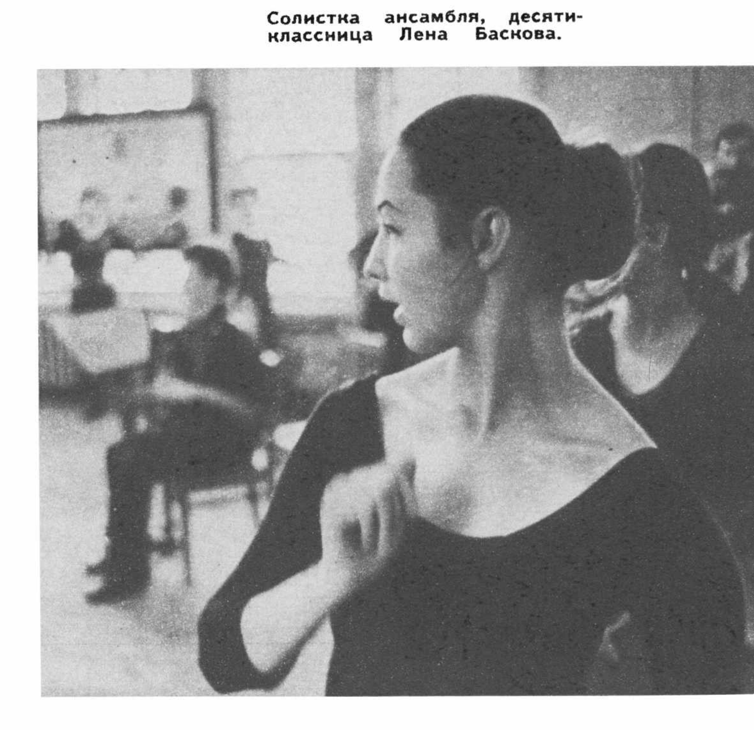

Перед выходом на сцену.

И песня тоже хороша!

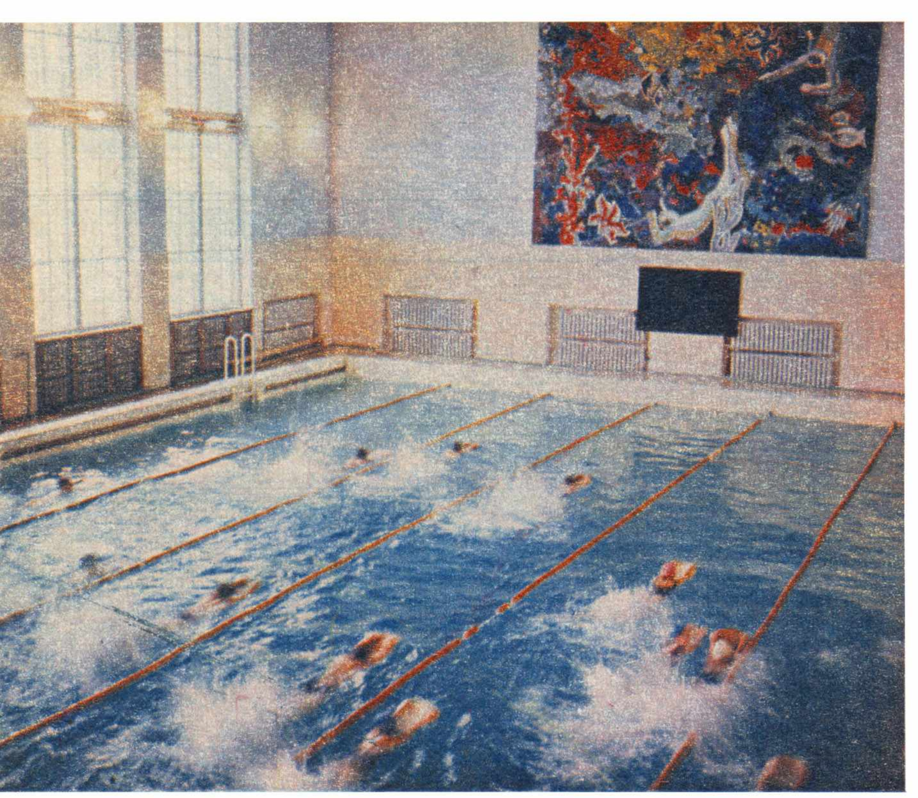
Солистка ансамбля, десятиклассница Лена Баскова.

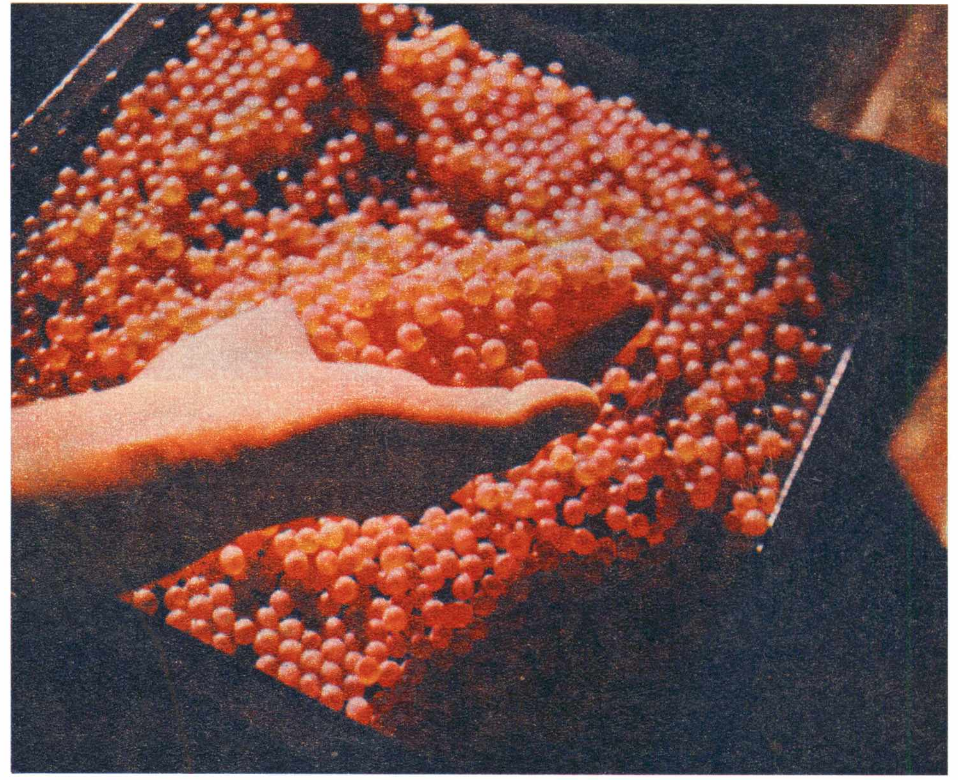

НАШ САХАЛИНСКИЙ!

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.

